Книгоиздательство І. Р. БѢЛОПОЛЬСКАГО, Невскій, 110.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1-ю СЕРІЮ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ
„НАЧАТКИ ЗНАНІЙ".

Я. ЯКОВЛЕВЪ

Томъ І.
ОЧЕРКИ
Первобытной культуры
Подъ ред. Ал. Богданова.

Томъ ІІ.
БЕСѢДЫ
по Политической экономіи
Подъ ред. Ал. Богданова.

МОКІЕВСКІЙ
Томъ ІІІ.
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ.

Ник. КАРИНЦЕВЪ

Томъ ІV.
ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РАЗНЫХЪ СТРАНАХЪ
ДАНІЯ.—НОРВЕГІЯ.
ИТАЛІЯ.—БЕЛЬГІЯ.

Томъ V.
СѢВ. АМЕРИКА.—КАНАДА.
АВСТРАЛІЯ.—НОВ. ЗЕЛАНДІЯ.

Н. СОКОЛОВЪ
Томъ VІ.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ РОССІИ
ВЪ XIX И НАЧАЛѢ XX ВѢКА.

6 ТОМОВЪ
ЦѢНА
15 РУБЛЕЙ
(безъ доставки).

Допускается разсрочка:
при подпискѣ — 3 р. и по полученіи каждаго тома по 2 р.
Упаковка и пересылка по 50 к. за каждый томъ.

ЦѢНА
отдѣльн. тома
2.75—3.75
въ зависимости отъ объема
(безъ доставки).

Типографія Кооперативнаго Т-ва «НАЧАТКИ ЗНАНІЙ». 7 Рождеств., 28-24.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
„НАЧАТКИ ЗНАНІЙ“

П. МОКІЕВСКІЙ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ

(СОЦІОЛОГІЯ)

1к

ПЕТРОГРАДЪ
Изданіе І. Р. Бѣлопольскаго
1918.

Пров[illegible]

НМ
5[illegible]

Тип. «ЕДИНЕНІЕ» Невскій пр., 136. Тел. 50-06.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
779
30

ГЛАВА I.

Почему люди живутъ обществами?

Великій древній философъ Аристотель сказалъ, что, „человѣкъ есть животное общественное“. И это изреченіе совершенно справедливо не только относительно современныхъ людей, не только относительно людей временъ Аристотеля (т. е. болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ), но также и относительно всѣхъ тѣхъ людей, о жизни которыхъ мы имѣемъ болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія.

Однако, можно спросить: Развѣ въ строеніи человѣка есть что либо такое, что дѣлаетъ его жизнь внѣ общества невозможною? Развѣ нельзя предположить, что было время, когда человѣкъ жилъ одиноко, встрѣчаясь лишь на время съ особами другого пола, или, что было время, когда люди жили парами, причемъ дѣти, подростая, сейчасъ же покидали своихъ родителей, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ животныхъ? Стоитъ лишь задать подобные вопросы, чтобы увидѣть, что нѣтъ никакихъ непреодолимыхъ препятствій для жизни человѣка въ одиночку, или, по крайней мѣрѣ, парами. А если мы начнемъ изучать жизнь ближайшихъ родственниковъ человѣка, т. е. жизнь человѣкообразныхъ обезьянъ, то мы должны бу-

демъ, даже, прійти къ заключенію, что одинокая жизнь человѣка, въ самомъ началѣ существованія человѣческаго рода, весьма вѣроятна.

Совмѣстная жизнь животныхъ представляетъ для нихъ и извѣстныя выгоды и извѣстныя невыгоды, сравнительно съ одинокой жизнью. И сообразно съ тѣмъ перевѣшиваютъ ли у какихъ либо животныхъ выгоды или невыгоды совмѣстнаго ихъ существованія, эти животныя, въ концѣ концовъ, переходятъ къ жизни обществами или остаются разрозненными.

Выгода совмѣстной жизни прежде всего обнаруживается въ большей безопасности существованія. Эта большая безопасность существованія достигается, какъ вслѣдствіе того, что стадо соединенными силами легче можетъ отбиться отъ сильнаго хищника, такъ и вслѣдствіе того, что все стадо бываетъ болѣе чутко, чѣмъ отдѣльное животное, ибо каждый членъ стада, замѣтивши хищника, можетъ крикомъ, или инымъ какимъ либо образомъ, предупредить объ опасности остальное стадо. Извѣстны даже случаи, когда пасущееся стадо выставляетъ изъ своей среды сторожей, которые тщательно слѣдятъ за появленіемъ хищниковъ и предупреждаютъ стадо о всякой опасности.

Вторая выгода совмѣстнаго существованія можетъ заключаться во взаимной помощи для добыванія себѣ пищи; но это уже требуетъ болѣе значительнаго умственнаго развитія и нѣкоторой привычки къ совмѣстной дѣятельности, и, поэтому, эта вторая выгода не можетъ быть выгодой первоначальной: она, очевидно, возникла лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго совмѣстнаго существованія. То же самое и еще въ гораздо

большей степени, слѣдуетъ сказать и о той выгодѣ совмѣстнаго существованія, которую теперь мы больше всего сознаемъ и цѣнимъ, а именно, о духовномъ удовлетвореніи отъ общенія съ себѣ подобными существами: очевидно, что даже самое простое „стадное чувство“ предполагаетъ уже продолжительную привычку къ совмѣстному существованію; мало того, всякій естествоиспытатель знаетъ, что подобное чувство можетъ быть значительнымъ лишь у такого существа, у котораго много поколѣній его предковъ уже жили обществами.

Невыгода же совмѣстнаго существованія состоитъ прежде всего въ томъ, что животныя будутъ другъ у друга перебивать пищу. Затѣмъ, если животныя не отличаются особеннымъ миролюбіемъ, то между ними будутъ происходить драки и междуусобія.

Разсматривая выгоды и невыгоды совмѣстнаго существованія легко замѣтить, что для животныхъ слабыхъ и миролюбивыхъ выгоды совмѣстнаго существованія должны перевѣшивать невыгоды; а для животныхъ сильныхъ и хищныхъ, наоборотъ, невыгоды должны перевѣшивать выгоды.

И мы дѣйствительно видимъ, что сильныя и хищныя животныя всегда живутъ одиноко. Стадо львовъ или тигровъ было бы полной безсмслицей: въ помощи противъ другихъ враговъ эти животныя крайне мало нуждаются, а пищу другъ у друга они перебивали бы. Затѣмъ, принимая во вниманіе свирѣпый нравъ этихъ животныхъ, легко понять, что между ними была бы вѣчная грызня и взаимныя убійства. Хотя, въ качествѣ исключенія львы иногда и соединяются для сов-

мѣстной охоты на крупныхъ животныхъ, и это бываютъ лишь мимолетные союзы.

Человѣкъ есть существо довольно слабое и не имѣющее такого естественнаго оружія, какъ когти, рога или сильные клыки. Но, съ другой стороны, первобытный человѣкъ, конечно, былъ существомъ легко раздражающимся и драчливымъ. Это мы можемъ предположить какъ потому, что и теперь еще звѣрскіе инстинкты у человѣка довольно сильны, такъ и потому, что дикари—существа довольно свирѣпыя и во всякомъ случаѣ легко возбудимыя. Да и ближайшіе родственники людей, человѣкообразныя обезьяны особой кротостью не отличаются...

Слѣдовательно у человѣка одно его качество: его сравнительная слабость должна была сдѣлать для него совмѣстную жизнь выгодной, а другое его качество: его не особенно миролюбивый характеръ долженъ былъ значительно препятствовать установленію совмѣстной жизни.

Но помимо всѣхъ этихъ обстоятельствъ, дѣлающихъ выгоднымъ или невыгоднымъ совмѣстное существованіе у какого либо животнаго, есть еще одно обстоятельство, которое, въ концѣ концовъ, играетъ рѣшающую роль; это рѣшающее обстоятельство есть степень духовнаго совершенства даннаго животнаго. Ибо, очевидно, что, чѣмъ умнѣе животное, тѣмъ болѣе выгоды оно можетъ извлечь отъ соединенія съ себѣ подобными существами, и тѣмъ легче оно можетъ устранить невыгоды совмѣстной жизни.

А извѣстно, что въ отношеніи духовнаго совершенства человѣкъ не имѣетъ себѣ соперниковъ на всей землѣ. Даже самые первобытные дикари,

стоящіе по своимъ духовнымъ силамъ посерединѣ между нами и человѣкообразными обезьянами, даже и эти жалкія существа духовно одарены безъ всякаго сравненія болѣе, чѣмъ самыя умныя среди животныхъ.

И, въ концѣ концовъ, время, когда совмѣстная жизнь для человѣка сдѣлалась рѣшительно выгоднѣе жизни одинокой, опредѣлилось тѣмъ, когда человѣкъ въ своемъ постепенномъ развитіи достигъ извѣстной степени умственнаго совершенства.

Пока человѣкъ питался только растительной пищей, которую онъ находилъ готовою, питался затѣмъ червями, улитками, черепахами и вообще разными мелкими животными, а иногда и трупами животныхъ, однимъ словомъ, пока человѣкъ питался тѣмъ, что болѣе или менѣе легко одинъ могъ добыть себѣ, до тѣхъ поръ совмѣстная жизнь съ другими людьми не только не увеличила бы его пищи, но, очевидно, уменьшила бы ее. Но когда человѣкъ настолько развился, что могъ начать охотится на болѣе крупныхъ животныхъ, то помощь другихъ людей сдѣлалась для него незамѣнимой. Существо довольно слабое и бѣгающее медленнѣе огромнаго большинства другихъ животныхъ, человѣкъ могъ охотится на большихъ и быстроногихъ животныхъ тѣмъ удачнѣе, чѣмъ больше ему помогали другіе люди.

Когда выгода совмѣстнаго существованія для человѣка перевѣсила невыгоды, тогда образованіе обществъ по всей землѣ было обезпечено. Ибо, если среди людей, не сумѣвшихъ еще соединиться въ общество, оказались бы, хотя въ одномъ мѣстѣ, люди перешедшіе уже къ совмѣстной жизни, то

всѣ эти не соединившіеся люди были бы обречены на исчезновеніе, если не сейчасъ же, то въ болѣе или менѣе скоромъ времени.

Въ самомъ дѣлѣ, люди соединившіеся въ общество не только захватили бы себѣ лучшую пищу, но еще и прямо начали бы истреблять одинокихъ людей, начали бы охотиться за ними, какъ за звѣрьми.

Вѣдь первобытный человѣкъ былъ людоѣдомъ, а охота цѣлою толпою на одинокаго человѣка была легка и безопасна. Слѣдовательно, борьба людей между собою, борьба и косвенная, когда выхватываютъ другъ у друга изъ подъ носа пищу, и прямая, когда просто нападаютъ другъ на друга, убиваютъ одинъ другого и съѣдаютъ убитаго, оба эти вида борьбы способствовали тому, что всѣ люди соединились въ общество, а кто не соединился тотъ погибъ въ неравной борьбѣ.

Совмѣстная жизнь способствовала умственному развитію людей, а это болѣе высокое умственное развитіе и совмѣстная дѣятельность помогли людямъ оцѣнить всю выгоду совмѣстнаго существованія, спаяли ихъ въ одно цѣлое и тѣмъ еще болѣе увеличили силу общества и его побѣдоносность въ борьбѣ какъ съ природой, такъ и съ людьми.

ГЛАВА II.

Первобытный человѣкъ.

Люди всегда замѣчали сходство между человѣкомъ и животными. Не говоря уже о человѣкообразныхъ обезьянахъ, которыхъ, живущіе съ ними рядомъ дикари, считаютъ за особую породу людей, даже относительно такихъ, гораздо менѣе похожихъ на человѣка животныхъ, какъ медвѣди, мѣстами существуетъ убѣжденіе, что они тоже люди, но лишь скрываютъ свою человѣческую природу.

Однако, несмотря на то, что между человѣкомъ и животными явственно имѣется много общаго, мысль объ общности происхожденія человѣка и животныхъ не скоро и лишь съ большимъ трудомъ получили общее признаніе. Послѣ великихъ работъ Дарвина и блестящихъ изслѣдованій въ области ученія о развитіи организмовъ, никто теперь уже не сомнѣвается, въ томъ, что всѣ животныя (какъ и растенія) появились на землѣ лишь постепенно: сначала появились самыя простыя животныя, а потомъ мало по малу отъ этихъ простѣйшихъ животныхъ стали развиваться все болѣе и болѣе совершенныя существа. И когда теперь ученые раскапываютъ землю, то оказывается,

что, чѣмъ древнѣе пластъ земли, тѣмъ болѣе простыя животныя (т. е. ихъ остатки) въ немъ встрѣчаются.

Установить вполнѣ точно родство человѣка еще не удалось; но несомнѣнно, что ближайшими родственниками человѣка являются такъ называемыя человѣкообразныя обезъяны, т. е. горилла, шимпанзе и орангъ-утангъ (орангъ-утангъ на языкѣ туземцевъ острова Борнео значитъ „лѣсной человѣкъ“, до такой степени велико сходство орангъ-утанга съ человѣкамъ). Человѣкъ развился, конечно, лишь постепенно, такъ что было бы весьма затруднительно сказать, съ какого поколѣнія можно считать начало существованія уже несомнѣннаго человѣка. Теперь уже открыли остатки существа, которое является переходною ступенью между обезьянами и человѣкомъ. Современные ученые признаютъ, что существо несомнѣнно-человѣческое появилось на землѣ не болѣе 200,000 лѣтъ тому назадъ.

Это существо, этотъ „первобытный“ человѣкъ, несомнѣнно, появился въ жаркомъ климатѣ, т. е. тамъ, гдѣ изобиліе земныхъ плодовъ давало ему возможность не только существовать, но даже и размножаться. А добываніе пищи было для него довольно затруднительно: само собою разумѣется, что первоначально онъ не имѣлъ никакихъ, даже самыхъ простыхъ орудій, которыя могли-бы ему облегчить добываніе пищи, а физически онъ былъ несомнѣнно слабѣе теперешнихъ людей.

Мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что ростъ первобытнаго человѣка, въ среднемъ, былъ меньше теперешняго средняго роста человѣка, хотя, вѣроятно, эта разница въ ростѣ и была не

особенно большою. Но къ разницѣ въ ростѣ присоединялась еще и разница въ величинѣ мускуловъ: мускулы переобытнаго человѣка были несомнѣнно слабѣе и меньше нашихъ мускуловъ. Ко всему этому нужно еще прибавить и различіе въ нервной энергіи. И это различіе было особенно велико. Дикарь рѣшительно неспособенъ развить такое могучее нервное напряженіе, на какое способенъ цивилизованный человѣкъ. Всѣ путешественники отмѣчаютъ, что даже тѣ дикари, которые обладаютъ большимъ ростомъ и надѣлены богатой мускулатурой, не могли успѣшно бороться съ европейцами средняго роста и со средней мускулатурой. Кромѣ того испытаніе силы рукъ динамометромъ всегда обнаруживало, что эта сила у дикарей не велика.

Къ этому нужно прибавить, что нижнія конечности у первобытнаго человѣка были слабо развиты. Опять всѣ путешественники отмѣчаютъ, что ноги современныхъ дикарей коротки, слабы и неуклюжи. А подобное устройство нижнихъ конечностей невыгодно какъ при бѣганіи, такъ и при борьбѣ. Наконецъ, животы первобытныхъ людей и современныхъ дикарей очень велики, со слабой мускулатурой и отвислые.

Большіе и отвислые животы, конечно мѣшаютъ энергической дѣятельности и подвижности человѣка. Они являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ способа питанія первобытнаго человѣка; ибо, во-первыхъ, этотъ человѣкъ питался часто самыми неудобоваримыми и малопитательными предметами, и поэтому онъ долженъ былъ много съѣдать и его кишечникъ былъ переполненъ недоброкачественными матеріалами и газами; во-

вторыхъ, первобытный человѣкъ не могъ питаться регулярно, т. е. ежедневно по нѣсколько разъ въ день. Онъ, подобно животнымъ, долженъ былъ наѣдаться въ запасъ. И онъ ѣлъ все, что ему попадалось подъ руку, все что онъ могъ добыть въ данный моментъ, а потомъ голодалъ по много дней. Извѣстно, какое громадное количество жира можетъ съѣсть за одинъ присѣстъ эскимосъ. А относительно тунгусовъ и якутовъ путешественники разсказываютъ, что тѣ могутъ съѣсть въ одинъ день цѣлый пудъ мяса.

Такое неравномѣрное питаніе способствуетъ разслабленію нервной системы человѣка: послѣ большой ѣды человѣкъ надолго дѣлается вялымъ, апатичнымъ и неспособнымъ къ дѣятельности; пища плохо усваивается и не является равномѣрнымъ источникомъ энергіи. А, затѣмъ, продолжительное голоданіе въ свою очередъ разслабляетъ человѣка и истощаетъ его организмъ.

Въ среднемъ пища первобытнаго человѣка конечно, не была обильна, не была по крайней мѣрѣ обильна по своему качеству, по своей питательности, ибо набивать желудокъ съ голоду чѣмъ попало дикарь, конечно, могъ, но этимъ онъ лишь обременялъ свой желудокъ, не насыщая себя.

Въ настоящее время человѣкъ является существомъ всеяднымъ, т. е. онъ одинаково охотно питается и растительной пищей и пищей животной. Почти несомнѣнно, что человѣкъ и всегда былъ существомъ всеяднымъ: на это, между прочимъ, указываютъ и особенности процесса пищеваренія у человѣка и строеніе его зубовъ.

Среди современныхъ дикихъ и нецивилизованныхъ народовъ употребленіе пищи опредѣляется

почти исключительно климатомъ. Чѣмъ холоднѣе климатъ тѣмъ болѣе преобладаетъ животная пища, такъ что жители полярныхъ странъ употребляютъ почти одну животную пищу. Это происходитъ, конечно, потому, что, чѣмъ холоднѣе климатъ, тѣмъ бѣднѣе растительность страны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это совпадаетъ и съ физіологическими требованіями организма. Напримѣръ, огромное потребленіе жира эскимосами, живущими въ холодномъ полярномъ климатѣ, необходимо для ихъ организма, ибо жиръ, изъ всѣхъ видовъ пищи, развиваетъ наибольшее количество тепла въ тѣлѣ человѣка.

Питаніе человѣка рѣзко раздѣляется на два періода: питаніе до открытія способа употребленія огня и питанія человѣка, умѣющаго пользоваться огнемъ, причемъ человѣкъ сначала лишь просто пекъ на огнѣ мясо, а потомъ научился варить свою пищу въ водѣ.

Несомнѣнно, что человѣкъ первоначально питался совершенно такъ, какъ питаются животныя: онъ не прибѣгалъ къ искусственнымъ пріемамъ для добыванія себѣ пищи, а просто бралъ все то, что было подъ рукою. Благо, богатая тропическая растительность давала ему и такую прекрасную пищу, какъ кокосовый орѣхъ, и саговую пальму, и хлѣбное дерево, и бананы, и множество другихъ съѣдобныхъ веществъ. Конечно, всѣ эти растенія не находились въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же странѣ: каждая страна имѣла свою растительную пищу и лишь впослѣдствіи человѣкъ перемѣшалъ растенія, перенося ихъ изъ одной страны въ другую. Такъ, напримѣръ, древніе мексиканцы

не знали банановъ, а теперь бананы получили въ Мексикѣ огромное распространеніе, какъ растеніе крайне выгодное, ибо бананы на одной и той же площади даютъ сборъ въ 133 раза превышающій сборъ пшеницы.

Первоначально животной пищей человѣка были лишь черви, моллюски и другія небольшія и не быстрыя животныя. Когда же люди соединились въ общества, ихъ животная пища сдѣлалась болѣе разнообразной.

Но искусствомъ приготовленія пищи ни первобытные люди, ни современные дикари не отличаются. Жители Огненой земли, напримѣръ, съѣдали пойманную рыбу въ сыромъ видѣ и притомъ цѣликомъ, ничего не выбрасывалъ. А бушмены, убивши гиппопотама, вскрываютъ ему животъ и поѣдаютъ его внутренности сырьемъ. Найдя полусгнившаго кита, дикари зубами рвутъ куски изъ его тѣла и тутъ же съѣдаютъ.

Огромнымъ шагомъ впередъ въ жизни людей былъ переходъ къ занятію охотой. Соединившись въ общества, люди получили возможность нападать на большихъ и быстроногихъ животныхъ. Скоро къ этому присоединилось еще и изобрѣтеніе хотя бы самыхъ простыхъ орудій для охоты. Охота же повела къ развитію скотоводства, подобно тому, какъ людоѣдство повело къ рабству: въ обоихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы немедленно убивать и съѣдать животное или человѣка, ихъ оставляли для домашняго употребленія.

Наконецъ, сверхъ охоты, рыбной ловли и скотоводства возникло еще и земледѣліе. Крайне вѣроятно, что земледѣліе было придумано женщинами.

У дикарей, вообще, мужскимъ занятіемъ считается лишь война и охота, а все остальное взваливается на женщинъ. Женщины, значитъ, занимались и сборомъ злаковъ, тамъ, гдѣ эти злаки расли въ дикомъ видѣ. И какъ мужчины придумали приручать животныхъ, за которыми они охотились, такъ женщины придумали сѣять собираемые ими злаки.

Съ установленіемъ скотоводства и хлѣбопашества и съ примѣненіемъ огня, не только питаніе людей, но и вся ихъ жизнь вступила въ новую фазу.

Питаніе есть самая основная потребность всякаго живого существа и посему вопросъ о питаніи человѣка есть первый, который пришлось здѣсь разсмотрѣть.

Употребленіе же возбуждающихъ веществъ уже предполагаетъ извѣстную степень умственнаго развитія, и есть народы столь низко стоящіе, что они не пришли еще къ изобрѣтенію никакихъ возбуждающихъ напитковъ. Что это не было слѣдствіемъ воздержанія ясно изъ того, что всѣ они, познакомившись съ какимъ нибудь возбуждающимъ напиткомъ страстно накидываются на него, такъ что можно, какъ общее правило установить, что, чѣмъ ниже какой либо народъ тѣмъ болѣе онъ способенъ предаваться пьянству.

Основнымъ возбуждающимъ напиткомъ является спиртъ, который добывается весьма разнообразными способами. Дѣло въ томъ, что всѣ вещества, содержащія сахаръ или крахмалъ, очень легко подвергаются броженію, въ результатѣ котораго получается спиртъ. А такъ какъ сахаръ и особенно крахмалъ очень распространены въ растительномъ

царствѣ, то матеріаловъ для добычи опьяняющихъ напитковъ всегда было очень много.

Возбужденіе нервной системы вызываемое спиртомъ, казалось людямъ чѣмъ то удивительнымъ и сверхъестественнымъ. Предполагалось, что „духи“ входятъ въ тѣло вмѣстѣ съ опьяняющимъ напиткомъ и что пьяный человѣкъ „одержимъ“ этими духами. Древніе греки были убѣждены въ существованіи бога пьянства Вакха (или Бахуса), а индійцы создали пѣсни, славословящія другое божество опьяненія—знаменитую „Сому“.

Для возбужденія человѣка спиртомъ его пьютъ; но есть другія возбуждающія вещества, которыя примѣняются путемъ жеванія, куренія и другими способами. Таковы: опій (добывающійся изъ мака), гашишъ (добывающійся изъ индійской конопли), яванскій бетель и т. п. вещества. Огромную роль, почти равную алкоголю, играетъ табакъ.

Въ настоящее время относительно человѣка, который пьетъ и куритъ говорятъ просто: это пьяница и курильщикъ. Но въ прежнія времена, когда совершенно не понимали причинъ возбужденія отъ опьяняющихъ веществъ была создана цѣлая легенда объ „одержимости“ потребителей возбуждающихъ веществъ,; устраивались торжества въ честь боговъ опьяненія; создавались пѣснопѣнія; прислушивались къ изреченіямъ людей впавшихъ въ экстазъ и думали, что эти изреченія передаютъ людямъ волю боговъ, предсказанія будущаго и т. п.

Среди возбуждающихъ веществъ особое мѣсто занимаютъ чай и кофе (и какао). Въ то время,

Академия

какъ другія возбуждающія вещества лишь истощаютъ нервную систему и ведутъ къ ея перерожденію, т. е., къ упадку нервной системы,—чай и кофе, конечно въ умѣренныхъ дозахъ, не только возбуждаютъ нервную систему, но, повидимому, еще и укрѣпляютъ ее. Этотъ вопросъ еще не рѣшенъ, но существуетъ не мало основаній полагать, что умѣренное употребленіе чая и кофе можетъ быть полезно. Однако, употребленіе именно этихъ напитковъ предполагаетъ довольно значительную культуру и посему первобытному человѣку было недоступно.

Всякія возбуждающія средства очень сильно дѣйствовали на первобытнаго человѣка уже потому одному, что запасъ духовныхъ силъ былъ у него не великъ.

Въ наше время человѣкъ, который можетъ много пить, не пьянѣя, обыкновенно гордится этимъ, какъ признакомъ своей силы. И это въ значительной степени вѣрно, ибо спиртъ есть ядъ для нервной системы и, конечно, чѣмъ эта нервная система слабѣе, тѣмъ меньше нужно спирта, чтобы вывести ее изъ равновѣсія. Дикарь же и безъ всякаго участія спиртныхъ напитковъ легко возбуждался, легко выходилъ изъ равновѣсія.

Вообще, чтобы понять душевную жизнь дикарей слѣдуетъ помнить, что наши дѣти по своему духовному складу напоминаютъ первобытнаго человѣка. Капризность и непостоянство, какъ у дѣтей, такъ и у дикарей обусловливаются тѣмъ, что они во всемъ своемъ поведеніи руководствуются лишь непосредственными внечатлѣніями и стремятся лишь къ ближайшей цѣли. Культурный взрослый человѣкъ обыкновенно руководствуется въ своемъ

поведеніи какимъ нибудь планомъ, стремится къ какой либо хорошо обдуманной цѣли, а ребенокъ является игрушкой случайныхъ впечатлѣній: если, напримѣръ вы послали ребенка по какому либо даже очень важному дѣлу, то у васъ не можетъ быть увѣренности въ томъ, что онъ, встрѣтивъ, положимъ, пріятеля не увлечется игрою съ нимъ до такой степени, что забудетъ исполнить порученіе. Таковъ и дикарь: онъ весь игрушка случайныхъ впечатлѣній, онъ непостояненъ и непредусмотрителенъ.

Три основныя человѣческія чувства: чувство самосохраненія, голодъ и половой инстиктъ, вотъ единственные руководители первобытнаго человѣка. Причемъ не только у него нѣтъ болѣе высокихъ цѣлей и стремленій, но еще и эти простыя, основныя чувства руководятъ его поведеніемъ безъ вякой предусмотрительности. Культурный человѣкъ, напримѣръ, стремясь обезпечить свое матеріальное положеніе, создаетъ себѣ планъ дѣйствія, который и выполняется имъ съ извѣстной настойчивостью и постоянствомъ. Дикарь же просто хватаетъ все то, что сейчасъ же можно добыть, не задаваясь сложнымъ планомъ дѣйствія.

Однако, именно эта духовная бѣдность дикаря облегчила процессъ соединенія людей для совмѣстной жизни, такъ какъ именно она обусловила его способность поддаваться чужому вліянію, т. е., его внушаемость. Дикарь неспособенъ критически относиться къ другимъ людямъ и, поэтому, онъ легко подчиняется чужимъ мнѣніямъ и легко подражаетъ чужимъ поступкамъ. Русское слово „обезьянить“, какъ извѣстно употребляется для обозначенія тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ под-

ражаетъ чужимъ поступкамъ, не обдумывая хорошенько, зачѣмъ онъ поступаетъ именно такъ, а не иначе. И вотъ, первобытный человѣкъ, этотъ ближайшій родственникъ обезьянъ и обладалъ въ большой степени способностью „обезьянить".

А такая способность обезьянить, такая внушаемость, такая любовь подражать поступкамъ своихъ собратій и повели къ стадной организаціи, а слѣдовательно и къ появленію стаднаго чувства. И это „стадное чувство" прочно захватываетъ душу дикаря: онъ неспособенъ отнестись къ нему критически, неспособенъ не только отвѣтить на вопросъ, почему онъ поступаетъ такъ, какъ всѣ поступаютъ, онъ неспособенъ даже задать себѣ подобный вопросъ: онъ просто подражаетъ, не сознавая того, что онъ именно только подражаетъ; онъ руководится общепринятимъ мнѣніемъ, не будучи въ состояніи даже представить себѣ, что это мнѣніе можетъ быть ошибочнымъ и что могутъ быть другія мнѣнія.

Такимъ образомъ, стадное чувство есть первая организующая сила, первая сила, дающая устойчивость обществу и ограничивающая непостоянство и измѣнчивость первобытнаго человѣка.

Обезьяничанье, способность легко поддаваться чужому внушенію въ настоящее время есть признакъ низшихъ умовъ и является свойствомъ довольно вреднымъ для общества и непочетнымъ для человѣка, одареннаго этимъ свойствомъ. Но на первой стадіи человѣческаго развитія это свойство, какъ мы видимъ, сыграло важную и благодѣтельную роль, укрѣпивши стадное чувство и тѣмъ самимъ сплотивъ общество. Ибо въ тотъ моментъ не было другихъ духовныхъ силъ, спо-

собныхъ выполнить эту роль, вмѣсто стаднаго чувства. И если безпрерывная борьба за жизнь, безпрерывная война съ людьми, защита отъ крупныхъ хищниковъ и охота на звѣрей,—если все это давало матеріальную основу для образованія обществъ, то стадное чувство дало духовную связь этимъ первичнымъ обществамъ людей.

Умъ человѣческій былъ въ то время еще настолько слабъ, что первобытные люди не могли путемъ разсужденія понять необходимости соединяться въ общества. Ибо характернѣйшей особенностью первобытнаго ума является его полная неспособность къ отвлеченному мышленію, неспособность къ обдумыванію и къ размышленію надъ отдаленными явленіями. А размышленіе надъ значеніемъ общественной жизни предполагаетъ способность къ отвлеченному мышленію и къ обдумыванію сложныхъ и отдаленныхъ событій.

Всѣ путешественники отмѣчаютъ, что дикари совершенно не любознательны: ихъ не интересуетъ ничто, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нимъ. Никакія общія идеи, никакія теоретическія мысли не имѣютъ для нихъ привлекательности. И нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ мысль о томъ, будто дикаря поражаетъ строеніе міра, и будто онъ пытается объяснить его, для чего онъ и создаетъ свои „мифы“.

То, что теперь мы называемъ „мифами“, т. е. сказками или фантастическими разсказами, въ которыхъ играютъ роль боги, полубоги, великаны, герои, люди, звѣри и даже неодушевленные предметы,—все это вовсе не было сознательнымъ вымысломъ первобытныхъ людей, не было умышленно сочинено ими подобно тому, какъ теперь „сочи-

няютъ“ свои разсказы наши романисты и поэты; нѣтъ, все это разсказывалось ими съ полной вѣрой въ правдивость разсказа.

Если и теперь еще многіе люди вѣрятъ въ „вѣщіе сны“, то какъ могъ отличить сонъ отъ дѣйствительности первобытный человѣкъ? Дикарю, напримѣръ, снится, что онъ охотится за дичью, и вотъ, когда онъ проснется, то увидитъ, что пойманой дичи нѣтъ, а сосѣди скажутъ, что онъ все время лежалъ на землѣ и спалъ. Какъ объяснить подобное противорѣчіе? Вѣдь онъ твердо помнитъ, что онъ гонялся за дичью и убилъ ее. Объясненіе, повидимому, напрашивается само собою: очевидно въ человѣкѣ есть двѣ части, изъ которыхъ одна можетъ лежать неподвижно и спать а другая будетъ въ это время гоняться за дичью, очевидно, далѣе, что самый этотъ сонъ есть не что иное, какъ разлученіе двухъ составныхъ частей человѣка, выхожденіе одной части изъ другой: душа покидаетъ тѣло и поэтому тѣло лежитъ какъ мертвое, а дѣятельная душа въ это время охотится. Конечно, первоначально дикарь не имѣетъ такого понятія о „душѣ“, какое впослѣдствіи вырабатывается; но у него все таки возникаетъ представленіе о двойственности человѣка, о томъ, что человѣкъ состоитъ изъ одной болѣе грубой части, его тѣла, а другой, болѣе подвижной и тонкой, которая можетъ выходить изъ тѣла.

Въ этомъ дикарь еще болѣе убѣждается, когда ему снится какой нибудь умершій его собратъ. Этотъ его собратъ могъ быть убитъ и съѣденъ врагами или даже своими же людьми, и имъ самимъ въ томъ числѣ, и вдругъ ночью, во время сна, этотъ убитый и съѣденный собратъ ему

является. Очевидно, что убита и съѣдена была лишь грубая часть человѣка, его тѣло, а его болѣе тонкая и подвижная часть ушла куда то. Куда,—объ этомъ ему скажетъ она сама, когда явится ему ночью во время сна.

Стоитъ человѣку плотно закрыть ротъ и носъ и онъ начинаетъ задыхаться и легко теряетъ сознаніе. Мы говоримъ теперь, что человѣкъ въ такихъ случаяхъ задыхается потому, что для него закрытъ доступъ кислорода въ легкія; но дикарь ни о какомъ кислородѣ не зналъ, онъ не могъ даже представить себѣ, какое отношеніе имѣетъ воздухъ къ его жизни: онъ объяснялъ это по своему, проще: очевидно, дыханіе и есть жизнь, при дыханіи въ человѣка входитъ и изъ него выходитъ душа, какъ нѣчто невидимое, но крайне важное, ибо при остановкѣ дыханія все наше тѣло теряетъ свою силу. „Душа“, „духъ“ и „дыханіе“ — слова общаго происхожденія, общаго корня, и близкое родство этихъ словъ до сихъ поръ напоминаютъ намъ о томъ времени, когда люди думали, что дыханіе есть проявленіе его души.

Но человѣкъ могъ даже видѣть свою душу. Въ самомъ дѣлѣ, при солнцѣ и даже при лунѣ человѣческое тѣло бросаетъ тѣнь. Это теперь мы говоримъ, что тѣло „бросаетъ“ тѣнь, и можемъ весьма просто объяснить отчего происходитъ эта тѣнь. Но первобытный человѣкъ былъ совершенно неспособенъ къ научному объясненію происхожденія тѣни. Онъ только видѣлъ, что отъ его тѣла и отъ тѣлъ другихъ людей отдѣляется какой то двойникъ: что то по внѣшнимъ очертаніямъ похожее на человѣка, но совершенно неосязаемое, лишенное тѣлесности и способное весьма при-

чурливо измѣняться. Ясно, что это, тоже, та болѣе тонкая его часть, которая способна отдѣляться отъ грубаго тѣла. И опять таки, языкъ сохранилъ намъ до сихъ поръ слѣды этого былого вѣрованія; вѣдь мы до сихъ поръ говоримъ: тѣни предковъ, тѣнь умершаго человѣка, когда хотимъ сказать: души предковъ, душа умершаго человѣка.

Но такъ какъ тѣни бросаютъ не одни людскія тѣла, а всѣ предметы, то очевидно, что и деревья, и камни, и горы то же имѣютъ свои двойники, свои „души".

Какъ видите, такое странное на нашъ теперешній взглядъ утвержденіе, какъ мысль о томъ, что камни, деревья и горы имѣютъ душу, вовсе не было плодомъ какой либо сознательной фантазіи, и казалось дикарю совершенно очевиднымъ и несомнѣннымъ фактомъ, фактомъ который онъ ежемгновенно наблюдалъ. А какія сказанія, какія мысли могли возникнуть на этой почвѣ, это всякому легко понять.

Къ тому же языкъ первобытнаго человѣка отличался крайнымъ несовершенствомъ. Если и теперь мы, владѣя богатымъ и прекрасно разработаннымъ языкомъ, должны тщательно обдумывать фразы, чтобы не вышло какой либо двусмыслицы, то при первобытномъ языкѣ, языкѣ крайне бѣдномъ и неразработанномъ, всякія недоразумѣнія и двусмыслицы были совершенно неизбѣжны. Прежде всего каждое слово въ первобытномъ языкѣ имѣло очень много значеній. Мы это можемъ видѣть не только на примѣрахъ языковъ современныхъ дикарей, но даже на примѣрѣ языка такого культурнаго народа, какъ китайцы. Напримѣръ, по-китайски звукъ „тао", помимо

разныхъ другихъ значеній, означаетъ еще: „похитить, достать, покрыть, знамя, пшеница, вести, дорога“. И вотъ для того, чтобы указать, какое изъ этихъ значеній имѣетъ въ виду говорящій, китайцы прибѣгаютъ къ слѣдующему пріему: они выбираютъ другой звукъ, который тоже имѣетъ много значеній, но который со звукомъ „тао“ имѣетъ только одно какое нибудь общее значеніе.

Напримѣръ звукъ „лю“ (тоже помимо многого другого) означаетъ: „отвратить, повозка, драгоцѣнный камень, роса, ковать, дорога“. И такъ какъ звуки „тао“ и „лю“, въ числѣ многихъ другихъ значеній имѣютъ лишь одно общее значеніе: „дорога“, то, когда китаецъ соединяетъ оба эти звука и говоритъ: „тао—лю“,—его собесѣдникъ понимаетъ, что рѣчь идетъ только о дорогѣ.

Примѣръ китайскаго языка показываетъ съ какими затрудненіями приходится бороться въ началѣ созданія языка. Къ этому нужно еще прибавить, что въ первобытномъ языкѣ не было нашего дѣленія на имена существительныя, глаголы и т. п. и не было никакихъ грамматическихъ формъ. Если, какъ мы видѣли, даже въ китайскомъ языкѣ звукъ „тао“ означалъ и дѣйствіе: „похитить, достичь, покрыть“ и предметы: „знамя, пшеница, дорога“, то, и подавно, въ первобытномъ языкѣ никакихъ грамматическихъ различеній не было. Односложные звуки первобытнаго языка имѣли крайне неопредѣленное значеніе и должны были порождать массу недоразумѣній. А это, конечно, весьма способствовало созданію разсказовъ о невѣроятныхъ событіяхъ.

Сверхъ случаевъ сновидѣній дикарь могъ наблюдать еще и другіе случаи проявленія въ человѣкѣ какого то таинственнаго, спрятаннаго въ немъ существа: при всѣхъ случаяхъ сумасшествія, опьяненія, горячечнаго бреда и т. п., поведеніе человѣка рѣзко измѣняется, онъ можетъ даже наносить самъ себѣ тяжелыя поврежденія, онъ иногда видитъ и слышитъ такія вещи, которыхъ окружающіе его люди не видятъ и не слышатъ; однимъ словомъ, первобытный человѣкъ часто видитъ людей, у которыхъ происходитъ какое то раздвоеніе, ведущее ихъ къ необычному поведенію. Если человѣкъ начинаетъ вести себя такимъ образомъ послѣ употребленія опьяняющихъ напитковъ, то дикарю кажется очевиднымъ, что съ этими напитками вошли въ него какія нибудь таинственныя живыя существа. И такъ какъ онъ знаетъ, что въ немъ самомъ есть душа, которая можетъ покидать его тѣло, послѣ чего это его тѣло становится бездѣятельнымъ, и которая своимъ возвращеніемъ въ тѣло снова оживляетъ его, то, вполнѣ естественно, что онъ приходитъ къ предположенію, что въ такомъ бездѣятельномъ и безжизненномъ веществѣ, какъ, напримѣръ, сокъ винограда, тоже имѣется скрытая въ немъ могущественная и дѣятельная „душа“, которая, войдя въ человѣка вмѣстѣ съ напиткомъ, возбуждаетъ его и даетъ ему возможность видѣть и слышать такія вещи, которыя невидимы и неслышимы, для людей въ обыкновенномъ ихъ состояніи.

Если же человѣкъ начинаетъ вести себя необычно безъ всякой видимой причины, если онъ, въ сумасшествіи, или въ бреду начинаетъ говорить и дѣлать странныя вещи, то дикарю

становится очевиднымъ, что въ этого человѣка откуда-то вселился невидимый духъ, который и овладѣлъ тѣломъ этого человѣка. Духъ этотъ можетъ быть благодѣтельнымъ, если, напримѣръ, онъ заставляетъ человѣка „предсказывать будущее“; но чаще онъ бываетъ враждебнымъ и злобнымъ духомъ, который только мучитъ человѣка. Если, напримѣръ, человѣкъ въ сумасшествіи или въ горячечномъ бреду наноситъ самъ себѣ тяжелыя поврежденія, то дикарю, кажется совершенно очевиднымъ, что въ этого человѣка вселился враждебный ему духъ, который старается причинить ему возможно болѣе вреда.

Если существуютъ духи, которые могутъ намъ помогать или вредить, то, очевидно, что слѣдуетъ подумать о томъ, какъ заставить этихъ духовъ не вредить намъ, какъ убѣдить ихъ помогать намъ. Дикарь отлично знаетъ, что подарки, подношенія, послушаніе, лесть, хвала и славословіе— все это можетъ побудить его быть благожелательнымъ къ другому человѣку. Очевидно, что тѣ же пріемы способны склонить и духовъ быть къ намъ милостивыми. Но, очевидно, также, что можно попытаться и обуздать этихъ духовъ угрозами и насиліемъ. Намъ теперь кажется, напримѣръ, совершенно безсмысленнымъ лѣчить помѣшаннаго побоями, но первобытному человѣку казалось, что колотя, напримѣръ, палками человѣка „одержимаго“ злыми духами, онъ можетъ „выгнать“ этихъ духовъ изъ тѣла „одержимаго“.

Затѣмъ можно прибѣгнуть къ другому пріему борьбы съ духами: можно бороться съ однимъ духомъ при содѣйствіи другого какого нибудь духа; можно прибѣгать къ различнымъ хитростямъ

и уловкамъ; наконецъ, и, быть можетъ, самое вѣрное, можно употреблять различныя „заклинанія“.

Если, послѣ примѣненія одного изъ подобныхъ пріемовъ борьбы съ духами, дикарю показалось, что онъ достигъ успѣха, то авторитетъ этого пріема становился въ его глазахъ очень прочнымъ. Возьмемъ хотя бы одинъ такой примѣръ.

Въ теплыхъ странахъ, въ которыхъ только и могъ жить первобытный человѣкъ, всевозможныя лихорадочныя болѣзни, въ частности болотная лихорадка, или малярія, всегда бываютъ очень распространены.

Ну, вотъ, положимъ, дикарь, заболѣваетъ припадкомъ маляріи: онъ лежитъ въ жару, въ поту, онъ физически совершенно измученъ, часто впадаетъ въ безпамятное состояніе, бредитъ, а иногда даже приходитъ въ состояніе буйнаго бреда. Окружающіе люди стараются ему помощь. Для этого они умоляютъ духъ вселившійся въ больного или грозятъ ему, приносятъ ему приношенія, или бьютъ его, или, наконецъ, произносятъ какія нибудь заклинанія. Какъ извѣстно, всякій припадокъ маляріи продолжается нѣкоторое время. Затѣмъ прекращается, и больной до новаго припадка, обыкновенно, чувствуетъ себя болѣе или менѣе здоровымъ. Дикари, конечно, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о сущности болотной лихорадки, и имъ кажется очевиднымъ, что они своими заклинаніями угрозами или мольбами удалили изъ тѣла больного мучившаго его духа. Конечно, черезъ нѣкоторое время этотъ больной вновь заболѣваетъ, но къ нему вновь примѣняютъ тотъ же пріемъ врачеванія и онъ снова „исцѣляется“. Мало того,

спустя нѣкоторое время малярія теряетъ свою острую форму, становится скрытой, хронической, и дикари бываютъ убѣждены, что, послѣ долгой и упорной борьбы, враждебный духъ былъ, наконецъ, окончательно побѣжденъ. Если съ этой маляріей боролся какой либо заклинатель, то авторитетъ его устанавливается прочно и онъ легко превращается въ профессіональнаго колдуна-заклинателя, успѣшно борющагося со всякими духами. Сколько и теперь еще есть у насъ людей, вѣрящихъ въ цѣлебное дѣйствіе различныхъ заклинаній и нашептываній! И можно ли въ такомъ случаѣ удивляться тому, что дикарь ни малѣйшимъ образомъ не сомнѣвался въ цѣлебной силѣ различныхъ заклинаній? Вѣдь, острыя лихорадочныя болѣзни и многія нервныя болѣзни, поддающіяся внушенію, всегда давали дикарю обильный матеріалъ для поддержанія его вѣры въ правильность его пріемовъ борьбы съ духами.

Такимъ образомъ мы видимъ, что все міровоззрѣніе дикаря явилось естественнымъ слѣдствіемъ его неспособности разобраться въ окружающихъ вещахъ и событіяхъ. Вѣдь только наука учитъ вполнѣ вѣрнымъ пріемамъ, посредствомъ которыхъ мы можемъ отличить то, что дѣйствительно происходитъ, отъ того, что только намъ кажется, будто оно происходитъ. Мы, вѣдь, каждый день, какъ намъ кажется, „видимъ“, какъ восходитъ и заходитъ солнце, и только наука показала намъ, что солнце неподвижно, а что, когда намъ кажется, что оно „восходитъ“ изъ-за горизонта, то это земля поворачивается такимъ образомъ, что солнце становится для насъ видимымъ. Наука учитъ насъ различать ощущенія и

толкованія этихъ ощущеній. Когда собака видитъ въ зеркалѣ свое собственное изображеніе, то она лаетъ на него, она пытается заглянуть сзади зеркала, надѣясь тамъ найти видимую ею собаку. Но мы, умѣя истолковывать наши ощущенія, мы знаемъ, что та человѣческая фигура, которая, какъ намъ кажется, стоитъ сзади зеркала, это—наша собственная фигура, стоящая спереди зеркала.

Этихъ двухъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, что наши ощущенія, сами по себѣ, еще не даютъ фактической истины: для достиженія этой истины они должны быть правильно истолкованы.

Но дикарь совершенно не могъ истолковывать своихъ ощущеній. Онъ наивно вѣрилъ во все, что ему казалось будто онъ видитъ, слышитъ или, вообще, какъ либо ощущаетъ и воспринимаетъ. Поэтому онъ легко пришелъ къ убѣжденію, что не только люди, но и животныя, и растенія, и камни и горы имѣютъ свои двойники свои „тѣни“, свои „души“, и что всевозможные духи наполняютъ все пространство и ежемгновенно могутъ „войти“ въ человѣка, завладѣть его тѣломъ, и дѣлать съ этимъ тѣломъ все, что имъ угодно. Эти духи, конечно, были также жадны, также свирѣпы и также злы, какъ жадны, свирѣпы и злы были окружающіе его дикари. Затѣмъ, эти духи были также тщеславны, также падки на лесть, также подкупны, какъ и люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они были опять таки также, какъ и люди, трусливы передъ болѣе сильнымъ врагомъ.

И вотъ, живя въ этомъ безграничномъ мірѣ

жадныхъ, злыхъ, коварныхъ, трусливыхъ и тщеславныхъ духовъ, дикарь мало по малу выработалъ цѣлую систему приношеній, моленій, заклинаній и угрозъ, при содѣйствіи которыхъ, онъ, какъ ему казалось, обезпечивалъ свое существованіе на землѣ.

Таково было міровоззрѣніе дикаря, міровоззрѣніе, сложившееся съ полной неизбѣжностью вслѣдствіе его неспособности правильно истолковывать свои ощущенія. И лишь въ дальнѣйшемъ ходѣ духовнаго развитія человѣчества наука, мало по малу, научила людей различать между тѣмъ, что „есть“ и тѣмъ что имъ „кажется“ существующимъ, научила ихъ правильно истолковывать свои ощущенія.

ГЛАВА III.

Первобытное общество и его дальнѣйшее развитіе.

Мы видѣли, что люди неизбѣжно соединяются для совмѣстной жизни обществами. А совмѣстная жизнь людей тоже совершенно неизбѣжно ведетъ къ многочисленнымъ измѣненіямъ, какъ самихъ людей, такъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Прежде всего совмѣстная жизнь весьма благотворно вліяетъ на улучшеніе техники среди людей, т. е., на усовершествованія въ ихъ способахъ и пріемахъ добыванія себѣ средствъ пропитанія, борьбы со врагами и защиты отъ холода, дождя и другихъ вредныхъ воздѣйствій климата.

Техника улучшается путемъ выучки и путемъ подражанія. Всякая работа требуетъ знанія извѣстныхъ пріемовъ. Человѣкъ, принимающійся за какое либо дѣло безъ чьего нибудь руководительства, полнымъ самоучкой будетъ сначала дѣлать все очень плохо и очень медленно. Лишь постепенно онъ научится извѣстнымъ простымъ, пріемамъ, облегчающимъ ему работу. Если бы люди жили совершенно одинокими, то всякій пріобрѣтенный опытъ, терялся бы со смертью того человѣка, который его пріобрѣлъ,

Но при совмѣстной жизни старшій человѣкъ можетъ передать свои знанія младшему. Такимъ образомъ этотъ младшій человѣкъ, въ самомъ началѣ своей жизни, путемъ выучки у старшаго, пріобрѣтетъ извѣстныя знанія, которыя онъ въ теченіе своей жизни увеличитъ путемъ опыта и въ такомъ увеличенномъ видѣ передастъ слѣдующему за нимъ поколѣнію, которое опять увеличитъ запасъ знаній и т. д., и т. д. Очевидно, что каждое слѣдующее поколѣнія будутъ получать въ наслѣдство все большее и большее количество знанія.

Сверхъ выучки младшаго поколѣнія старшимъ, знанія распространяются еще и путемъ подражанія, т. е. путемъ заимствованія у сверстниковъ всѣхъ придуманныхъ ими улучшеній.

Это безпрерывное накопленіе знаній, усовершенствованіе техники и связанныя съ ними увеличеніе богатства общества и улучшеніе жизни ведутъ къ глубокимъ измѣненіямъ какъ въ строеніи общества, такъ и въ существованіи отдѣльныхъ людей.

Всѣ эти измѣненія, конечно, происходятъ медленно, но, накопляясь, они совершенно преобразуютъ жизнь и, въ концѣ концовъ, создаютъ ту сложную и богатую жизнь, какою живутъ въ настоящее время передовые народы.

Можно различнымъ образомъ дѣлить всю исторію развитія человѣчества отъ его первобытнаго состоянія до нашего времени. Но удобнѣе всего дѣлить ее на три великіе періода: періодъ дикаго состоянія, періодъ варварства и періодъ цивилизаціи.

Величайшимъ пріобрѣтеніемъ человѣчества

въ періодъ его дикаго состоянія является выработка членораздѣльнаго языка, т. е. того, чисто человѣческаго способа сношенія людей между собою, который безъ всякаго сравненія превосходитъ нечленораздѣльный „языкъ животныхъ“, т. е., ихъ отрывочные крики, мычанія, блеянія, шипѣнія и тому подобные способы выраженія своего душевнаго состоянія. Языкъ человѣка есть основа его чисто „человѣческаго“ существованія. Безъ языка значительное развитіе человѣческой жизни не было бы возможно и человѣческія общества едва-ли бы пошли особенно дальше „обществъ“ муравьевъ, пчелъ и тому подобныхъ „общественныхъ“ животныхъ.

Вторымъ по значенію пріобрѣтеніемъ человѣчества въ періодъ его дикаго состоянія является открытіе способа добыванія огня. Обладаніе огнемъ значительно увеличило и улучшило пищу людей и дало имъ возможность жить въ такихъ мѣстахъ, которыя прежде были для нихъ необйтаемы.

Наряду съ этими двумя величайшими улучшеніями человѣческой жизни, дикарь сумѣлъ сдѣлать еще не мало и другихъ болѣе мелкихъ улучшеній: онъ научился, напримѣръ, приспособлять камни для своихъ грубыхъ „каменныхъ орудій“, научился также дѣлать себѣ грубую утварь; но наиболѣе крупнымъ нововведеніемъ въ этой области является изобрѣтеніе лука и стрѣлъ. Лукъ съ его тетевою и стрѣлою есть уже такое сложное оружіе, которое могло появиться лишь въ самомъ концѣ періода дикой жизни. Это оружіе значительно увеличило могущество человѣка: стрѣла не только можетъ нагнать быстраго оленя, но можетъ поразить и прежде почти недо-

ступную птицу въ воздухѣ. Съ изобрѣтеніемъ лука и стрѣлъ охота сдѣлалась весьма выгоднымъ занятіемъ, и дикарь, сдѣлавшись охотникомъ, не только значительно улучшилъ свою пищу, но еще началъ получать въ изобиліи и кожи животныхъ и мѣха.

„Варварами“ древніе греки называли всѣ чуждіе имъ народы, стоявшіе гораздо ниже ихъ по культурѣ и образованію. Это слово отъ грековъ переняли древніе римляне, которые, напримѣръ съ такимъ постоянствомъ называли „варварами“ современныхъ имъ германцевъ, что тѣ, научившись говорить по латыни, стали сами себя именовать „варварами“. Въ современной наукѣ варварскимъ народомъ или варварскимъ періодомъ существованія какого либо народа называется такой періодъ въ исторіи народа, когда онъ еще не дошелъ до жизни въ прочномъ и болѣе или менѣе благоустроенномъ государствѣ, но уже вышелъ изъ того періода дикаго состоянія, о которомъ мы только что говорили.

Переходъ отъ дикаго состоянія къ состоянію варварскому сопровождается значительной перемѣной въ добываніи средствъ существованія. Варварское состояніе характеризуется прежде всего тѣмъ, что скотоводство и хлѣбопашество становятся основными занятіями людей. Дикарь пропитывался сначала тѣмъ, что собиралъ все съѣстное, что только могъ найти, затѣмъ онъ научился охотиться на животныхъ. Оба эти способа добыванія себѣ пищи ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ способовъ, какими добываютъ себѣ пищу животныя: травоядныя животныя собираютъ себѣ пищу, хищныя охотятся на другихъ животныхъ.

Хлѣбопашество-же и скотоводство являются уже вполнѣ человѣческими формами добыванія себѣ средствъ существованія (хотя нѣкоторыя „общественныя“ животныя и заводятъ у себя нѣчто вродѣ домашнихъ животныхъ, но все это у нихъ дѣлается очень рѣдко и въ весьма несовершенной формѣ).

Переходъ отъ охоты къ скотоводству весьма простъ: животное, пойманное молодымъ, оставлялось живымъ до тѣхъ поръ, пока оно выростетъ, и человѣкъ скоро могъ замѣтить, что нѣкоторыя особенно склонныя къ прирученію животныя принесутъ ему больше выгоды, если оставить ихъ жить и размножаться въ неволѣ.

Такимъ же точно образомъ человѣкъ поступалъ и съ военноплѣнными: первоначально военноплѣнные просто убивались и съѣдались, затѣмъ ихъ стали обращать въ рабовъ.

Такимъ образомъ мужчина, какъ воинъ и охотникъ, естественно пришелъ къ учрежденію рабства и къ заведенію скотоводства. Женщина же, которая собирала дикорастущіе злаки, въ концѣ концовъ сообразила, что стоитъ посѣять зерна этихъ злаковъ и черезъ нѣкоторое время она будетъ имѣть гораздо большее количество этихъ зеренъ.

Скотоводство и особенно хлѣбопашество повели за собою весьма значительныя перемѣны въ жизни людей. Хлѣбопашество дало людямъ большую осѣдлость. Могли появиться болѣе прочно построенныя жилища людей и болѣе богатая утварь; должны были возникнуть нѣкоторыя ремесла; сталъ болѣе нуженъ нѣкоторый обмѣнъ продуктами.

Общества, живущія хлѣбопашествомъ и ското-

водствомъ, конечно, могли стать гораздо болѣе многолюдными и сильными и поэтому внутри ихъ начались извѣстныя разслоенія: появились и рабы, появились и люди, выдававшіеся надъ среднимъ обывателемъ своимъ богатствомъ и могуществомъ; появились и верховные вожди и правители народа; какъ бы эти вожди и правители ни назывались, и какова бы ни была и прочность ихъ власти, но съ ихъ возникновеніемъ общество получило болѣе твердую организацію, пріемственность власти болѣе обезпечивалась, а это давало большую устойчивость жизни, способствовало накопленію богатства, развитію ремеслъ и давало возможность нѣкоторымъ матеріально болѣе обезпеченнымъ людямъ отдаться духовной жизни.

Если скотоводство и хлѣбопашество характеризуютъ собою начало варварскаго періода существованія обществъ, то развитіе обработки металловъ, и особенно желѣза, является главнѣйшимъ техническимъ пріобрѣтеніемъ варварскаго общества. Человѣкъ, научившись обрабатывать металлы, получилъ новое могущественное орудіе, какъ для улучшенія своего матеріальнаго положенія, такъ и для борьбы съ врагами.

Но величайшимъ открытіемъ варварскаго періода, послѣднимъ его словомъ было изобрѣтеніе письменныхъ знаковъ и возникновеніе письменности. Этимъ совершился переходъ отъ варварскаго состоянія къ состоянію цивилизованному. Какъ возникновеніе членораздѣльной рѣчи рѣзко отдѣлило человѣка отъ животныхъ, такъ письменность отдѣляетъ цивилизованное состояніе отъ состоянія нецивилизованнаго (варварскаго и дикарскаго).

Рѣчь даетъ возможность человѣку передать свои мысли и настроенія окружающимъ людямъ, а письмо даетъ ему возможность совершить подобную передачу не только отсутствующимъ людямъ, но даже и отдаленнымъ потомкамъ. Лишь путемъ письменнаго закрѣпленія своихъ мыслей можно создать богатую науку, причемъ не будетъ опасенія, что нетвердая память учениковъ исказитъ слова учителя.

Приглядываясь къ современному состоянію человѣческаго рода, мы невольно поражаемся тѣмъ разнообразіемъ ступеней развитія, на которыхъ находятся въ настоящее время различные народы. Въ то время какъ передовые народы достигли очень высокой ступени цивилизаціи, на землѣ имѣются еще самые настоящіе дикари. Остальные народы занимаютъ промежуточное мѣсто между этими двумя крайностями. Спрашивается, отчего это произошло? Отчего одни народы развиваются быстрѣе, а другіе медленнѣе?

Очевидно, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можно искать въ двухъ направленіяхъ. Во первыхъ, можно постараться узнать, всѣ ли народы одинаково даровиты; во вторыхъ, можно изслѣдовать вопросъ о томъ, одинаково ли благопріятны для развитія тѣ внѣшнія условія, при которыхъ приходится жить различнымъ народамъ.

Начнемъ со второго вопроса. Постараемся выяснить, какъ вліяютъ различныя внѣшнія условія на ходъ развитія народовъ. Мы теперь, при нашей высокой культурѣ и богатой наукѣ, сравнительно, мало зависимъ отъ окружающей природы. Теперь цивилизованная жизнь одинаково возможна и въ холодной Норвегіи, и въ теплой Италіи, и во

влажной Англіи, и въ сухой Испаніи. Но чѣмъ ниже была культура людей, тѣмъ больше ихъ жизнь зависѣла отъ свойствъ той мѣстности, гдѣ они жили.

Первобытный человѣкъ могъ существовать только въ жаркихъ странахъ. Только тамъ могъ онъ найти себѣ достаточно пропитанія и достаточно тепла. Но жаркій климатъ, давая сравнительно легко возможность поддерживать свое существованіе, мало благопріятенъ для дальнѣйшаго развитія людей.

Во первыхъ, жаркій климатъ, особенно если онъ при этомъ и влажный, дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ на нервную систему людей: энергія людей въ такомъ климатѣ падаетъ и во всякомъ случаѣ человѣкъ тамъ неспособенъ къ продолжительному напряженію.

Затѣмъ, самая эта легкость добыванія себѣ пропитанія тормозила прогрессъ. Тамъ гдѣ жизнь обезпечивается лишь путемъ болѣе или менѣе значительнаго напряженія, тамъ энергическій человѣкъ далеко опередитъ человѣка бездѣятельнаго и оставитъ болѣе многочисленное и болѣе здоровое потомство; такимъ образомъ потомки сильныхъ и энергичныхъ людей будутъ всегда многочисленнѣе потомковъ людей слабыхъ и бездѣятельныхъ; а это, очевидно, ведетъ къ улучшенію человѣческой породы. Въ жаркихъ же странахъ, гдѣ нѣтъ надобности въ особенномъ напряженіи для поддержанія своего существованія, различіе между болѣе энергическимъ и менѣе энергическимъ въ этомъ отношеніи будетъ менѣе замѣтно.

Правда, въ первобытное время это обстоятель-

ство въ значительной степени отходило на задній планъ вслѣдствіе борьбы изъ за обладанія женщинами. Здѣсь сила и энергія мужчины играла первостепенную роль не только благодаря тому, что онъ одерживалъ побѣду надъ противникомъ, но также и благодаря тому, что женщина всегда высоко цѣнила мужскую силу и сама охотно шла на встрѣчу болѣе сильному сопернику.

Человѣкъ первоначально жилъ главнымъ образомъ на деревьяхъ. Скрываясь среди листьевъ и вѣтвей дерева, человѣкъ былъ въ большей безопасности отъ сильныхъ хищниковъ, а пища была у него тутъ же подъ рукою въ видѣ плодовъ, висѣвшихъ на деревѣ.

Теперь, представьте себѣ безпредѣльный тропическій лѣсъ, на деревьяхъ котораго тамъ-сямъ скрываются отдѣльные представители человѣческой породы. Очевидно, что подобныя условія крайне неблагопріятны для сплоченія людей въ общества. А мы знаемъ, что безъ сплоченія людей въ общества нѣтъ прогресса.

И скотоводство и хлѣбопашество (эти условія для выхода изъ дикаго состоянія) при жизни въ тропическомъ лѣсу бываютъ крайне затруднены. Хищные звѣри, ядовитыя змѣя и другія ядовитыя животныя дѣлаютъ опаснымъ для человѣка всякій спускъ съ дерева на землю. Они же способны погубить всякіе начатки скотоводства. Еще и теперь, напримѣръ, муха „цеце“ дѣлаетъ невозможнымъ скотоводство на большомъ пространствѣ въ Африкѣ. Что касается хлѣбопашества, то извѣстно, что именно богатство тропической природы крайне вредитъ хлѣбопашеству, ибо различныя сорныя травы растутъ тамъ съ такой энергіей, что легко

заглушаютъ культурныя растенія. Извѣстно, какую отчаянную борьбу съ этими сорными растеніями приходится вести и теперь, напримѣръ въ Бразиліи.

Условія хлѣбопашества даютъ намъ характерный примѣръ отношенія между человѣкомъ и природою на тропикахъ: природа даетъ человѣку даромъ очень много, но всякая попытка человѣка получить не только то, что ему даетъ природа даромъ, но еще и то, чего онъ самъ хочетъ, всякая попытка сознательно увеличить свое благосостояніе встрѣчаетъ огромныя препятствія. Даромъ природа даетъ человѣку всевозможныя плоды и фрукты въ большомъ изобиліи; но если онъ захочетъ что либо посѣять, то ему приходится вести напряженную борьбу, чтобы его жатва не была заглушена дикими растеніями.

Очевидно, что подобныя условія неблагопріятны для развитія самодѣятельности человѣка, и вотъ почему первый прогрессъ среди людей обнаружился не на тропикахъ, а въ странахъ нѣсколько менѣе жаркихъ.

Первые шаги въ развитіи человѣчества могли быть сдѣланы въ странахъ благопріятныхъ для скотоводства и хлѣбопашества.

Затѣмъ, для дальнѣйшаго развитія людей нужно, чтобы они имѣли постоянныя общенія съ другими людьми: всякій, даже значительный народъ уединившись отъ другихъ народовъ легко впадаетъ въ застой. А такъ какъ вначалѣ образовались лишь очень маленькіе народцы, то для нихъ полное уединеніе было бы равносильно быстрой остановкѣ развитія. Лучшіе пути сообщенія даетъ намъ море. Но о морѣ приходится сказать то же, что и о тропической природѣ: оно

слишкомъ могущественно для малокультурнаго человѣка...

Вотъ почему древнѣйшія цивилизаціи возникли не на морскомъ берегу, а на берегахъ великихъ рѣкъ. Египетъ и Вавилонско-Ассирійское государство, эти два древнѣйшіе свѣточи культуры, возникли на берегахъ великихъ рѣкъ: Нила и Тигра съ Ефратомъ. И древнѣйшія культуры дальняго востока тоже возникли на берегу великихъ рѣкъ: китайская культура возникли на берегахъ Янгъ-Тсе-Кіанга (называемаго иначе Янъцзы-цзянъ'онъ), а индійская культура родилась на берегахъ Инда и развилась на берегахъ Ганга. Намъ, русскимъ, можно вспомнить, что и наша культура зародилась на берегахъ величайшей русской рѣки Днѣпра (Волга, вѣдь, лишь къ концу XVI вѣка сдѣлалась русской рѣкой). И рѣку Волховъ, на которой стоитъ древній Новгородъ, можно разсматривать, какъ нѣкоторое продолженіе Днѣпра въ знаменитомъ пути „отъ Варяговъ къ Грекамъ".

Когда народы достаточно окрѣпли въ культурной жизни, тогда морское сообщеніе взяло рѣшительный перевѣсъ надъ сообщеніемъ при помощи рѣкъ. И тогда въ особенно благопріятномъ положеніи оказались страны, обладавшія хорошими морскими берегами. Извѣстно, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ области, поставленной въ этомъ отношеніи въ лучшія условія, чѣмъ Западная Европа. А въ Западной Европѣ въ наилучшемъ положеніи оказалась Грецiя.

Небольшая страна, вся изрѣзанная моремъ, лежащая недалеко отъ древнѣйшихъ культурныхъ странъ Египта и Вавилоніи и имѣющая около

себя многочисленные острова, Греція, какъ бы самой природой была предназначена внести въ Европу свѣтъ культуры, зародившейся въ передней Азіи и Египтѣ. Положеніе Греціи было еще особенно выгодно благодаря тому, что она горами была прикрыта отъ нашествія съ сѣвера и, сверхъ того, она лежала въ сторонѣ отъ широкихъ сухопутныхъ трактовъ. Страны, лежащія въ центрахъ сухопутныхъ передвиженій народовъ, постоянно подвергались нашествіямъ менѣе культурныхъ народовъ, и ихъ зарождающаяся цивилизація гибла подъ ударами варваровъ.

И такъ мы видимъ, что Греція находилась въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для процвѣтанія культуры. И древніе Греки въ полной мѣрѣ этимъ воспользовались. Въ исторіи человѣчества древняя Греція навсегда останется примѣромъ юношеской отваги, съ которою умъ человѣческій взялся за рѣшеніе почти всѣхъ великихъ вопросовъ мірозданія. Въ древней Греціи духъ человѣческій, впервые ничѣмъ не стѣсняемый, показалъ все свое могущество: въ короткое время маленькій народецъ создалъ цѣлый рядъ великихъ философскихъ системъ; достигъ высочайшаго совершенства въ искусствѣ; сдѣлалъ большіе вклады въ науку и выработалъ рядъ любопытныхъ формъ гражданскаго быта.

Такимъ образомъ мы видимъ, что климатическія и географическія условія безспорно играютъ важную роль, ускоряя или задерживая прогрессъ у различныхъ народовъ. Но столь же безспорно и то, что одними этими условіями нельзя объяснить всей той разницы, которая, напримѣръ, имѣется между Бушменомъ и Англичаниномъ.

По вопросу и достоинству различныхъ человѣческихъ расъ среди ученыхъ нѣтъ такого единомыслія, какое, напримѣръ, наблюдается въ вопросѣ о роли морскихъ береговъ на развитіе культуры. Отчасти причиной разномыслія является то обстоятельство, что здѣсь затронуты нѣкоторые предразсудки, имѣются предвзятыя мысли и задѣты человѣческія страсти. Но главнѣйшей причиной разномыслія по этому вопросу является то обстоятельство, что у насъ нѣтъ, такъ сказать, мѣрки, которою мы могли бы измѣрять способности различныхъ народовъ.

Самымъ простымъ способомъ опредѣлить способности различныхъ народовъ, казалось бы, могло служить разсмотрѣніе того, что какой либо народъ сдѣлалъ. Это способъ, очевидно, простой и легкій, но столь же очевидно и то, что это способъ не вѣрный. Вѣдь, если бы, напримѣръ, въ то время, когда Египетъ достигъ высокой культуры, а Греція пребывала еще въ глубочайшемъ мракѣ, если бы, повторяемъ, въ это время какой нибудь египетскій ученый задумалъ оцѣнить народы по тому, что каждый народъ сдѣлалъ, то онъ, конечно, пришелъ бы къ выводу, что цвѣтъ человѣчества это—египтяне, а греки это—низшая порода людей...

Наука имѣетъ другой, очень интересный способъ выясненія способности людей, это—опредѣленіе вѣса ихъ мозга и совершенства его строенія. Въ будущемъ этотъ способъ, безспорно, дастъ намъ въ руки неоспоримый пріемъ для опредѣленія способностей, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ расъ. Этотъ пріемъ уже и теперь далъ нѣкоторые интересные результаты: такъ на

основаніи его можно съ увѣренностью сказать, что, напримѣръ, австралійцы, бушмены и даже негры безспорно ниже европейцевъ. Но все таки на основаніи его нельзя въ настоящее время рѣшать болѣе тонкіе вопросы, какъ, напримѣръ вопросъ объ отношеніи между способностями европейцевъ и способностями монголовъ.

Человѣческія породы, или, какъ принято выражаться расы, еще не вполнѣ установлены; но не гоняясь за особою точностью, можно сказать, что на землѣ существуетъ пять человѣческихъ расъ: бѣлая, черная, желтая, красная и малайская. Красная раса, американскихъ „индѣйевъ", по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, есть просто вѣтвь желтой, или монгольской расы. Черная раса, типичными представителями которыхъ являются негры, конечно, не мечтаетъ оспаривать первенство у европейцевъ. Наибольшій интересъ представляетъ сравненіе двухъ расъ: бѣлой, иначе называемой средиземною, и желтой, иначе называемой монгольскою.

Средиземная раса распадается въ свою очередь на три вѣтви: 1) индоевропейцевъ (иначе называемыхъ арійцами); 2) семитовъ и 3) хамитовъ.

Способности индоевропейцевъ всѣми высоко цѣнятся. Это теперь господствующая раса, населяющая почти всю Европу, колонизовавшая Америку и Австралію и имѣющая въ Азіи своихъ представителей въ лицѣ Иранцевъ (Персы и др.) и Индійцевъ.

Семиты распадаются главнымъ образомъ на двѣ вѣтви: на евреевъ и арабовъ. Творчество евреевъ во время существованія ихъ государства

проявилось главнымъ образомъ въ области религіи. Но затѣмъ, будучи разсѣяны среди другихъ народовъ, евреи обнаружили большія способности во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, такъ что право евреевъ стоять наряду съ индоевропейцами не можетъ быть оспариваемо.

Что касается арабовъ, то ихъ судьба весьма своеобразна. Будучи затеряны въ своей родной пустынѣ, они долго влачили совершенно незамѣтное существованіе. Затѣмъ съ необычайной быстротою сдѣлали великія завоеванія, овладѣли огромной областью отъ Индіи до Пиринеевъ и столь же быстро достигли значительнаго культурнаго развитія. Было время, когда невѣжественная средневѣковая Европа училась у Арабовъ. Но весь этотъ блескъ цивилизаціи и все это политическое могущество арабовъ столь же быстро погибли, какъ и возникли. И теперь Арабы опять влачатъ незамѣтное существованіе. Но мы не имѣемъ основанія думать, что паденіе Арабовъ произошло вслѣдствіе ихъ духовнаго ничтожества. Неблагопріятныя географическія условія, пораженія, нанесенныя имъ монголами на востокѣ и европейцами на западѣ, наконецъ, мертвящее вліяніе магометанской религіи, все это достаточно для объясненія катастрофы, постигшей Арабовъ.

Хамиты въ настоящее время ничѣмъ себя не проявляютъ, но нужно помнить, что первая цивилизація—египетская была создана хамитами.

Монголы, въ лицѣ Турокъ, Татаръ, проявили себя только разгромами, учиненными ими на огромномъ пространствѣ отъ Тихаго океана до Адріатическаго моря и Вѣны. Но судить о способностяхъ этихъ народовъ въ настоящее время весьма

трудно: условія ихъ существованія были неблагопріятны для ихъ развитія.

Однако главный интересъ Монголы имѣютъ благодаря Китайцамъ и Японцамъ (у Японцевъ къ монгольской крови примѣшана кровь малайская). Японцы, которые еще въ 60-хъ годахъ XIX вѣка жили совершенно замкнуто, быстро усвоили себѣ европейскую культуру и заняли видное мѣсто среди могущественнѣйшихъ народовъ міра.

Что касается Китайцевъ, то этотъ народъ, долго служившій какъ бы образцомъ неподвижности, въ настоящее время безспорно европеизируется. Сверхъ того нужно помнить, что китайцы создали значительную самобытную культуру и что многія изъ важнѣйшихъ изобрѣтеній, которыми гордится Европа, были сдѣланы китайцами гораздо ранѣе европейцевъ.

Такимъ образомъ вопросъ о равенствѣ монголовъ и индоевропейцевъ можно считать пока еще не рѣшеннымъ. Что же касается негровъ и другихъ еще ниже ихъ стоящихъ народовъ, то ихъ болѣе низкій духовный уровень доказывается не только ихъ исторіей, но и анатомическими данными касательно строенія ихъ мозга.

ГЛАВА IV.

Семья, Родъ и Государство.

Первыя письменныя свидѣтельства о прежней жизни человѣчества хотя и появились очень давно, но всетаки относятся къ такому времени, когда человѣчество уже очень много пережило и очень много изъ пережитаго забыло.

Весь христіанскій міръ воспитанъ на библейскихъ разсказахъ о томъ, какъ люди жили большими, такъ называемыми, патріархальными семьями, во главѣ которыхъ стояли патріархи, вродѣ Авраама. Люди, изучавшіе по литературнымъ памятникамъ жизнь древнихъ Грековъ и Римлянъ, тоже находили тамъ изображеніе семейной жизни этихъ народовъ. И въ настоящее время не только всѣ маломальски культурные народы живутъ семьями, но и во всѣхъ разсказахъ „про старину“, во всѣхъ преданіяхъ и сказкахъ, всюду существованіе семьи предполагается, какъ нѣчто само собою понятное. Благодаря всему этому, у насъ составилось убѣжденіе, что семья несомнѣнно есть изначальная форма отношеній между мужчинами и женщинами.

Ошибочность этого мнѣнія теперь окончательно выяснена. Теперь твердо установлено, что настоя-

щая семья есть продуктъ долгаго общественнаго развитія и что въ первобытномъ обществѣ не имѣлось о ней ни малѣйшаго понятія.

Пока люди не соединились въ общества отношенія между мужчинами и женщинами носили случайный характеръ, были вполнѣ безпорядочны, т. е., ничѣмъ не регулировались. Затѣмъ, когда образовались небольшія общества, небольшія кучки дикарей, то, естественно, у нихъ возникло сознаніе отличія между „своими" и „чужими". „Свои", это—то небольшое количество мужчинъ и женщинъ, которые были объединены совмѣстной жизнью и общими интересами. Внутри этой кучки всѣ женщины принадлежали всѣмъ мужчинамъ и такимъ образомъ возникли первыя формы семьи: семья первобытная.

Первые изслѣдователи различныхъ формъ брака и семьи не мало были удивлены, когда увидѣли, что въ самомъ началѣ существованія человѣческихъ обществъ родство считалось не по отцу, а исключительно по матери. Однако, стоитъ хорошо представить себѣ положеніе дѣлъ въ первобытномъ обществѣ, чтобы увидѣть, что иначе дѣло и не могло происходить. Въ самомъ дѣлѣ, если каждая женщина имѣла сношеніе съ неопредѣленнымъ числомъ мужчинъ своего общества, то какъ узнать, кто собственно отецъ ея ребенка? Мало того, если каждая женщина, начиная съ самаго ранняго возраста (такъ какъ дѣло происходило въ жаркомъ климатѣ, то можно предположить, что начиная лѣтъ съ 10—12) имѣла постоянныя и многочисленныя сношенія съ мужчинами, то (какъ это ни покажется страннымъ на первый разъ) дикари, стоящіе на самой низкой ступени духов-

наго развитія, даже могли и не догадываться о связи между половымъ актомъ и рожденіемъ дѣтей.

Вѣдь это теперь, когда выходъ замужъ дѣвушки обставленъ различными формальностями, когда дѣвушки выходятъ замужъ довольно поздно, а нѣкоторыя и совсѣмъ не выходятъ замужъ, теперь, при подобныхъ обстоятельствахъ; связь между половымъ актомъ и беременностью такъ ясна; но когда всѣ женщины и постоянно имѣли сношенія съ мужчинами, тогда это столь обыденное для нихъ событіе не должно было особенно вспоминаться, когда обнаруживалась беременность. Мало того, было не мало фактовъ, которые какъ бы доказывали, что нѣтъ никакой связи между половымъ актомъ и беременностью; въ самомъ дѣлѣ, не малое число женщинъ безплодны, а при тяжелой и антигигіенической жизни дикарей безплодныхъ женщинъ было среди нихъ, конечно, много. Онѣ наряду со всѣми остальными имѣли частыя половыя сношенія, но беременными никогда не бывали. Затѣмъ, послѣ извѣстныхъ лѣтъ (а дикарки отцвѣтаютъ очень рано) женщина тоже, несмотря ни на какія половыя сношенія, дѣтей имѣть не можетъ.

При такихъ обстоятельствахъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ первый періодъ жизни стадной семьи роль отца совершенно игнорировалась. Когда ученые, познакомившись ближе съ жизнью дикарей, узнали о существованіи этого матріархата (причемъ подъ словомъ „матріархатъ“ нѣкоторые понимаютъ не только родство по матери, но и такое общественное устройство, при которомъ власть въ отдѣльной семьѣ принадлежитъ не отцу, а матери, но существованіе

этой материнской власти многіе отрицаютъ), итакъ, когда ученые узнали о счетѣ родства исключительно по матери, то, перечитывая старыя книги, они замѣтили въ нихъ то, на что ранѣе не обращали вниманія. Такъ, оказалось, что даже въ такой книгѣ, какъ Библія, которая вся пропитана патріархальными идеями, даже и тамъ имѣются мѣста, въ которыхъ видны остатки матріархальныхъ понятій. И у писателей древней Греціи и древняго Рима также нашли не мало указаній на существованіе ранняго матріархата. Въ настоящее время путешественникамъ удалось разыскать не мало такихъ семей, которыя состоятъ только изъ матери и дѣтей, отецъ же живетъ отдѣльно, время отъ времени посѣщая свою жену, къ которой впрочемъ заходятъ и другіе мужчины.

Если изслѣдовать брачные законы и брачные обычаи современныхъ народовъ, то можно въ нихъ найти не мало подробностей, которыя сдѣлаются понятными лишь при предположеніи, что ранѣе у этихъ народовъ родство считалось исключительно по матери. Такъ, напримѣръ, арабы очень строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не заключалось браковъ между родственниками, и поэтому бракъ между дѣвушкой и братомъ ея матери считается совершенно недопустимымъ, но бракъ той же дѣвушки съ братомъ ея отца допускается.

Книги ученыхъ изслѣдователей и путешественниковъ переполнены подобными примѣрами, такъ что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что на самой первой ступени жизни человѣчества роль отца не принималась во вниманіе и родство считалось исключительно по матери.

Поэтому и не удивительно, что, когда возникли первыя правила упорядующія половыя отношенія, то прежде всего былъ запрещенъ бракъ сына съ матерью. Затѣмъ происходитъ вообще дѣленіе людей по возрастамъ, причемъ всѣ люди одного и того же поколѣнія считаются мужьями и женами другъ другу. Въ этотъ періодъ семейной жизни братья и сестры считаются естественными мужьями и женами. Однако, слѣдующій шагъ въ развитіи семьи именно и заключается въ томъ, что бракъ между сестрами и братьями воспрещается. Тогда возникаетъ любопытная форма семьи, въ которой группа мужчинъ являлась общими мужьями группы женщинъ, причемъ только въ числѣ этихъ женщинъ не могло быть сестеръ кого либо изъ мужчинъ.

Грабежъ сосѣдей былъ обычнымъ явленіемъ въ жизни дикарей, а при бѣдности ихъ жизни самымъ цѣннымъ предметомъ, который можно было похитить, являлись, конечно, женщины. Захвативши женщину, получали не только рабочую силу, но и жену. Эта жена, какъ захваченная самимъ дикаремъ, конечно, была его собственностью, которую онъ оберегалъ отъ другихъ. У дикаря не было никакой ревности, какъ не было и любви. Нѣжное чувство, связывающее мужчину съ женщиной, есть поздній продуктъ исторіи. Долго, очень долго, вмѣсто современной романтической любви, люди находились подъ вліяніемъ одной лишь чувственности. Соотвѣтственно съ этимъ и ревнивое чувство замѣнялось простымъ чувствомъ собственности. Поэтому дикари, какъ извѣстно, охотно угощаютъ путешественниковъ своими женами, но связь съ его женой помимо

его воли вызывала въ немъ чувство нарушенія его правъ, чувство похищенія его собственности.

Сверхъ грабежа и насильственнаго увода женщины, можно было пріобрѣсти еще женщину и покупкой. Но если можно купить женщину у чужихъ, то можно было и выкупить изъ общаго пользованія одну изъ своихъ женщинъ. Такимъ образомъ возникли парные браки, когда женщина принадлежала только одному мужчинѣ. Что подобный бракъ сопровождался выкупомъ и требовалъ отказа другихъ отъ своихъ правъ, видно изъ многихъ брачныхъ обрядовъ. Этотъ выкупъ состоялъ частію изъ подарковъ, частію имѣлъ иной характеръ: извѣстны обычаи, когда, послѣ брачной церемоніи, всѣ присутствующіе мужчины по очереди имѣютъ половыя сношенія съ невѣстой, причемъ женихъ ставится въ послѣднюю очередь; за то, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлается фактически мужемъ своей невѣсты, она становится исключительно его женой и никто изъ другихъ мужчинъ не можетъ уже нарушать его правъ.

Этотъ выкупъ невѣсты принимаетъ все менѣе и менѣе грубый видъ, такъ что иногда онъ сохраняется въ формѣ обряда, смысла котораго не понимаютъ даже и участники этого обряда. Такъ, когда теперь, въ нашихъ русскихъ селахъ, при проѣздѣ новобрачныхъ закрываютъ ворота или перегораживаютъ дорогу и требуютъ „выкупа“, то, конечно, никому, кромѣ людей знающихъ исторію первобытнаго времени, не приходитъ въ голову, что этотъ обрядъ есть остатокъ отъ того давняго времени, когда каждая дѣвушка принадлежала всѣмъ мужчинамъ своего племени и когда, вслѣдствіе этого, тотъ мужчина, который хотѣлъ, чтобы

она принадлежала только ему, долженъ былѣ, дѣйствительно, выкупить ее у другихъ.

Когда мужчина становится единственнымъ мужемъ женщины, все равно, похищенной ли имъ изъ чужого племени, купленной ли у этого чужого племени, или выкупленной у своихъ, то дѣлается яснымъ, что дѣти этой женщины суть его дѣти. Однако, такъ какъ старыя привычки, старые обычаи и старые нравы никогда не исчезаютъ быстро, безъ борьбы, и такъ какъ всегда умъ человѣческій старается связать все для него новое (и, слѣдовательно, непонятное) со старымъ, хорошо ему знакомымъ, то и признаніе какого либо мужчины отцомъ ребенка, такъ же тѣсно связаннымъ съ этимъ ребенкомъ, какъ и его мать, подобное признаніе не могло совершиться быстро и нуждалось въ какихъ либо дѣйствіяхъ, которыя установили бы связь между старымъ обычаемъ и новымъ.

Одинъ изъ оригинальнѣйшихъ пріемовъ для установленія этой связи извѣстенъ подъ названіемъ „кувады".

Эта „кувада" состоитъ въ слѣдующемъ: когда женщина собирается родить ребенка, то отецъ этого будущаго ребенка ложится такъ же, какъ лежитъ рожница, и начинаетъ стонать и охать; окружающіе ухаживаютъ за нимъ, какъ за больнымъ, часто не обращая вниманія на настоящую роженицу, а послѣ рожденія ребенка окружающіе поздравляютъ опять таки его, а не ее, съ благополучнымъ окончаніемъ родовъ, и этотъ отецъ ребенка продолжаетъ лежать, за нимъ ухаживаетъ и сама роженица. Все это кажется теперь крайне смѣшнымъ и нелѣпымъ, но для тогдашнихъ людей все это имѣло глубокій смыслъ: путемъ родовыхъ

мукъ женщина получала право на ребенка и дикарю казалось очевиднымъ, что для того, чтобы мужчина тоже получилъ право на этого ребенка, онъ долженъ хотя бы сдѣлать видъ, что страдаетъ родовыми потугами.

Установленіе семьи, въ которой женщина принадлежитъ лишь одному мужчинѣ, и возвышеніе власти отца совпадаютъ съ переходомъ отъ жизни дикарей къ жизни варваровъ. Варварскій періодъ жизни человѣчества характеризуется, между прочимъ, развитіемъ партіархальной семьи. Въ этой патріархальной семьѣ положеніе женщины все болѣе и болѣе падаетъ. Во главѣ большой семьи стоитъ родоначальникъ, „патріархъ“, которому безусловно подчинена и жена его, и все его потомство. Мужъ можетъ имѣть одну главную жену, нѣсколько второстепенныхъ и неопредѣленное число наложницъ. Изъ Библіи мы знаемъ разсказъ о томъ, какъ двѣ жены Іакова, родныя сестры, Рахиль и Лія, старались отбить другъ у друга сердце Іакова, а такъ какъ по понятіямъ того времени женщина привлекала сердце мужа только многочадіемъ, то и Рахиль и Лія, конкуррируя другъ съ другомъ, предлагали Іакову своихъ служанокъ, причемъ дѣти служанокъ считались дѣтьми самой госпожи.

Въ такое зависимое положеніе попала въ патріархальной семьѣ женщина послѣ того, какъ во времена матріархата отецъ даже совсѣмъ и не считался членомъ семьи. Патріархальная семья состояла не только изъ женъ, наложницъ и потомковъ (съ ихъ женами) патріарха, но также и изъ слугъ, рабовъ и даже изъ скота, принадлежащаго патріарху. Одно изъ самыхъ полныхъ вы-

раженій жизни патріархальной семьей мы встрѣчаемъ въ Библіи. И всѣ помнятъ, что десятая заповѣдь гласитъ: „Не желай жены ближняго твоего, и не желай дома ближняго твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его (ни всякаго скота его), ни всего, что есть у ближняго твоего“ (Второзаконіе, V, 21). Какъ видите, здѣсь жена, рабъ и „всякій скотъ“ поставлены рядомъ. А такъ какъ, сверхъ того, „прелюбодѣяніе“ запрещено седьмою заповѣдью, то очевидно, что запрещеніе десятой заповѣдью „желать жену ближняго“ имѣло въ виду лишь матеріальный убытокъ, который можно нанести „ближнему“, отобравши отъ него жену, раба или скота, такъ что „жена“ здѣсь упомянута просто въ числѣ прочаго хозяйственнаго инвентаря.

Высшій расцвѣтъ патріархальной семьи и власти „патріарха“ предполагаетъ болѣе или менѣе независимое существованіе этой семьи. Съ возникновеніемъ и развитіемъ государства начинается неизбѣжное разложеніе „патріархальныхъ“ отношеній въ семьѣ. Въ войскѣ, напримѣръ, нельзя сохранить прежнія отношенія, тамъ появляется новая власть: военное начальство, власть, которая основана уже не на „патріархальныхъ“ основаніяхъ. Мало того, можетъ оказаться, что сынъ будетъ гораздо болѣе талантливымъ военачальникомъ, чѣмъ отецъ, и хотя его военная слава не избавитъ его отъ власти отца, но, все таки, она несомнѣнно нанесетъ ударъ тому порядку вещей, при которомъ онъ считался безотвѣтною принадлежностью своего отца. Жизнь въ городахъ тоже плохо укладывается въ патріархальныя отношенія. Въ городахъ образуется значительное коли-

чество людей, оторванныхъ отъ своихъ старыхъ отношеній и ведущихъ болѣе или менѣе самостоятельную жизнь со своей небольшой семьей, состоящей только изъ жены и дѣтей.

Такъ какъ у всѣхъ народовъ мальчики и дѣвочки рождаются приблизительно въ одинаковомъ количествѣ, то многоженство никогда не могло быть удѣломъ большинства людей. Но все-таки обычай единобрачія, возникновеніе нашей современной семьи, состоящей только изъ мужа, жены и дѣтей, есть дѣло позднѣйшаго времени. Сначала установился обычай, въ силу котораго лишь первая женщина, съ которой мужчина вступаетъ въ бракъ, совершая извѣстныя формальности, считалась женою этого мужчины, а всѣ остальныя женщины, жившія съ нимъ, считались лишь его наложницами. Затѣмъ существованіе этихъ офиціально признанныхъ наложницъ стало невозможнымъ, семья сдѣлалась единобрачною, и всякая связь мужчины на сторонѣ стала разсматриваться, какъ нарушеніе супружеской вѣрности.

Сверхъ семьи и семейныхъ отношеній въ прежнія времени играли еще большую роль отношенія родовыя. Люди жили болѣе или менѣе большими группами, члены которыхъ считались находящимися въ родствѣ между собою и составляли особый родъ, носившій какое либо названіе.

Прежде предполагали, что родъ есть ни что иное, какъ разросшаяся семья, но изложенная выше исторія семьи показываетъ всю ошибочность подобнаго предположенія. Не семья предшествовала роду, а родъ предшествовалъ семьѣ. Мы знаемъ, что первоначальное соединеніе людей въ общества произошло не вслѣдствіе общаго

ихъ происхожденія отъ одного и того же родоначальника. Конечно, такъ какъ тогда каждый мужчина имѣлъ сношенія со многими или, даже, со всѣми женщинами своей группы, а каждая женщина, тоже, имѣла связь со многими или даже со всѣми своими мужчинами, то извѣстная общность крови могла въ концѣ концевъ установиться внутри каждаго рода, но, очевидно, не о такомъ „родствѣ“ думали тѣ, которые полагали, что родъ есть разросшаяся семья.

Мало того, когда начали упорядывачивать половыя отношенія и стали вырабатывать извѣстныя правила, ограничивающія выборъ женъ, и когда вмѣстѣ съ этимъ начался приливъ женщинъ со стороны, какъ женщинъ захваченныхъ силою, такъ и женщинъ купленныхъ, то дальнѣйшее объединеніе крови было задержано. Но это еще не все; многочисленные изслѣдователи отмѣтили своеобразный періодъ въ жизни различныхъ обществъ, когда было рѣшительно воспрещено жениться на дѣвушкахъ изъ своего рода, и когда, слѣдовательно, каждый мужчина обязанъ былъ такъ или иначе добыть себѣ жену со стороны.

Члены рода, не будучи необходимо въ какомъ бы то ни было родствѣ другъ съ другомъ, всетаки вѣрили въ то, что они происходятъ отъ одного и того же общаго предка, имя котораго они и носили. Но замѣчательно, что эти имена означали обыкновенно животныхъ или даже неодушевленные предметы. Все это объясняется весьма просто. Если въ какомъ либо первобытномъ обществѣ былъ человѣкъ, выдѣлявшійся, положимъ, силою и смѣлостью, то его современники, желая выразить свое восхищеніе его могуществомъ и желая

польстить ему, сравнивали его съ какимъ нибудь могучимъ животнымъ, напримѣръ съ тигромъ. Вслѣдствіе несовершенства языка дикарей, а также вслѣдствіе обычной неточности устнаго преданія, слѣдующія поколѣнія уже были увѣрены не въ томъ, что среди нихъ жилъ когда то могущественный человѣкъ, прозванный за свое могущество тигромъ, а въ томъ, что членъ ихъ рода былъ настоящій тигръ; а такъ какъ объ остальныхъ своихъ предкахъ они или ничего не знали, или знали очень мало, то естественно, что этотъ „тигръ" становится центральной фигурой всѣхъ ихъ преданій и превращается въ родоначальника всего ихъ рода. И такимъ образомъ извѣстная группа людей принимаетъ родовое имя „тигръ" и думаетъ, что ихъ общимъ родоначальникомъ былъ настоящій тигръ.

Наиболѣе важнымъ связующимъ элементомъ для рода являлось поклоненіе общему предку, который считался покровителемъ всего рода. Другимъ общимъ дѣломъ была родовая месть. За убійство кого либо изъ членовъ какого либо рода отвѣчали всѣ члены того рода, къ которому принадлежалъ убійца, и съ другой стороны, всѣ члены, принадлежащіе къ роду убитаго, обязаны были мстить за него. Находясь въ постоянной враждѣ съ представителями другихъ родовъ, будучи постоянно озабочены родовыми счетами и родовой местью, члены каждаго рода естественно стремились къ тому, чтобы ихъ родъ не былъ ослабленъ внутренними раздорами, и вотъ почему очень скоро внутри каждаго рода создается энергическое осужденіе всякой попытки нарушить внутренній миръ. А такъ какъ при этомъ часто

существуетъ запрещеніе жениться на дѣвушкахъ изъ своего рода, то этимъ устраняется еще одинъ изъ источниковъ внутреннихъ ссоръ: исчезаетъ состязаніе изъ за женщинъ.

Сознавая общность интересовъ и важность защиты другъ друга въ борьбѣ со врагами, представители рода живутъ въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ: для удовлетворенія ихъ хищническихъ наклонностей у нихъ имѣется достаточно враговъ изъ представителей другихъ родовъ и, поэтому, у нихъ вырабатывается особая нравственность, согласно которой различныя насилія надъ „чужими“ не только не осуждаются, а иногда даже поощряются, но всякая несправедливость по отношенію къ „своему“ строго осуждается.

Даже и тогда, когда, войдя, какъ составная часть, въ государство, родъ начинаетъ разлагаться, члены рода, всетаки, еще долго чувствуютъ взаимную свою близость и нѣкоторую отчужденность отъ остальныхъ гражданъ ихъ государства. На войнѣ, напримѣръ, въ общемъ государственномъ ополченіи члены каждаго рода сражаются вмѣстѣ, на судѣ члены рода обязаны защищать другъ друга и т. п.

По мѣрѣ того, какъ родъ разрастался, и въ связи съ переходомъ къ осѣдлой земледѣльческой жизни, началось распаденіе рода. Ослабленіе родовой жизни шло въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны разросшійся родъ распадался на отдѣльныя большія семьи, которыя и начали выполнять нѣкоторыя изъ обязанностей рода, такъ какъ настоящую близость и общность интересовъ стали теперь сознавать лишь члены одной и той же семьи, а относительно членовъ другихъ се-

мействъ ихъ рода они уже стали чувствовать нѣкоторую отчужденность. Съ другой стороны отдѣльные роды стали соединяться въ племена, первоначально, конечно, исключительно для военныхъ надобностей: для совмѣстной борьбы съ сильными врагами.

Племя, какъ соединеніе различныхъ родовъ, является исходнымъ пунктомъ для чисто уже государственной жизни народовъ. Государство предполагаетъ существованіе государственной власти. Конечно, каждое общество болѣе или менѣе управляется какою либо властью. Власть главы патріархальной семьи, какъ мы знаемъ, бываетъ даже очень велика. Но государственная власть отличается отъ власти семейной и патріархальной тѣмъ, что она не основывается на общемъ происхожденіи. Часто бываетъ даже наоборотъ: главы государства усиленно подчеркиваютъ то обстоятельство, что ихъ происхожденіе совсѣмъ не похоже на происхожденіе ихъ подданныхъ: они заявляютъ, что происходятъ отъ боговъ или, по крайней мѣрѣ, отъ какихъ либо сверхчеловѣческихъ героевъ.

Члены рода, какъ мы видѣли, считаютъ себя происшедшими отъ одного и того же родоначальника. Въ союзѣ родовъ, или въ племени, нѣтъ уже такого тѣснаго родства. Мало того, племя, ведя завоеванія, захватывая рабовъ, вводитъ въ себя завѣдомо чужеродные элементы; къ этому присоединяются еще и завоеванные, но не обращенные въ рабство представители другихъ племенъ.

Затѣмъ при осѣдлой жизни, при занятіяхъ скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ неизбѣжно возникаетъ различіе въ богатствѣ между отдѣль-

ными членами племени; въ болѣе или менѣе значительномъ племени (или въ союзѣ племенъ) возникаютъ нѣкоторыя ремесла и торговля.

Все это разрушаетъ старинную „патріархальную“ жизнь, устанавливаетъ нѣкоторую рознь между отдѣльными людьми и искореняетъ мысль о томъ, что власть есть естественная принадлежность старшаго въ родѣ.

Но главный источникъ возникновенія государственной власти есть война. Военныя способности, сила и мужество, все это чисто личныя качества каждаго человѣка, и, конечно, крайне рѣдко бываютъ такія совпаденія, что тотъ, кто по родовымъ понятіямъ долженъ стоять во главѣ племени, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ окажется и наиболѣе способнымъ полководцемъ. Поэтому даже у самыхъ неразвитыхъ племенъ часто наблюдается нѣкоторое раздвоеніе власти: въ мирное время власть принадлежитъ одному человѣку, а въ военное— другому. Конечно, при томъ разслоеніи общества, которое уже замѣчается въ племени, кругъ лицъ, изъ которыхъ выбирается военный вождь, сравнительно, ограниченъ и нужны совершенно исключительныя способности, чтобы въ вожди попалъ человѣкъ болѣе низкаго происхожденія.

Укрѣпленію чисто военной власти вождя весьма способствуетъ то обстоятельство, когда возникаетъ союзъ различныхъ племенъ, ибо тогда его власть особенно мало бываетъ связана чисто родовыми понятіями. Первоначально вождь является лишь временнымъ начальникомъ, пока длится походъ; но, при частотѣ войнъ въ прежнее время, власть его обыкновенно такъ часто пускается въ ходъ, что мало по малу становится постоянной. А по-

стоянная власть легко дѣлается наслѣдственной. И эта наслѣдственность власти скоро такъ крѣпнетъ, что государю уже нѣтъ надобности обладать непремѣнно военнымъ талантомъ: въ случаѣ нужды онъ можетъ послать своего полководца и власть его отъ этого, по большей части, не страдаетъ, ибо она скоро пріобрѣтаетъ божественный характеръ.

ГЛАВА V.

Власть духовная и власть свѣтская.

Мы видѣли, что власть государей развилась изъ военной власти вождей, призванныхъ руководить племенемъ въ его столкновеніяхъ съ другими племенами. Но люди страдаютъ не только отъ нападенія враговъ и, вообще, не только отъ враждебныхъ дѣйствій другихъ людей. Природа тоже насылаетъ на людей всевозможныя бѣдствія: голодъ, холодъ, болѣзни и смерть.

Мы знаемъ, что дикарь считалъ всю природу населенною духами, имѣющими тѣ же желанія и тѣ же страсти, какія имѣлъ и онъ. И какъ онъ самъ былъ существомъ жаднымъ, злымъ и мстительнымъ, такими считалъ онъ и духовъ. Такъ что всѣ бѣдствія, которыя, конечно, изобильно падали на его голову, онъ приписывалъ мстительности, злобѣ и жадности окружающихъ его духовъ. Ихъ слѣдовало умилостивить подарками, обѣщаніями и лестью и тогда они могли сдѣлаться духами для него благожелательными, могли не только перестать вредить ему, но еще и оказывать ему помощь. И дикарь мало по малу выработалъ цѣлую систему воздѣйствій на духовъ.

Но среди всѣхъ этихъ духовъ естественно выдѣлялись особаго рода духи, которые, казалось бы,

особенно легко могли склониться на его молснія, это—духи его предковъ. Съ другой стороны, если духи предковъ были его естественными защитниками и покровителями въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ имъ покоренъ и заботился объ ихъ интересахъ, то столь же естественно и то, что эти духи особенно раздраженно мстили ему, если онъ оказывалъ имъ неповиновеніе или забывалъ объ ихъ интересахъ. Ибо, если духи предковъ являются его естественными защитниками среди духовъ, то и онъ самъ является естественнымъ блюстителемъ интересовъ этихъ духовъ среди живыхъ людей. И какъ живой отецъ, оказывая ему помощь и поддержку, въ то же время имѣетъ право требовать отъ него послушанія и заботливаго отношенія, такъ и духъ отца имѣетъ всѣ права на его особую заботливость. Поэтому культъ предковъ, поклоненіе домашнимъ богамъ и служеніе имъ прежде всего достигаетъ богатаго развитія у первобытныхъ людей.

А какъ угождать этимъ духамъ предковъ, что нужно дѣлать, чтобы не только не прогнѣвить ихъ, но и заслужить еще ихъ благоволеніе, этого дикарь, конечно, не могъ узнать никакими размышленіями (къ которымъ онъ къ тому же и ни мало не былъ склоненъ), это онъ узнавалъ лишь отъ старшихъ, которые сами, въ свою очередь, узнали когда то отъ старшихъ, однимъ словомъ, это онъ узнавалъ лишь путемъ преданія. Естественными хранителями этихъ преданій были старшіе изъ живыхъ родственниковъ; въ патріархальной семьѣ естественнымъ носителемъ преданій и посредникомъ между живыми людьми и духами былъ патріархъ. Такимъ образомъ власть патріарха

получила религіозную окраску: устами его говорилъ духъ покровитель семьи.

Создавшаяся такимъ образомъ духовная власть прежде всего, конечно, была занята тщательнымъ исполненіемъ всего того, что относится къ культу домашнихъ боговъ; но такъ какъ эти боги заботились о своихъ поклонникахъ, то естественно, что они указывали имъ, какъ вести себя, чтобы благоденствовать на землѣ. Отсюда рядъ предписаній, какъ нравственнаго характера, такъ и характера политическаго и обрядоваго. Всѣ эти предписанія давались, конечно, устами посредниковъ между богами и ихъ поклонниками.

Такъ какъ родъ считалъ себя происходящимъ отъ общаго родоначальника, то духъ этого родоначальника и долженъ былъ почитаться покровителемъ рода. Племена тоже имѣли своихъ боговъ покровителей. И всѣ эти боги требовали себѣ жертвъ и поклоненія, волю всѣхъ ихъ нужно было хорошо знать, и люди знавшіе ихъ волю безапелляціонно руководили жизнью поклонниковъ этихъ боговъ.

Мало по малу выработались цѣлыя сложныя системы, руководящія жизнью людей до мелчайшихъ подробностей. Всякій, читавшій Библію, знаетъ, что евреямъ предписывались даже, такія мелочи, какъ, напримѣръ, какимъ образомъ они должны были шить себѣ покрывала и какъ пришивать къ этимъ покрываламъ кисточки.

Первоначально не различали, конечно, свѣтской власти отъ духовной. Патріархъ, напримѣръ, руководилъ всей жизнью своей сложной и обширной семьи, причемъ, конечно, ни ему, и никому изъ членовъ его семьи даже и не приходилъ въ голову

вопросъ о томъ, на какомъ основаніи онъ занимаетъ это руководящее положеніе, до такой степени оно казалось всѣмъ вполнѣ естественнымъ. Это соединеніе духовной и свѣтской власти продолжалось довольно долго.

И не только земные властители пользовались властью, какъ посредники между богами и людьми, но еще и они сами стали считаться богами. Еще и въ настоящее время, напримѣръ, различные мелкіе африканскіе царьки почитаются своими подданными за боговъ и эти подданные обращаются къ своему властителю со словами: „нашъ отецъ и нашъ богъ„ и сами эти царьки говорятъ иногда о себѣ европейскимъ путешественникимъ: „вѣдь, я богъ“.

Чтобы правильно понимать это обоготвореніе правителей и это заявленіе маленькихъ, жалкенькихъ царьковъ, что они боги, слѣдуетъ помнить, что не только дикари, но и люди стоящіе гораздо выше ихъ по своему духовному развитію не имѣютъ нашихъ современныхъ представленій о божествѣ. Когда мы, въ настоящее время, говоримъ о Богѣ, мы подъ словомъ „Богъ“ понимаемъ творца и промыслителя вселенной, существо обладающее безграничнымъ могуществомъ, мудростью и т. п. качествами. Но для созданія такого понятія Бога нужно высокое духовное развитіе современнаго человѣка. Дикарь же могъ составить себѣ представленіе лишь о маленькихъ и жалкенькихъ божкахъ, такихъ божкахъ, которыхъ можно было подкупить обѣщаніемъ маленькихъ подарковъ, но которыхъ можно было и наказать въ томъ случаѣ, если они не исполнятъ обѣщеннаго. Всѣмъ извѣстно, что дикари часто

бьютъ своихъ идоловъ, если тѣ не исполняютъ ихъ желаній, несмотря на ихъ просьбы и приношенія.

Такимъ образомъ для дикаря и для варвара „божественнымъ“ казалось все, что нѣсколько превосходитъ могуществомъ его самого, и, слѣдовательно, самый маленькій властитель и царекъ казался ему богомъ, который, положимъ могъ знать будущее, вызывать дождь и т. п.

Это обоготвореніе властителей продолжалоеь очень долго. Всѣ первыя великія монархіи: въ Египтѣ, въ Индіи, въ Вавилонѣ имѣли строго религіозный характеръ: ихъ цари или обоготворялись, или, по крайней мѣрѣ, были въ весьма тѣсныхъ сношеніяхъ съ богами. Даже въ такой странѣ, какъ древняя Грецiя, гдѣ жрецы никогда не играли особенно большой роли, даже и тамъ древніе ихъ цари были вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецами. Мало того, даже христіанство не могло вполнѣ лишить властителей ихъ божественныхъ качествъ. Напримѣръ, подданные королей французскихъ и англійскихъ считали, что ихъ короли могутъ наложеніемъ руки исцѣлять болѣзни. Любопытно, что англійскій король Карль I всего еще за одинъ годъ до своей казни исцѣлялъ своихъ подданныхъ наложеніемъ руки.

До установленія строгаго единобожія различіе между божескимъ и человѣческимъ не было особенно велико. Боги обращались съ людьми запросто. Даже у такого выдающагося народа, какъ древніе Греки, ихъ боги бывали иногда, просто, на побѣгушкахъ у людей: напримѣръ по словамъ Одиссеи, Афина-Паллада бѣгала по улицамъ города и созывала людей для того, чтобы Одиссей

получилъ побольше подарковъ; она же оказывала ему и другія мелкія услуги. Такіе боги не были особенно ревнивы: они, конечно, оказывали помощь тѣмъ, кто приносилъ имъ хорошіе дары и негодовали на небрежное отношеніе къ себѣ, но все это примѣнялись ими лишь къ своему народу; они ни мало не раздражались тѣмъ, что существуютъ другіе народы, у которыхъ есть свои боги и, поэтому, они и не требовали отъ своего народа, чтобы тотъ принудилъ другіе народы признать ихъ власть. А люди, въ свою очередь, почитая своихъ боговъ, были всегда непрочь получить помощь и отъ другихъ боговъ. Поэтому, напримѣръ, завоеватели похищали боговъ у народа завоеваннаго; а Римляне, такъ тѣ, просто, присоединяли къ своимъ богамъ и боговъ завоеванныхъ народовъ.

Съ установленіемъ строгаго единобожія уже нельзя было считать своихъ правителей богами, ихъ начали считать всего „помазанниками“ божіими и, вслѣдствіе этого, неизбѣжно усилилось раздѣленіе между властью духовною и властью свѣтскою. А такъ какъ къ тому времени выработалась очень сложная система богопочитанія, то естественно, что этимъ важнымъ, сложнымъ и труднымъ дѣломъ должны были заниматься особые спеціалисты. Полное отдѣленіе свѣтской власти отъ власти духовной совершилось лишь послѣ того, какъ твердо установился обрядъ преемственной передачи нѣкоторыхъ таинственныхъ качествъ, которыя дѣлаютъ человѣка лицомъ духовнаго званія. Лишь путемъ посвященія, путемъ передачи таинства священства духовенство совершенно отдѣляется отъ „мірянъ“. Когда мы говоримъ, что,

такимъ образомъ, совершается полное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, то мы этимъ хотимъ сказать только, что послѣ установленія таинства священства ясно сдѣлалось для всякаго, какой человѣкъ обладаетъ духовной властью, а какой ею не обладаетъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, будто послѣ этого не могло быть попытокъ соединить обѣ власти въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, подчинивши, напримѣръ, свѣтскую власть власти духовной.

Христіанство, при своемъ возникновеніи, совершенно не интересовалось дѣломъ свѣтской власти. Занятые исключительно подготовленіемъ людей къ совершенно новой жизни (въ скорое наступленіе которой они твердо вѣрили), первые христіане не интересовались и не могли интересоваться жизнью государственной. Къ самой идеѣ государства они относились отрицательно. Римское государство, членами котораго были всѣ первые христіане, было государствомъ языческимъ и во главѣ его стояли люди, которымъ воздавали божескія поклоненія. Уже это одно дѣлало для христіанъ государство совершенно непріемлемымъ, ибо признать языческое государство значило для христіанъ отречься отъ Христа. Однако, такъ какъ новый порядокъ вещей не наступалъ, а жизнь предъявляла свои права, то христіанамъ скоро пришлось начать заботиться и о мірскихъ дѣлахъ, причемъ такъ какъ христіанская церковь была гонимая, то руководители христіанскими общинами могли проявлять свою власть лишь путемъ нравственнаго осужденія и отлученія отъ церкви.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи оказалось христіанство, когда оно сдѣлалось государственной

религіей. Здѣсь, прежде всего, обнаружилась та основная черта христіанства, которая рѣзко отличала его отъ другихъ религій римской имперіи, а именно его стремленіе сдѣлаться единственной религіей въ мірѣ. Даже іудейская религія, хотя и признавала единаго Бога, сотворившаго небо и землю и все, что на землѣ, все-таки, считала этого Бога, своимъ Богомъ, „Богомъ Израиля“, и не обнаруживала особеннаго желанія дѣлиться этимъ Богомъ съ другими народами. Извѣстно, что и среди апостоловъ возникъ споръ о томъ, можно ли крестить „необрѣзанныхъ“, и что нѣкоторые апостолы полагали, что Христосъ принесъ свою благую вѣсть только „обрѣзаннымъ“. Лишь апостолъ Павелъ, настоявши на правѣ крестить и „необрѣзанныхъ“, вывелъ христіанство изъ положенія еврейской секты въ положеніе міровой религіи. И вотъ, когда христіанство восторжествовало въ римской имперіи, оно стало энергически стремиться къ искорененію всѣхъ другихъ религій.

А стремленіе къ достиженію этой цѣли тѣсно связало христіанство съ государствомъ и со свѣтской властью.

Въ дальнѣйшей своей исторіи христіанство, какъ извѣстно, распалось на двѣ части: на восточное христіанство, или православіе, и западное христіанство, или католицизмъ. Взаимное отношеніе власти духовной и власти свѣтской въ обѣихъ этихъ половинахъ христіанства было различно. Въ восточномъ христіанствѣ духовная власть никогда не получала перевѣса надъ властью свѣтскою. А въ католицизмѣ папы, объявивши себя намѣстниками Христа, заявили претензію на безусловное господство. Римскіе папы учили, что, насколько

духъ выше тѣла, настолько папа выше императора и королей. Сверхъ того, этимъ римскимъ первосвященникамъ удалось получить цѣлую область въ свое непосредственное владѣніе. И стремленіе римскихъ первосвященниковъ, хотя на время, увѣнчалось успѣхомъ: бывали моменты, когда свѣтская власть покорно склонялась къ ногамъ папы.

Свѣтская власть королей, какъ мы видѣли, развились изъ предводительства войскомъ, а духовная власть возникла изъ сношенія съ духами и богами. Первоначально у этихъ духовъ и боговъ просили чисто земныхъ услугъ: удачи въ охотѣ, избавленія отъ болѣзни и т. п. Но, мало по малу, съ развитіемъ человѣческаго ума, съ расширеніемъ умственнаго кругозора, мелкія земныя дѣла стали отходить на второй планъ.

Когда же твердо установилось ученіе о безсмертіи души, когда краткая земная жизнь стала считаться не стоющей никакого вниманія, сравнительно съ вѣчной будущей жизнью, тогда руководительство духовной власти приняло характеръ указанія на то, какъ „спасти свою душу“, какъ достигнуть царствія Божія.

Эти двѣ задачи: командованіе войсками и „спасенія души“ является двумя наиболѣе неоспоримыми областями, первая, какъ область свѣтской власти, вторая, какъ область власти духовной. Но въ сложной государственной жизни между этими двумя крайними областями лежитъ очень много областей промежуточныхъ. Эти то промежуточныя области и являются часто ареной борьбы между двумя властями. Напримѣръ, воспитаніе дѣтей и просвѣщеніе народа духовная власть

склонна разсматривать, какъ свой удѣлъ, ибо, по ея мнѣнію, нѣтъ болѣе важной цѣли для воспитанія и обученія, какъ задача подготовить людей къ пониманію воли Божіей. Но свѣтская власть не можетъ забыть того, что воспитаніе и обученіе очень важны и для земной жизни...

Такъ какъ источникъ свѣтской власти борьба со врагами, то свѣтская власть всегда опирается на физическую силу и всегда дѣйствуетъ принудительно. Этой угрозы силой и этого принужденія, собственно говоря, не должно бы было быть у власти духовной. Вѣдь, когда дикарь обращается къ знахарю или колдуну съ просьбой избавить его отъ какого либо бѣдствія или защитить его отъ какого либо враждебнаго ему духа, то онъ дѣлаетъ это вполнѣ добровольно, и для собственной же пользы охотно исполняетъ всѣ предписанія знахаря или колдуна. Затѣмъ, если человѣкъ недостаточной чистотой своей вѣры погубитъ свою душу, то это, казалось бы, никого не касается, кромѣ его самого, и поэтому, его заблужденіе должно было бы вызывать лишь сожалѣніе, но никоимъ образомъ не гнѣвъ и негодованіе, и тѣмъ паче не наказаніе.

Но извѣстно, что человѣкъ въ своемъ поведеніи очень мало руководствуется разсужденіемъ и логикой и очень много находится подъ вліяніемъ страстей и слѣпыхъ инстинктовъ. Злобность и гнѣвливость до сихъ поръ играютъ слишкомъ большую роль въ жизни людей. И гнѣвъ на людей, думающихъ „не по нашему“ очень легко возгарается въ душахъ человѣческихъ. Ко всему этому присоединяется еще и мысль о „нечестіи“. Человѣкъ, въ чемъ бы то ни было

уклоняющійся отъ общепринятаго вѣрованія, считается „нечестивцемъ“, способнымъ своимъ нечестіемъ вызвать гнѣвъ божій. И хотя совершенно нельзя понять, почему бы Богъ, разгнѣвавшись на „нечестивца“, излилъ бы свой гнѣвъ и на людей „благочестивыхъ“, но, тѣмъ не менѣе, часто эти „благочестивые“ люди, страшась гнѣва божія, считаютъ нужнымъ покарать „нечестивца“.

Такимъ образомъ, хотя по существу дѣла духовная власть и не должна была бы прибѣгать къ физической силѣ, но та духовная власть, которая исторически сложилась въ связи съ религіей, несомнѣнно имѣетъ явственное стремленіе подтверждать справедливость своего ученія обращеніемъ къ физической силѣ.

Но съ ходомъ просвѣщенія въ обществахъ возникаетъ духовная власть иного рода: власть науки и знанія. По существу, религія и наука возникаютъ изъ одного и того же корня: изъ желанія человѣка избавиться или защититься отъ какого либо бѣдствія. На самой первой ступени отношеніе дикаря къ своимъ божкамъ имѣетъ узко практическій характеръ: дикарь обращается къ духамъ исключительно изъ за личныхъ выгодъ. Мы не будемъ изслѣдовать здѣсь вопроса о томъ, въ какой моментъ жизни и человѣчества къ этимъ узко практическимъ интересамъ, связаннымъ съ поклоненіемъ духамъ, присоединяется и чувство благоговѣнія. Но несомнѣнно, что это чувство благоговѣнія все болѣе и болѣе возрастало и давало чисто нравственную окраску отношенію человѣка къ богамъ. Человѣкъ началъ исполнять волю боговъ не только потому, что это для него выгодно, а еще и потому, что неисполненіе ихъ

воли стало казаться ему „нечестіемъ“, т. е., безнравственностью.

Однако, практическій характеръ отношенія къ богамъ всегда сохранялся у огромнаго большинства людей. И древній Грекъ, и Еврей, оба они, съ полной наивностью показали, почему они считаютъ нужнымъ повиноваться веленію бога. Въ Иліадѣ мы читаемъ, что, когда Афина-Паллада праказала Ахиллесу не нападать на оскорбившаго его Агамемнона, то Ахиллесъ ей отвѣчалъ:

„Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повелѣнія ваши“.
„Какъ мой ни пламененъ гнѣвъ, но покорность
полезная будетъ“:
Кто безсмертнымъ покоренъ, тому и безсмертные
внемлютъ“:

И повѣленія Бога іудейскаго всегда сопровождались указаніемъ на полезность послушанія и опасность неповиновенія. Напримѣръ, пятая заповѣдь прямо гласитъ: „почитай отца твоего и матерь твою, чтобы продлились твои дни и чтобы хорошо тебѣ было на землѣ“.

И христіанская религія выдвигаетъ впередъ практическую сторону богопочитанія: угроза муками ада за непослушаніе, вотъ главный доводъ большинства церковныхъ предписаній. Лишь немногія исключительныя натуры, въ моментъ высшаго подъема религіознаго чувства, совершенно теряютъ изъ сознанія всякій практическій мотивъ богопочитанія.

Наряду со стремленіемъ узнать волю духа и умилостивить его, человѣкъ стремится еще обезпечить себѣ благоденствіе инымъ путемъ: онъ пытается узнать, нѣтъ ли такого дѣйствія или

такого заклинанія, такого „слова“, которыя принудили бы этотъ духъ поступать согласно его желанію. Отсюда вытекаютъ всевозможные пріемы волшебства, и наряду съ религіей возникаетъ магія, причемъ, на практикѣ, пріемы религіи и пріемы магіи переплетаются между собою.

А близость магіи и науки уже очевидна: вся разница между ними заключается въ тѣхъ пріемахъ, путемъ которыхъ обѣ онѣ стремятся добыть свои свѣдѣнія и въ тѣхъ доказательствахъ, путемъ которыхъ онѣ защищаютъ правильность своихъ утвержденій.

Наука обращается исключительно къ разуму и опыту, а магія, хотя и ссылается иногда на „опытъ“, напримѣръ, на яко-бы опытомъ доказанную дѣйствительность извѣстныхъ заклинаній, но она ни малѣйшимъ образомъ не пытается подвергнуть этотъ „опытъ“ критикѣ и не стремится (и не можетъ стремиться) выяснить, почему извѣстная заклинанія производятъ извѣстныя дѣйствія. Такимъ образомъ магія есть просто мнимая наука, наука, основанная исключительно на голословныхъ утвержденіяхъ и способная удовлетворять лишь малокультурные умы.

Начавши пріобрѣтать власть надъ человѣческими умами, наука, естественно, вошла въ столкновеніе съ религіей, которая считала власть надъ человѣческими душами своею монополіей. Возникла долгая и ожесточенная борьба между этими двумя формами духовной власти.

Въ настоящее время, въ передовыхъ странахъ произошло разграниченіе сферъ вліянія между этими властями. Наука, по самому существу своему, не вмѣшивается въ отношеніе людей къ сверх-

чувственному міру, за то она взяла въ свои руки всѣ земные интересы человѣка. Религія, хотя иногда и пытается еще спорить съ наукою по чисто научнымъ вопросамъ, но уже ясно чувствуетъ, что близокъ часъ, когда она потеряетъ всякій авторитетъ въ этой области; и поэтому, наиболѣе чуткіе представители религіи открыто отказываются отъ борьбы съ наукою по вопросу объ устройствѣ чувственнаго міра и сосредоточиваютъ свое вниманіе на нравственной сторонѣ идеи сверхчувственнаго міра.

Такъ какъ наука обращается исключительно къ человѣческому уму, то ея власть есть исключительно власть убѣжденія, а не власть физической силы. Эта власть есть—власть авторитета. Когда, напримѣръ, больной обращается къ врачу, то онъ тщательно исполняетъ всѣ его предписанія потому, что вѣрятъ въ медицину и признаетъ авторитетъ своего врача. И эта власть науки все болѣе и болѣе возрастаетъ по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что сама наука все болѣе и болѣе совершенствуется; а во вторыхъ потому, что люди, становясь все болѣе и болѣе просвѣщенными, начинаютъ все яснѣе понимать, что если наука иногда и ошибается, то во всякомъ случаѣ, лишь путемъ науки можно достигнуть истины, а внѣ науки люди неизбѣжно впадаютъ въ заблужденія. Такъ, напримѣръ, хотя медицина въ настоящее время еще и не можетъ излѣчивать всѣхъ болѣзней, но всякая попытка лѣченія внѣ научной медицины сводятся лишь къ шарлатанству и невѣжеству. По этому всякій образованный больной теперь разсуждаетъ, приблизительно, такъ: „конечно, можетъ быть научная медицина мнѣ и

не поможетъ, но, если кто на свѣтѣ сумѣетъ мнѣ помочь, то это только одна научная медицина".

Полному господству науки въ настоящее время препятствуютъ во первыхъ, несовершенство самой науки, а во вторыхъ, предразсудки и страсти людей. Съ учеными математиками, напримѣръ, никто изъ публики не споритъ, ибо всѣ понимаютъ, что все, что они знаютъ изъ математики, это то, чему научили ихъ эти ученые. Но уже въ области медицины у публики имѣется не мало предразсудковъ, въ которые она вѣритъ, и которые она иногда противопоставляетъ требованіямъ научной медицины. Что же касается вопросовъ государственнаго устройства, вопросовъ, съ которыми тѣсно и въ изобиліи связаны и предразсудки и интересы людей, то тутъ роль науки, пока, не особенно еще велика. Къ тому же, какъ разъ въ этихъ областяхъ наука достигла наименьшихъ успѣховъ...

Однако, въ настоящее время наука быстро совершенствуется во всѣхъ своихъ областяхъ и ея авторитетъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. И несомнѣнно, что, въ концѣ концевъ, наука возьметъ въ свои руки всю духовную власть на землѣ.

ГЛАВА VI.

Военная и промышленная дѣятельности людей.

У людей, соединившихся въ общества для совмѣстной жизни, имѣются два основныхъ дѣла: во первыхъ добыть себѣ пропитаніе, во вторыхъ защититься отъ враговъ. Эти обѣ основныя задачи отчасти переплетались не только при существованіи людоѣдства, когда враги были вмѣстѣ съ тѣмъ и пищей, но также и вслѣдствіе того, что грабежъ имущества у сосѣдей часто казался болѣе легкимъ способомъ добыванія пищи, чѣмъ занятіе производительнымъ трудомъ. Но, хотя первобытныя войны и имѣли побольшей части просто характеръ грабежа, все таки, даже и у первобытныхъ людей слѣдуетъ строго различать дѣятельность внутреннюю, мирную, промышленную и дѣятельность внѣшнюю, военную,—потому что обѣ эти дѣятельности различно отражались и на душевномъ складѣ людей и на развитіи общественныхъ учрежденій.

Такъ какъ внутренняя, промышленная дѣятельность первоначально была весьма простою и несложною, то она не могла являться источникомъ мало-мальски значительнаго разслоенія общества, тогда какъ война прежде всего ясно отдѣляла

вождя отъ остальной массы воиновъ. Но еще болѣе она отдѣляла членовъ общества отъ плѣнниковъ, превращенныхъ въ рабовъ. Такимъ образомъ военная дѣятельность довольно скоро намѣтила дѣленіе общества на три части: вождь или вожди, простые, но свободные воины и рабы.

Авторитетъ вождя сталъ быстро возрастать по двумъ причинамъ: во первыхъ, его власть, какъ мы уже говорили, скоро пріобрѣла религіозный характеръ; во вторыхъ, власть его увеличивалась вмѣстѣ съ завоеваніями. Первобытная племена легко передвигались. И мы знаемъ, что всѣ болѣе или менѣе значительныя земледѣльческія государства образовались такимъ образомъ, что въ мѣстности удобныя для земледѣлія врывались завоеватели, которые приводили туземныхъ жителей въ подчиненное положеніе, возлагали на нихъ обязанности заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, а сами образовывали высшій классъ общества, занятый войною и государственнымъ управленіемъ. Въ такомъ государствѣ власть правителя очень возрастала уже по тому одному, что интересы всѣхъ его единоплеменниковъ совпадали съ его интересами, такъ какъ всѣмъ имъ важно было держать завоеванное племя въ повиновеніи.

Первоначальная исторія каждаго государства занята безпрерывными войнами. Государство постоянно и нападало и оборонялось.

Оно безпрерывно оборонялось, потому что по лицу земли постоянно двигались толпы завоевателей и грабителей. Не связанные никакимъ имуществомъ, которое приковывало бы ихъ къ опредѣленному мѣсту жительства, эти толпы легко

переносились на значительныя пространства, ничѣмъ, въ сущности, не рискуя, и надѣясь, въ случаѣ удачи хорошо поживиться на счетъ осѣдлыхъ жителей.

Но государство вмѣстѣ съ тѣмъ и нападало, потому что оно постоянно стремилось увеличить свои предѣлы. Правители двухъ сосѣднихъ государствъ ревниво относились къ могуществу другъ друга и завѣтною мечтою каждаго государя было подчинить себѣ своихъ сосѣдей. Тамерланъ, какъ извѣстно, говорилъ, что міръ не достоинъ имѣть двухъ правителей.

Однимъ словомъ, первый періодъ существованія каждаго государства заключается въ его внѣшнемъ формированіи, въ постоянномъ отстаиваніи того, что уже имѣется и въ пріобрѣтеніи новаго. Человѣческія общества начались съ очень маленькихъ кучекъ людей и вся ранняя исторія наполнена борьбою этихъ обществъ между собою, завоеваніемъ однихъ другими и постояннымъ увеличеніемъ ихъ размѣровъ. За исключеніемъ тѣхъ особенныхъ случаевъ, когда какое либо племя бывало закинуто въ очень мало доступную мѣстность, передъ каждымъ народомъ стоялъ выборъ: или поглощать своихъ сосѣдей, или быть ими поглощеннымъ.

Соотвѣтственно съ этой основной задачей государства развивалось и его строеніе и формовался духъ его жителей. Военное дѣло прежде всего требуетъ повиновенія. Оно требуетъ быстраго и точнаго исполненія приказаній начальства. И поэтому, послушаніе начальству стало считаться главнѣйшей добродѣтелью гражданина. Чтобы держать войско въ повиновеніи нужно, чтобы

начальникъ имѣлъ большую власть надъ подчиненными. И поэтому, вожди вообще, и верховный вождь въ особенности, надѣляются огромной и безконтрольной властью. Постоянная привычка повиноваться на войнѣ вырабатываетъ особый складъ ума и характера у жителей воинственнаго государства, благодаря чему даже дѣла, не имѣющія отношенія къ войнѣ, рѣшаются „по военному“: безапелляціоннымъ приказаніемъ какого либо начальства.

Государство не можетъ существовать безъ нѣкоторыхъ жертвъ со стороны отдѣльныхъ людей, входящихъ въ его составъ. Конечно, государство, въ концѣ концевъ, съ избыткомъ вознаграждаетъ своихъ гражданъ, ибо только въ государствѣ вырабатывается культурная жизнь со всѣми ея благами. Однако это, все таки, не устраняетъ извѣстнаго антагонизма между интересами государства, какъ цѣлаго, и интересами каждаго отдѣльнаго члены этого государства; и этотъ антагонизмъ тѣмъ болѣе неизбѣженъ, что, въ сущности, жертвы каждаго поколѣнія гражданъ въ значительной степени идутъ на пользу не ему, а слѣдующему поколѣнію. Такимъ образомъ, выгоды, которыя получаетъ какой-либо человѣкъ отъ жизни въ государствѣ, созданы трудами и жертвами прежнихъ людей, а тѣ труды и жертвы, которыя требуетъ отъ него государство, ему самому, быть можетъ, и не принесутъ никакой пользы.

Въ виду подобнаго соотношенія между интересами государства, какъ цѣлаго, и интересами отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ его составъ, разумное государственное строительство предполагаетъ *большую осмотрительность*, чтобы, съ одной

стороны, не требовать отъ отдѣльныхъ лицъ ненужныхъ жертвъ, а, съ другой стороны, упедно - скать того, чтобы кто-либо могъ, вслѣдствіе недобросовѣстности или невѣжества, уклоняться отъ выполненія своихъ гражданскихъ обязанностей.

Государство, въ тотъ періодъ его жизни, когда вся его организація имѣетъ въ виду только войну, или почти одну только войну, такое государство бываетъ склонно не обращать достаточнаго вниманія на интересы отдѣльныхъ лицъ: оно предъявляетъ имъ совершенно ненужныя требованія и, вообще, оно, или правильнѣе сказать, люди, стоящіе во главѣ его ведутъ себя такъ, какъ будто бы не государство существуетъ для гражданъ, а сами граждане существуютъ для государства. А такъ какъ еще вдобавокъ эти люди, стоящіе во главѣ государства, бываютъ весьма склонны отожествлять свои личные интересы съ интересами государства, то отсюда возникаетъ рядъ злоупотребленій и государству причиняется большой вредъ подъ видомъ его укрѣпленія и усиленія.

Въ борьбѣ государствъ между собою, одни гибнутъ, другіе усиливаются, но въ концѣ-концовъ для каждаго побѣдоноснаго государства наступаетъ такой періодъ, когда становится очевиднымъ, что его существованію непосредственно уже ничто не угрожаетъ и что оно уже достигло осуществленія своихъ главнѣйшихъ цѣлей, напримѣръ, объединило всѣхъ своихъ единоплеменниковъ и достигло удобныхъ границъ. Чувство безопасности ослабляетъ воинственное настроеніе жителей государства, а такъ какъ матеріальные интересы непосредственно касаются каждаго чело-

вѣка, то сознаніе необходимотъьихаиэосить жертвы для военной мощи государсннпритнаеть ослабѣвать, а сознаніе тягостностства иижертвъ начинаетъ увеличиваться.

Впрочемъ, не одни личные интересы людей заставляютъ ихъ стремиться къ ограниченію чрезмѣрной регулировки государствомъ жизни гражданъ. И правильно понятные интересы самого государства требуютъ, чтобы въ мирной внутренней жизни гражданъ господствовала бы свобода, а не военная дисциплина. Могущество государства опредѣляется не однимъ количествомъ его солдатъ и не одной военной выправкой этихъ солдатъ, а еще и богатствомъ гражданъ и ихъ образованностью. А богатство гражданъ (и государства) зависитъ отъ процвѣтанія промышленности. Но духъ промышленной дѣятельности прямо противоположенъ духу военной дисциплины. Промышленность можетъ процвѣтать лишь тамъ, гдѣ существуетъ извѣстная свобода и гдѣ дается широкій просторъ духу личной иниціативы, духу предпріимчивости.

Жизнь государства очень сложна, такъ что нельзя разсматривать переломъ совершающійся въ извѣстный періодъ жизни государства, лишь какъ событіе, вызванное борьбою промышленныхъ интересовъ съ интересами военными. Государство, въ которомъ промышленность достигла уже такихъ силъ, что можетъ начать отстаивать свои права,— такое государство, неизбѣжно, уже имѣетъ довольно большую культуру. Духъ критики, сознательное отношеніе гражданъ къ своимъ правамъ и обязанностямъ по отношенію къ государству,— все это расшатываетъ строгость принудительной регулировки. Но мы оставимъ все это пока безъ

вниманія, и будемъ разсматривать только тѣ противоположныя настроенія человѣческой души, которыя связаны съ двумя основными дѣятельностями людей въ государствѣ, съ дѣятельностью военною и дѣятельностью промышленной.

Конечно, промышленная дѣятельность людей всегда занимала значительное мѣсто въ государствѣ, ибо безъ нея люди просто не могли бы существовать. (Подъ выраженіемъ „промышленная дѣятельность", какъ читатели, конечно, уже замѣтили, мы понимаемъ всю дѣятельность людей, направленную на добываніе себѣ матеріальныхъ средствъ къ жизни; поэтому „промышленной дѣятельностью" мы называемъ здѣсь, напримѣръ, и земледѣліе, хотя земледѣліе обыкновенно и не считается промышленной дѣятельностью, когда выраженію „промышленная дѣятельность" придаютъ узкій смыслъ). Но для насъ здѣсь важно не самое существованіе промышленной дѣятельности, а то положеніе, которое она занимаетъ въ государственномъ строеніи. Для насъ важно, напримѣръ, знать, какъ думаютъ правители государства и само общество: считаютъ-ли они, что воины существуютъ для того, чтобы защищать земледѣльца, или наоборотъ, что земледѣльцы существуютъ для того, чтобы кормить воиновъ.

Соотвѣтственно съ тѣмъ положеніемъ, какое занимаетъ промышленность въ государствѣ, и вся организація государственной жизни получаетъ такую или иную окраску. Когда становится несомнѣннымъ, что промышленная дѣятельность есть то первое дѣло, которое необходимо для государства, то всѣ излишнія стѣсненія дѣятельности людей начинаютъ отмѣняться, личная инициатива

начинаетъ поощряться и строеніе государства изъ принудительнаго превращается въ свободное.

И промышленная дѣятельность и дѣятельность военная обѣ онѣ являются необходимыми составными частями жизни государства. Безъ промышленной дѣятельности могутъ существовать только маленькіе разбойничьи шайки, а безъ военной дѣятельности до сихъ поръ еще не существовало и не могло существовать ни одно государство. Такъ что оба эти вида дѣятельности имѣли мѣсто во всѣхъ государствахъ. Но пропорція ихъ была въ различныхъ государствахъ не одинакова. Много причинъ, и прежде всего географическое положеніе государства вліяло на то, какая изъ этихъ двухъ дѣятельностей выдвигалась на первый планъ въ различныхъ государствахъ; или, лучше сказать, много причинъ вліяло на быстроту, съ которою какое-либо государство переходило отъ военнаго типа къ типу промышленному. Ибо этотъ переходъ является не только вполнѣ нормальнымъ событіемъ, но даже событіемъ, необходимымъ для сохраненія государства. Ибо съ ходомъ культуры сама военная мощь государства начинаетъ все болѣе и болѣе обусловливаться богатымъ развитіемъ промышленности. Поэтому государство, которое закоченѣетъ въ своемъ принудительномъ режимѣ и благодаря этому не разовьетъ у себя достаточной промышленности, тѣмъ самымъ сдѣлается слабымъ и въ военномъ отношеніи. Паденіе военнаго могущества турокъ, нѣкогда наводившихъ ужасъ на всю Европу, является прекраснымъ примѣромъ того, какъ государство, застывшее въ военно-принудительномъ режимѣ, неизбѣжно теряетъ и свое военное могущество.

ГЛАВА VII.

Формы государственной власти.

Приступая къ изученію различныхъ „формъ государственной власти", мы прежде всего должны помнить, что нѣтъ такой формы власти, которая годилась бы для всѣхъ народовъ или же для всего времени существованія хотя бы одного какого-либо народа. Начиная отъ перваго общества этой маленькой кучки дикарей, и кончая современными огромными и сложными государствами, человѣческія общества претерпѣли столько измѣненій, что ни одно изъ общественныхъ учрежденій никогда не сохранялось и не могло сохраняться безъ весьма существенныхъ преобразованій. Всѣ стороны жизни общества связаны между собою и всякое учрежденіе возникаетъ лишь тогда, когда его дѣятельность становится нужною для общества, затѣмъ оно видоизмѣняется въ связи съ измѣненіемъ условій существованія общества, и наконецъ исчезаетъ, если перестаетъ удовлетворять интересамъ общества.

Политическая власть возникла естественно и неизбѣжно. Во всякомъ собраніи людей, во всякомъ обществѣ сейчасъ же происходитъ раздѣленіе членовъ на болѣе дѣятельныхъ и менѣе дѣятельныхъ. Много причинъ способствуютъ подобному раздѣленію: и личныя качества людей, и разныя побочныя обстоятельства, и наконецъ, просто случай,—но несомнѣнный фактъ заключается въ томъ, что при всякой совмѣстной дѣятельности, общество людей сейчасъ же распадается на

меньшинство, занимающее болѣе центральное положеніе, и большинство, играющее болѣе пассивную роль. Но и среди этого правящаго меньшинства скоро происходитъ раздѣленіе, причемъ особенно важную роль начинаетъ играть какое-либо одно лицо. Степень власти этого главнаго лица и этой центральной группы лицъ опредѣляется весьма многими обстоятельствами: тутъ играютъ большую роль и привычки къ повиновенію, и степень интеллигентности общества, и наконецъ, характеръ того дѣла, ради котораго люди объединяются.

Если мы вспомнимъ, на какомъ низкомъ уровнѣ стояла духовная жизнь первобытнаго человѣка, если затѣмъ мы примемъ во вниманіе, что совмѣстная дѣятельность дикарей выражалась чаще всего въ военныхъ предпріятіяхъ, то намъ легко будетъ дать общую характеристику первоначальной политической власти среди людей. Успѣхъ всякаго военнаго предпріятія зависитъ главнымъ образомъ отъ дисциплины, причемъ удобнѣе всего чтобы высшее распоряженіе дѣломъ было сосредоточено въ рукахъ одного человѣка, и поэтому естественно, что въ первобытномъ обществѣ сейчасъ же появляется вождь, руководитель военными предпріятіями. Вокругъ этого вождя группируются наиболѣе заслуженные и доблестные воины, которые составляютъ какъ бы его генеральный штабъ. Такимъ образомъ совершается первое расчлененіе общества съ точки зрѣнія политическихъ отношеній.

Мы не разъ уже указывали на то, что власть военнаго вождя есть зачатокъ королевской, или царской власти, но изъ этого не слѣдуетъ будто

лишь военная дѣятельность была источникомъ власти. Дѣло въ томъ, что въ самые эти военные вожди могли попадать люди, отличившіеся чѣмъ либо инымъ, а не только войной.

Мы знаемъ, насколько первобытные люди были суевѣрны, какъ они были убѣждены, что ихъ окружаетъ цѣлый міръ злыхъ и коварныхъ духовъ, которые ежемгновенно могутъ ихъ погубить. И если военная дѣятельность спасаетъ дикарей отъ видимой опасности, представляемой другими людьми, то, съ другой стороны, различные заклинатели, маги и кудесники, по мнѣнію этихъ дикарей защищаютъ ихъ отъ гораздо болѣе сильныхъ враговъ, отъ невидимыхъ духовъ.

Поэтому эти заклинатели и кудесники всегда пользовались большимъ вліяніемъ въ первобытныхъ обществахъ. А такъ какъ военнаго искусства въ тѣ времена, конечно, никакого не было, то и было вполнѣ естественно, если въ военные вожди вибирали какого либо кудесника, пользовавшагося особою славою. Ученые и путешественники собрали большой матеріалъ, изъ котораго видно, какъ часто военными вождями становились именно кудесники и заклинатели духовъ. Соединяя въ своихъ рукахъ власть духовную и власть свѣтскую, эти люди могли усиливать свою власть не только опираясь на физическую силу, но грозя еще и гнѣвомъ небесъ. Напримѣръ, одинъ африканскій царекъ призвалъ къ себѣ своихъ подданныхъ въ то время, когда въ ихъ странѣ была засуха, и объявилъ имъ, что онъ наказалъ ихъ засухой за дурное поведеніе и что если они хотятъ, чтобы засуха прекратилась, то должны принести ему въ подарокъ достаточное количество козъ.

Мы знаемъ, что некультурный человѣкъ легко начинаетъ приписывать своимъ правителямъ сверхъестественную силу. Такимъ образомъ, когда кудесникъ становится военнымъ вождемъ, онъ къ своей духовной власти присоединяетъ власть свѣтскую, и когда смѣлый воинъ достигаетъ продолжительнаго господства, толпа начинаетъ приписывать ему сверхъестественныя качества и, слѣдовательно, къ его свѣтской власти присоединяется еще и власть духовная.

Третьимъ источникомъ власти является богатство. Конечно, появленіе людей выдающихся своимъ богатствомъ, возможно только на болѣе позднихъ ступеняхъ общественнаго развитія, но когда такіе люди, наконецъ, появляются, они начинаютъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ и легко выбираются въ военные вожди. И здѣсь опять: богатый человѣкъ сдѣлавшись военнымъ вождемъ, присоединяетъ къ власти богатства еще и власть политическую, а всякій вождь, потому только, что онъ вождь, становится болѣе состоятельнымъ человѣкомъ и, значитъ, къ своей военно-политической власти присоединяетъ еще и власть имущества.

Такимъ образомъ, всѣ три источника могущества: власть военно-политическая, власть духовная и власть имущества легко соединяются въ одномъ и томъ же лицѣ.

Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать силу этой первобытной власти. О такой абсолютной власти, которая была напримѣръ у нѣкоторыхъ восточныхъ деспотовъ, первоначально не можетъ быть и рѣчи: для осуществленія подобной власти нуженъ сложный механизмъ управленія, нуженъ

очень большой штатъ служащихъ, цѣликомъ зависящихъ только отъ воли деспота. Первобытный человѣкъ для этого не былъ еще достаточно вышколенъ. Когда одинъ европейскій путешественникъ спросилъ у людей одного некультурнаго племени, кто ими повелѣваетъ, то дикари только засмѣялись и сказали: «Развѣ можетъ одинъ человѣкъ приказывать такому множеству людей»?

Конечно, подобное поведеніе первобытныхъ людей не является слѣдствіемъ ихъ любви къ свободѣ въ нашемъ смыслѣ слова. Когда современный культурный человѣкъ говоритъ о своей любви къ свободѣ, то онъ прекрасно знаетъ различіе между свободой и разнузданностью; онъ знаетъ, что человѣкъ въ обществѣ долженъ сообразовать свои дѣйствія съ интересами этого общества и съ правами другихъ членовъ общества. Дикарь же просто не имѣетъ въ своей душѣ ничего болѣе высокаго, что могло бы управлять его чисто животными инстинктами. Поэтому тотъ, кто желаетъ выражаться точно, тотъ также не назоветъ дикаря существомъ свободолюбивымъ, какъ не назовемъ онъ свободолюбивой и дикую еще не объѣзженную лошадь. И поэтому же дикарь легко дѣлается самымъ покорнымъ рабомъ, тогда какъ свободолюбиваго культурнаго человѣка никакія силы въ мирѣ рабомъ не сдѣлаютъ.

Первоначальная политическая власть не была ни устойчивой, ни систематической. Но такъ какъ ей приходилось имѣть дѣло не съ людьми сознательно-свободолюбивыми, а просто съ людьми еще не дисциплинированными, то они и начали быстро крѣпнуть и развиваться. И, наконецъ, она достигла высшаго своего развитія, сдѣлавшись

неограниченной (иначе, абсолютной), или, какъ у насъ называлось, самодержавной царской властью.

Если въ современныхъ культурныхъ государствахъ неограниченная царская власть невозможна и нежелательна, если она принесла много вреда за послѣднее время своего существованія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что эта неограниченная царская власть всегда была только вредна. Напротивъ, неограниченная царская власть есть вполнѣ естественная ступень въ ходѣ развитія человѣческихъ обществъ.

Самодержавіе есть слѣдствіе того состоянія общества, когда члены этого общества неспособны самостоятельно и успѣшно заниматься общественными дѣлами.

Въ маленькихъ государствахъ, въ государствахъ, состоящихъ, напримѣръ, изъ одного только города съ его пригородами, политическая жизнь общества развивается быстрѣе: тамъ всякому человѣку легче понять, что его личный интересъ связанъ съ благополучіемъ его государства.

Но въ обширныхъ государствахъ эта взаимная связь интересовъ легко упускается изъ виду. И поэтому роль государя бываетъ полезна прежде всего потому, что его личные интересы: честолюбіе, властолюбіе, и, наконецъ даже, безопасность заставляютъ его блюсти за цѣлостью и безопасностью государства. Поэтому, прежде всего, пока идетъ напряженная борьба со внѣшними врагами, пока существованію или хотя бы цѣлости государства угрожаетъ опасность, соединеніе всѣхъ силъ государства въ однѣхъ рукахъ представляетъ значительную выгоду. Но этого мало, всякому легко

замѣтить, что военное могущество государства обусловливается не только численностью его жителей, но и степенью ихъ культурности. Поэтому государь неизбѣжно долженъ заботиться о развитіи просвѣщенія, культуры и богатства въ своемъ государствѣ, если даже онъ только и думаетъ, что о своемъ могуществѣ и величіи.

И пока жители государства настолько невѣжественны, что не понимаютъ своихъ обязанностей относительно государства, пока они бываютъ способны дѣйствовать даже и во вредъ государству ради достиженія своихъ личныхъ выгодъ, до тѣхъ поръ очень важною остается роль государя, котораго личные интересы весьма значительно совпадаютъ съ интересами государства.

Конечно, полнаго совпаденія интересовъ государя съ интересами государства никогда не бываетъ. Но существуетъ весьма продолжительный періодъ въ жизни каждаго государства, когда интересы этого государства не сталкиваются открыто съ интересами его государя.

Роковымъ моментомъ для самодержавія бываетъ то время, когда для дальнѣйшаго развитія государства становится необходимой свобода его гражданъ и когда, одновременно и въ связи съ съ этимъ, образуется группа просвѣщенныхъ людей, дѣятельность которыхъ не можетъ быть уложена въ тѣсныя рамки самодержавія. Самодержавіе есть слишкомъ грубое орудіе весьма пригодное для первоначальнаго грубаго строительства, но совершенно непригодное для болѣе тонкихъ культурныхъ цѣлъ. Самодержавіе подобно топору или киркѣ, которые являются прекраснымъ орудіемъ для первоначальной грубой работы: рубки

лѣса или добыванія руды, но которые потомъ приходится бросить и замѣнить болѣе тонкими орудіями, если изъ вырубленнаго дерева хотятъ сдѣлать, напримѣръ, кресло, а изъ добытой руды, положимъ, ножъ и вилку. Такъ, напримѣръ, для первоначальнаго насажденія въ странѣ промышленности самодержавіе часто можетъ оказать большія услуги, но когда эта промышленность станетъ на ноги, то для ея дальнѣйшаго развитія самодержавіе сплошь и рядомъ ставитъ большія препятствія.

Но этого мало. Не только самодержавіе, какъ орудіе болѣе грубое, не можетъ споспѣшествовать дальнѣйшему развитію общества, но еще оно вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ этимъ обществомъ. Не только отдѣльные люди не желаютъ погибать и вступаютъ въ отчаянную борьбу за свою жизнь, если этой жизни грозитъ опасность, но и всякія общественныя учрежденія надѣлены тѣмъ же стремленіемъ къ самосохраненію. Поэтому, когда самодержавіе замѣчаетъ, что новыя силы стремятся удалить его съ жизненной арены, то оно всѣ помысли свои начинаетъ направлять на самозащиту. Тогда начинается самый печальный и позорный періодъ самодержавія и самый вредный его періодъ для государства. Всѣ интересы государства начинаютъ оцѣниваться прежде всего съ точки зрѣнія самодержавія. Какъ бы ни было полезно и необходимо для государства какое нибудь нововведеніе, оно задерживается или отклоняется, если есть подозрѣнія, что оно будетъ опасно для самодержавія. Такимъ образомъ, мало по малу возникаетъ такое печальное явленіе, когда вся живая сила общества направлена главнымъ

образомъ на борьбу съ самодержавіемъ, а вся сила правительства, въ свою очередь, главнымъ образомъ направлена на борьбу съ обществомъ.

Разъ началась подобная борьба, дни самодержавія бываетъ сочтены: оно еще можетъ на нѣкоторое время, жертвуя интересами страны и совершая массу жестокостей, отдалить моментъ своего паденія, но окончательно остановить ходъ исторіи оно не можетъ.

Самодержавная царская власть имѣетъ еще одинъ важный недостатокъ, это—случайность качествъ ея носителей. Когда ко власти пробиваются собственными усиліями, то успѣхъ какого либо лица во всякомъ случаѣ указываетъ, что онъ хоть въ чемъ либо да стоитъ выше средняго уровня. Но когда власть достается случайностью рожденія, то нерѣдко оказывается, что огромная власть самодержца находится въ рукахъ совершенно ничтожныхъ лицъ.

И исторія, дѣйствительно, показываетъ, что выдающихся самодержцевъ всегда было очень мало, что огромное ихъ большинство были людьми самыми посредственными въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и что, наконецъ, было не мало среди нихъ душевно больныхъ или крайне ограниченныхъ людей.

Къ тому же, то воспитаніе, которое обыкновенно дается будущимъ самодержцамъ, весьма вредно вліяетъ и на ихъ умственныя качества и, главнымъ образомъ, на ихъ нравственныя качества: окруженные льстецами, которые постоянно имъ внушаютъ, что они выше обыденныхъ людей, избалованные всеобщимъ поклоненіемъ, оторванные отъ жизни народа,—они вырастаютъ, не зная

ни нуждъ народа, ни своихъ силъ, ни своихъ обязанностей.

При такомъ воспитаніи очень трудно выработать людей съ твердой волей и, наоборотъ, вполнѣ бываетъ естественно, когда такимъ образомъ получаются люди капризные и упрямые, пока они не встрѣтятся съ серьезнымъ противодѣйствіемъ, и малодушные и нерѣшительные передъ всякой дѣйствительной опасностью.

Въ самодержавіи царская (королевская или императорская) власть проявляетъ себя въ своемъ чистомъ видѣ, не имѣя никакихъ ограниченій, никакихъ соперниковъ, раздѣляющихъ съ нею верховную власть. Въ исторіи царской власти самодержавію принадлежитъ средній періодъ: первоначально цари еще не пользуются самодержавной властью, а подъ конецъ они утрачиваютъ свою неограниченную власть.

Первые періоды царской власти представляютъ большое разнообразіе, большую пестроту явленій, если сравнивать эти періоды у различныхъ народовъ. Все разнообразіе исторій этихъ періодовъ зависятъ отъ того, что царской власти приходилось въ различныхъ мѣстахъ бороться съ различными противниками. Но въ общемъ всякій первый періодъ царской власти можно характеризовать, сказавши, что эта царская власть, находившаяся на самомъ верху общества, соединялась съ низами общества для борьбы противъ своихъ менѣе высокопоставленныхъ соперниковъ.

Послѣ того, какъ первобытный человѣкъ былъ достаточно вышколенъ, онъ превратился въ послушнаго исполнителя велѣній высшихъ классовъ, исполнителя, который могъ иногда бунтовать, если

съ нимъ ужъ очень худо обращались, но который долго не имѣлъ никакой потребности ни въ политической свободѣ, ни въ участіи въ государственномъ управленіи.

Но между простымъ народомъ и верховнымъ правителемъ государства всегда имѣлся значительный слой людей достаточно образованныхъ и достаточно богатыхъ, чтобы имѣть желаніе участвовать въ управленіи государствомъ. Вотъ на пораженіе этихъ своихъ соперниковъ и направлена была дѣятельность государей въ первый періодъ существованія царской власти.

Своеобразный характеръ борьбы царской власти за свое самодержавіе представляла борьба верховнаго правителя со своими вассалами. Такъ называемый феодальный порядокъ заключался въ томъ, что во главѣ государства стоялъ король, который однако непосредственно управлялъ лишь небольшою частью государства, которая и считалась его личной собственностью; все же остальное государство было раздѣлено на много частей, которыми управляли такъ называемые вассалы короля. Эти вассалы имѣли званія герцоговъ, князей, графовъ или бароновъ и считались государями своихъ земель; они обязаны были оказывать извѣстное содѣйствіе королю, но король не имѣлъ права непосредственно распоряжаться въ ихъ владѣніяхъ.

Такимъ образомъ эти королевскіе вассалы были сами государями и отличались отъ вполнѣ независимыхъ государей лишь тѣмъ, что имѣли извѣстныя обязанности передъ королемъ, причемъ эти обязанности они часто и не исполняли, не обращая на своего короля никакого вниманія.

И вотъ, когда королевская власть стала усиливаться и короли начали налагать свою руку на своихъ вассаловъ, то между королями и ихъ вассалами возгоралась борьба, которая въ сущности не была борьбой за свободу противъ королевскаго деспотизма. Вассалы въ своихъ государствахъ никакой свободы своимъ подданнымъ не давали, такъ что они отстаивали не свободу народа, а свое право на своеволіе. Мало того, короли, чтобы ослабить вассаловъ, давали часто извѣстныя права городамъ, лежавшимъ внутри владѣній крупныхъ вассаловъ. Хотя побѣда королей надъ вассалами и споспѣшествовала развитію королевскаго самодержавія, но самая ихъ борьба съ вассалами была лишь борьбой единовластія съ многовластіемъ, а не борьбой деспотизма со свободой. И вообще эта борьба была чѣмъ то среднимъ между внутренней борьбой и борьбой международной,—т. е. той борьбой когда болѣе крупное государство хочетъ поглотить совершенно независимое болѣе мелкое государство.

Совершенно иной характеръ имѣетъ борьба за власть въ третій періодъ существованія царской власти. Борьба эта возгарается обыкновенно, тогда когда народъ достаточно созрѣваетъ для введенія свободныхъ учрежденій. Конечно, первоначально не только весь народъ, но даже и значительная его часть не можетъ еще принять сознательнаго участія въ борьбѣ. Борьбу подымаютъ представители образованнаго класса, такъ какъ самодержавіе налагаетъ тяжелые путы на развитіе общества.

Низшіе классы общества поддерживаютъ средній классъ, частью потому, что разслоеніе общества еще не вполнѣ опредѣлилось, частью потому,

что самодержавіе является общимъ врагомъ всѣхъ классовъ общества. Великую французскую революцію сдѣлало такъ называемое „третье сословіе“, при чемъ подъ этимъ названіемъ понималось тогда все то, что не было ни высшимъ духовенствомъ, ни титулованнымъ дворянствомъ.

Успѣшность борьбы за свободныя учрежденія зависитъ отъ положенія, которое занимаетъ низшій классъ общества: если этотъ классъ еще настолько неразвитъ, что совершенно не понимаетъ полезности свободныхъ учрежденій, то самодержавіе, сравнительно, легко можетъ сдержать напоръ средняго класса: если же низшій классъ общества, ранѣе окончательной выработки свободныхъ учрежденій, проникается значительнымъ антагонизмомъ къ среднему классу общества, то эта борьба крайне осложняется и затемняется.

Возможенъ, однако, еще и третій случай, когда низшій классъ общества еще не достаточно развитъ, но когда онъ слѣдуетъ за второстепенными представителями власти въ ихъ борьбѣ съ королемъ. Такой именно комбинаціи обязана Англія тѣмъ, что гораздо ранѣе остальной Европы ввела у себя конституціонную монархію.

Англійскій король былъ гораздо сильнѣе любого изъ своихъ вассаловъ, но всѣ его вассалы, вмѣстѣ взятые, оказались значительно сильнѣе его. При такомъ соотношеніи силъ ни одинъ вассалъ не могъ стремиться къ тому, чтобы просто сдѣлаться маленькимъ самодержцемъ въ своей области, за то всѣ эти вассалы могли заставить короля отказаться отъ самодержавія и дать Англіи „великую хартію вольностей“ („хартіями“ въ англійской исторіи назывались тѣ королевскія гра-

моты, которыми даруются кому-либо или подтверждаются какія либо льготы). Первоначально англійская конституція имѣла аристократическій характеръ, но такъ какъ, все-таки, Англія имѣла конституцію и, значитъ, свободу, то, по мѣрѣ того, какъ ея различные классы созрѣвали для политической жизни, они безъ особыхъ потрясеній получали права; такъ что въ настоящее время учрежденія Англіи являются уже вполнѣ демократическими.

Борьба съ царской властью въ третій періодъ ея существованія имѣетъ характеръ борьбы за конституцію. Хотя, и строго говоря, подъ словомъ „конституція“ понимается всякій основной законъ, устанавливающій начала государственнаго устройства страны, но, обыкновенно, это названіе прилагается лишь къ тѣмъ основнымъ законамъ, которые устанавливаютъ правленіе при участіи народныхъ представителей. Дѣйствія конституціоннаго монарха контролируются народными представителями, а эти народные представители являются выразителями воли народа, съ которою монархъ и долженъ согласовать свою дѣятельность.

Въ то время, какъ въ первый періодъ существованія царской власти политическая борьба велась этой царской властью наступательно, въ третій періодъ она ведется оборонительно. Въ первый періодъ общество было разбито на различныя группы; при чемъ, были ли это различные мелкіе владѣльцы, или городскія сословія, всѣ они боролись лишь за свои частная права, за свое исключительное положеніе; эти ихъ права и это ихъ положеніе имѣли въ большинствѣ случаевъ характеръ старины, стараго права, которое они и защищали противъ нововведеній монарховъ,

стремившихся имѣть въ лицѣ ихъ такихъ же покорныхъ слугъ, какими были низшіе, совершенно неспособные къ политической жизни классы общества. И въ этой борьбѣ двухъ силъ побѣда досталась монархамъ, въ значительной степени благодаря содѣйствію низшихъ классовъ. Подобное поведеніе низшихъ классовъ отчасти являлось результатомъ вполнѣ правильнаго политическаго инстинкта. Въ самомъ дѣлѣ одинъ крупный самодержецъ не могъ такъ угнетать низшіе классы, какъ могло ихъ угнетать большое количество мелкихъ властителей.

Однако, когда борьба закончилась побѣдою самодержавія и когда бывшіе противники короля превратились въ его придворныхъ и въ его видныхъ слугъ, то стало ясно, что благосостояніе государства и народа можетъ быть обезпечено лишь участіемъ въ управленіи всего народа. Тогда начался третій періодъ исторіи царской власти—періодъ борьбы противъ самодержавія во имя „правъ народа“. И эта борьба не имѣетъ уже характера частичной борьбы, не имѣетъ характера борьба за свои привиллегіи, за свои исключительныя права, или за свои личные интересы; напротивъ, она имѣетъ характеръ общегосударственной борьбы, борьба народа всего государства за право гражданина и за свое человѣческое достоинство...

Такимъ образомъ историческая роль монархической власти заключается въ сплоченіи государства. Первоначальныя мелкія владѣнія и разрозненныя области, жившія каждая своими частными интересами,—все это было объединено и, такъ сказать, перемолото на жерновѣ великой монархіи. Вмѣсто безчисленнаго множества вѣчно вражду-

ющихъ между собою обществъ появились большія государства, пользующіяся внутри миромъ и воюющія другъ съ другомъ лишь изрѣдка. Нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ выиграли отъ этого культура и промышленность людей.

Хотя большинство государствъ формировалось въ видѣ монархій, однако монархическая форма не есть та необходимая ступень, чрезъ которую обязательно должно пройти всякое общество. Нѣкоторыя государства слагались въ формѣ республикъ.

Основное отличіе монархіи отъ республики заключается въ томъ, что при монархіи во главѣ государства стоитъ человѣкъ „въ силу своихъ правъ“, или, какъ часто говорится „Божіею милостью“. Даже и современный англійскій король, политическія права котораго менѣе правъ нѣкоторыхъ президентовъ республикъ, все-таки именуется королемъ „Божіею милостью“. Но даже и безъ упоминанія о „Божіей милости“ король, все-таки, занимаетъ тронъ въ силу своего „наслѣдственнаго права“, подобно тому, какъ частный человѣкъ наслѣдуетъ имѣніе, домъ или деньги. При республиканскомъ же образѣ правленія всѣ лица, стоящія во главѣ государства занимаютъ свои должности по избранію народа.

Первоначально не было, конечно, ни монархій, ни республикъ, уже по тому одному, что не было и никакого правильнаго устройства общества. Это состояніе можно было бы назвать состояніемъ анархіи, если не придавать слову „анархія“ вполнѣ современный смыслъ. Дѣло въ томъ, что первоначально общество просто не имѣло никакихъ политическихъ задачъ: люди жили сегодняшнимъ

днемъ и, при томъ, исключительно заботой о добываніи себѣ своего скуднаго пропитанія. Война съ сосѣдями заставляла ихъ выбирать себѣ вождей, а страхъ передъ враждебными духами заставлялъ ихъ обращаться къ кудесникамъ и колдунамъ,—но, первоначально, власть и вождей и колдуновъ была неопредѣленною и временною.

Мало-по-малу центральная власть усилилась, но еще долго общественное устройство государствъ представляло собою смѣсь монархіи съ республикой. Кто читалъ, напримѣръ, Одиссею, тотъ хорошо знаетъ это состояніе общества, когда имѣется царь, но онъ не только ведетъ дружбу почти на равной ногѣ со свинопасомъ, но еще и поддержку своихъ правъ находитъ, главнымъ образомъ, въ силѣ своихъ рукъ и въ искусствѣ владѣть оружіемъ.

У насъ въ Россіи такое же, приблизительно, положеніе дѣлъ было при первыхъ князьяхъ. Напримѣръ, „Великій Новгородъ“ не считалъ возможнымъ обходиться безъ князя, но этого князя онъ держалъ въ большой строгости и очень легко „указывалъ ему путь“ вонъ изъ Новгорода.

Подобное государственное устройство, какое было, напримѣръ, въ Итакѣ, царствѣ Одиссея, или въ нашемъ Новгородѣ ни коимъ образомъ нельзя назвать конституціонной монархіей, гдѣ все строго опредѣлено основными законами; нѣтъ, это—просто смѣсь монархіи съ республикой, еще не оформленное хаотическое состояніе, въ которомъ государственное устройство опредѣлится послѣ тяжелой борьбы.

А въ этой борьбѣ рѣшительныя преимущества находились на сторонѣ монарха. И это не только

потому, что монархъ въ борьбѣ съ главарями общества имѣлъ преимущество концентраціи силъ, тогда какъ между его противниками постоянно возникали внутренніе раздоры и даже открытая борьба, но еще и потому, что низшіе классы общества легче довѣряютъ одному лицу, чѣмъ цѣлому классу. Среди малоразвитыхъ людей легко создается легенда, что такое или иное лицо только о томъ и думаетъ, чтобы помочь имъ и облагодѣтельствовать ихъ. Этимъ настроеніемъ легко пользовались различные честолюбцы, обѣщая толпѣ разныя возможныя и невозможныя блага, лишь бы она помогла имъ достигнуть верховной власти; Часть своихъ обѣщаній они иногда и исполняли. но послѣ того какъ монархическая власть твердо устанавливалась и особенно послѣ того, какъ былые противники монархіи, видя безнадежность борьбы, превращались изъ противниковъ монархіи въ „опору трона“,—низшіе классы общества попадали въ еще большую зависимость, но тогда было уже поздно.

Пока массы народа оставались непросвѣщенными болѣе или менѣе значительныя государства не могли надолго сохранить республиканскій образъ правленія, но въ государствахъ маленькихъ соотношеніе силъ имѣло иной характеръ и республики въ нихъ устанавливались довольно прочно.

Древняя Грецiя и первоначальный Римъ представляли собою именно подобные примѣры. Тамъ существовали государства-города, маленькія общины, управлявшіяся республиканскими властями. Эти республики дѣлились на республики аристократическія и республики демократическія. Въ демократическихъ республикахъ власть принад-

лежала всему народу, а въ аристократическихъ — лишь избранной части общества. Вся исторія этихъ маленькихъ государствъ наполнена борьбой аристократіи съ демократіей, при чемъ время отъ времени появлялись отдѣльные честолюбцы, которые подъ видомъ защиты народа устанавливали нѣчто вродѣ монархической власти. Въ древней Греціи подобные люди назывались тиранами.

Эти древнія республики обыкновенно быстро достигали цвѣтущаго состоянія, такъ что очевидно, что на извѣстной ступени общественнаго развитія небольшія республики-города являются наиболѣе выгодною формой существованія обществъ.

Древняя Греція по своей величинѣ едва равнялась какой-либо нашей губерніи, при чемъ она распадалась на много государствъ. Но то, что дала человѣчеству эта маленькая страна, то въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ было лучшимъ образцомъ человѣческаго генія и служило людямъ лучшимъ руководствомъ въ вопросахъ науки и просвѣщенія. И хотя въ настоящее время наша наука безъ всякаго сравненія выше древне-греческой науки, но еще и теперь мы любуемся греческимъ искусствомъ, греческой философіей и греческой наукой, какъ однимъ изъ самыхъ совершенныхъ проявленій человѣческаго генія.

Къ сожалѣнію, эта блестящая цивилизація не могла быть прочною. Организація городовъ-республикъ была такова, что споспѣшествовала быстрому расцвѣту цивилизаціи, но не могла дать этой цивилизаціи устойчивости.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что всѣ эти республики были основаны на рабскомъ трудѣ. Рабы не входили въ число гражданъ, такъ что

когда говорятъ о борьбѣ аристократическаго элемента древнихъ республикъ съ элементомъ демократическимъ, то говорятъ только о борьбѣ болѣе богатыхъ и болѣе бѣдныхъ гражданъ города; но ниже самыхъ бѣдныхъ гражданъ находился еще классъ рабовъ, которымъ эта борьба никакого облегченія принести не могла.

Затѣмъ эти маленькія государства были замкнуты; никакой чужестранецъ не пользовался въ нихъ какими бы то ни было правами, а соединиться въ общеэллинскій (греки названіе римское, сами себя они называли эллинами) союзъ они оказались совершенно неспособными. А между тѣмъ ходъ человѣческаго развитія несомнѣнно требовалъ образованія большихъ государствъ. Поэтому греческія республики и существовали лишь до тѣхъ поръ, пока рядомъ съ ними не образовалось довольно могущественной македонской монархіи, которая скоро и поглотила всѣхъ ихъ.

Неустойчивость древнихъ городовъ — республикъ, пожалуй, еще лучше доказывается судьбой Рима. Первоначальное устройство Рима въ общемъ напоминало устройство греческихъ государствъ. Но когда Римъ сдѣлалъ свои великія завоеванія, онъ превратился въ монархію—имперію.

Такимъ образомъ, очевидно, что передъ маленькими древними городами-республиками была дилемма: или оставаться маленькимъ государствомъ и вслѣдствіе этого быть поглощеннымъ какой-либо крупной монархіей, или же превратиться въ большое государство и тогда потерять свое республиканское устройство и сдѣлаться монархіей.

Совершенно иной характеръ имѣютъ современныя республики, республики, образовавшіяся изъ

монархій. Въ борьбѣ противъ самодержавія королей различныя государства пришли къ неодинаковымъ результатамъ. Нѣмецкія государства превратились въ конституціонныя монархіи, въ которыхъ власть монарховъ еще довольно сильна. Англія, сохранивши монархическую внѣшность, превратилась, собственно говоря, въ республику, ибо англійскій король совершенно не можетъ вліять на ходъ политической жизни страны и вся его роль сводится къ внѣшнему представительству, такъ сказать, къ парадамъ общественной жизни. Наконецъ, Франція есть открытая республика. И вотъ отличіе, напримѣръ, современной Франціи отъ древнихъ республикъ состоитъ прежде всего въ томъ, что Франція есть большое государство, а не маленькая республика—городъ, какими были, напримѣръ, Аѳины, число жителей которыхъ не превышало нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Затѣмъ, въ современныхъ республикахъ нѣтъ не только рабовъ, но и вообще нѣтъ никакихъ лицъ ограниченныхъ въ своихъ правахъ (за исключеніемъ, конечно, осужденныхъ преступниковъ), ибо въ нихъ господствуетъ всеобщее равенство въ правахъ.

Наконецъ, крайне важное отличіе современныхъ государствъ отъ государствъ древняго міра заключается въ отношеніи самого государства къ личности его гражданъ.

Древній міръ не зналъ свободы личности въ нашемъ смыслѣ слова. Даже въ самыхъ демократическихъ изъ древне-греческихъ республикъ борьба велась исключительно за обладаніе политическими правами. Вполнѣ свободнымъ и полноправнымъ гражданиномъ считался тотъ, кто могъ

участвовать во всѣхъ народныхъ собраніяхъ, занимать всѣ общественныя должности и участвовать въ рѣшеніи всѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлъ; но никакихъ личныхъ правъ у него не было; его человѣческое достоинство ничѣмъ не было ограждено: государство могло сдѣлать со всякимъ своимъ гражданиномъ все, что хотѣло. Такимъ образомъ, въ сущности, въ древнегреческихъ республикахъ личность была въ рабствѣ у государства.

Ничего подобнаго мы не видимъ въ настоящее время. Извѣстно, что дѣятели великой французской революціи провозгласили „Права человѣка и гражданина". Здѣсь, подъ названіемъ „правъ человѣка" понималось огражденіе человѣческаго достоинства отъ посяганія на него государства. Были провозглашены такъ называемыя „естественныя права" человѣка, т. е. права личности на которыя государство не можетъ посягать.

Значительные размѣры современныхъ государствъ обусловили собою еще одно отличіе нынѣшнихъ республикъ отъ древнихъ: въ древнихъ республикахъ каждый гражданинъ участвовалъ непосредственно въ рѣшеніи всѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлъ; въ настоящее время подобное личное участіе невозможно и каждый гражданинъ осуществляетъ свои гражданскія права лишь избраніемъ представителей (депутатовъ, членовъ думы).

Если принять еще во вниманіе огромное развитіе современной промышленности и могучее вліяніе науки на современную жизнь, то мы ясно увидимъ, что нынѣшнія республики совершенно непохожи на республики древняго міра. О совре-

менныхъ республикахъ можно судить главнымъ образомъ по двумъ великимъ республиканскимъ государствамъ: по Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки и по Франціи. Оба эти государства несомнѣнныя демократіи, да аристократическія республики теперь и совершенно невозможны. Основой демократической республики является всеобщее избирательное право, а необходимымъ дополненіемъ ко всеобщему избирательному праву являются: свобода слова, свобода печати и свобода общественныхъ собраній.

Государствамъ, которыя управляются на основаніи подобной конституціи, вполнѣ обезпечено мирное процвѣтаніе.

Вѣдь въ основѣ всѣхъ революцій, всѣхъ тяжелыхъ внутреннихъ потрясеній лежитъ всегда то обстоятельство, что какой-либо классъ общества становится достаточно могущественнымъ, а старая власть не хочетъ признать этой перемѣны въ соотношеніи общественныхъ силъ и не хочетъ дать вновь народившейся силѣ подобающее мѣсто въ государственномъ управленіи.

Но подобная неразумная несправедливость, очевидно, бываетъ возможной лишь тогда, когда какіе-нибудь классы общества пользуются политическими привиллегіями. При всеобщемъ же избирательномъ правѣ и при полной свободѣ агитаціи и пропаганды, очевидно, что по мѣрѣ усиленія какого-либо класса общества и его представители будутъ соотвѣтственно усиливаться въ верховномъ правленіи, такъ что законодательство страны всегда идетъ по равнодѣйствующей, указывающей на дѣйствительное соотношеніе силъ въ обществѣ.

Въ настоящее время, несомнѣнно, монархіи

отживаютъ свой вѣкъ. Они возникли тогда, когда лишь небольшая кучка людей была способна къ управленію государствомъ, когда подавляющее большинство людей совершенно не понимали значенія государственной дѣятельности и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпрерывныя войны требовали, чтобы общество было организовано на военный ладъ.

Въ настоящее время въ передовыхъ странахъ всѣ эти условія исчезли: массы достаточно просвѣщены, чтобы понимать важность участія въ политической жизни страны и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется весьма значительный контингентъ лицъ, могущихъ умѣло направлять государственную жизнь. Войны стали болѣе рѣдкими и, что главное, характеръ ихъ рѣзко измѣнился: теперь исходъ войны въ весьма значительной мѣрѣ опредѣляется заранѣе степенью культурности общества, сознаніемъ чувства гражданскаго долга, развитіемъ промышленности, путей сообщенія и т. п.

Поэтому, будущее принадлежитъ демократическимъ республикамъ.

ГЛАВА VIII.

Экономическая жизнь общества и раздѣленіе его на классы.

Вопросъ о питаніи есть основной вопросъ человѣческаго существованія. Къ этому впослѣдствіи присоединяются вопросы о жилищѣ, объ одеждѣ и другіе матеріальные вопросы, которые и составляютъ главную основу человѣческихъ интересовъ.

Конечно, вопросы религіозные, научные, общественные и нѣкоторые другіе вопросы способны глубоко и мощно захватить человѣческую душу; но сильное вліяніе этихъ высокихъ вопросовъ возможно только у немногихъ избранныхъ натуръ, тогда какъ матеріальные вопросы сохраняютъ свое господствующее положеніе среди громаднаго большинства людей даже въ наиболѣе цивилизованныхъ обществахъ.

Не мало было споровъ среди ученыхъ по вопросу о томъ, есть ли право собственности первобытное явленіе, явленіе, вполнѣ естественное, неизбѣжно связанное съ человѣческимъ существованіемъ, или же оно является искуственнымъ изобрѣтеніемъ. Споръ этотъ часто затемнялся благодаря тому, что вопросъ былъ неправильно поставленъ.

Мы знаемъ, что человѣческій умъ первоначально былъ слабъ и смутенъ: ясныя и опредѣленныя идеи не свойственны первопытному человѣку, даже по поводу самыхъ простыхъ вещей, а что касается вещей сложныхъ, то онѣ совершенно недоступны его уму, даже хотя бы въ смутномъ и неопредѣленномъ видѣ. Поэтому очевидно, что такая сложная идея, какъ идея частной собственности не могла быть у первобытнаго человѣка. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, будто частная собственность является искусственнымъ изобрѣтеніемъ.

Нѣтъ, въ основѣ права собственности лежатъ нѣкоторые основные инстинкты, чувства и потребности человѣческія. Да и не только человѣческія. Такъ какъ всѣ дѣйствительно-основные человѣческіе инстинкты унаслѣдованы нами отъ нашихъ животныхъ предковъ, то естественно предположить,

что если въ созданіи права собственности лежатъ дѣйствительно основные человѣческіе инстинкты, то эти инстинкты должны имѣться и у животныхъ и должны проявляться въ ихъ дѣйствіяхъ. И дѣйствительно, многіе наблюдатели описывали случаи защиты животными своихъ участковъ отъ вторженія посторонныхъ животныхъ.

Такъ, извѣстны случаи, когда не только млекопитающіе, но даже и птицы дѣлили лѣсъ на участки, при чемъ каждое стадо или каждая стая ревниво оберегала свой участокъ отъ вторженія въ него другихъ стадъ или другихъ стай. Многократно также описывалось поведеніе собакъ въ Константинополѣ. Какъ извѣстно, до самого послѣдняго времени улицы Константинополя были переполнены бездомными собаками, которыя питались различными отбросами, выкладываемыми на улицу. И оказывается, что эти собаки разбились на стаи, при чемъ каждая стая считала себя хозяиномъ какого либо квартала и свирѣпо нападала на всякую собаку, забѣгавшую въ ея кварталъ со стороны.

Приблизительно таково же было чувство собственности и у первобытныхъ дикарей: группы дикарей захватывали извѣстные участки для охоты или рыбной ловли и не допускали туда никого посторонняго. Эти участки принадлежали всѣмъ членамъ какой либо группы, а оружіе и одежда принадлежали уже каждому отдѣльному человѣку, т.-е. были частной собственностью.

Частная собственность на предметы личнаго употребленія быстро укрѣпились еще и вслѣдствіе одного уже чисто человѣческаго явленія: вслѣдствіе суевѣрія дикарей. Мы знаемъ, что дикарь

считаетъ и свое имя и свою тѣнь частью самаго себя; точно также онъ считаетъ и частью себя всякую вещь, которая тѣсно соприкасалась съ его тѣломъ.

Извѣстно, что, даже, и среди довольно развитыхъ обществъ существуетъ суевѣрное убѣжденіе, будто стоитъ овладѣть не только, напримѣръ, прядью волосъ человѣка, но даже его одеждой (особенно той, которая прикасалась къ тѣлу), чтобы, колдуя надъ этой вещью, причинять его хозяину различныя непріятности. И вотъ дикарь, твердо убѣжденный въ томъ, что человѣкъ, захватившій его оружіе или его одежду, тѣмъ самимъ, получаетъ власть надъ нимъ самимъ, конечно, также неохотно разстается съ этими своими вещами, какъ неохотно онъ отдалъ бы кому либо часть своего тѣла.

Изъ этого же суевѣрія возникъ обычай сжигать вмѣстѣ со тѣломъ умершаго человѣка и его вещи. Ибо родственники и единоплеменники боялись, что тотъ, кто получитъ вещи покойника, получитъ и власть надъ его ушедшимъ изъ тѣла духомъ—двойникомъ, а этотъ двойникъ будетъ имъ мстить за причиненныя ему лишенія. Описывался, напримѣръ, такой погребальный обрядъ: съ тѣломъ покойника были сожжены всѣ его вещи, послѣ чего его родственники громко сказали, обращаясь къ духу покойника: „Мы отдали тебѣ всѣ твои предметы; теперь ты долженъ покинуть насъ".

Слѣдя за тѣмъ, что сжигалось вмѣстѣ съ покойникомъ, можно составить себѣ понятіе о томъ, что считалось его собственностью. Первоначально сжигали только оружіе и одежды; потомъ стали

сжигать лошадей и скотъ, продукты урожая, рабовъ и, наконецъ, женъ покойника.

Конечно, подобное истребленіе всего имущества покойника дѣлалось все болѣе и болѣе невыгоднымъ для его родныхъ; поэтому, нѣкоторые народы перешли къ тому, что вмѣсто имущества покойника начали сжигать лишь изображенія этого имущества: въ Китаѣ жгутъ бумажныя изображенія имущества.

Земля долго не переходила въ частную собственность, и это потому, что она долго не имѣла никакой мѣновой цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, при большомъ изобиліи свободной земли мѣновую цѣнность могли имѣть лишь продукты этой земли, но не она сама, ибо сама по себѣ эта земля, конечно, никому не была нужна. Прежде чѣмъ перейти въ личную собственность отдѣльныхъ людей, земля сдѣлалась достояніемъ цѣлаго рода или цѣлой общины. Когда же среди отдѣльныхъ родовъ и племенъ начали возвышаться различные вожди и правители, то, мало по малу, создалось убѣжденіе, что земля, какъ не принадлежащая ни одному человѣку въ отдѣльности, принадлежитъ главѣ племени. И ужъ тогда правители стали раздавать землю во владѣніе отдѣльнымъ лицамъ, обязывая этихъ лицъ зато служить себѣ.

Возникновеніе частной собственности и развитіе хозяйства вызвали дробленіе людей внутри общества на различные группы.

Дробленіе людей на группы (на ученомъ языкѣ такое раздѣленіе называется „дифференціаціей“) имѣло втеченіе исторіи человѣчества различный характеръ. Наибольшее значеніе имѣли три формы

внутренняго дробленія (дифференціаціи) общества: дѣленіе на касты, на сословія и на классы.

Дѣленіе на классы имѣетъ экономическую подкладку; дѣленіе на касты не имѣло экономической подкладки; а дѣленіе на сословія занимаетъ среднее положеніе между дѣленіемъ на касты и дѣленіемъ на классы.

Наиболѣе совершенный примѣръ дѣленія общества на касты даетъ намъ Индія. Тамъ весь народъ былъ раздѣленъ на четыре касты: 1) высшая каста жрецы — брамины, или брахманы, 2) воины—кшатріи, 3) купцы—вайшья и 4) низская каста—судра, или шудра. И кто въ какой кастѣ родился, тотъ и долженъ былъ пребывать въ ней до конца жизни; даже простое общеніе между кастами (напримѣръ совмѣстная ѣда) воспрещалась или крайне затруднялась.

Считалось, что брамины произошли изъ устъ верховнаго божества—Брамы, или Брахмы; что воины произошли изъ его рукъ; купцы—изъ его бедеръ, а судры—изъ его ступней. Хотя каждой кастѣ и были какъ бы присвоены извѣстныя занятія, однако, и происхожденіе кастъ не имѣло связи съ различіемъ въ занятіяхъ и это различіе занятій не было строго выдержано. Мало того, всякій браминъ, если онъ хотѣлъ дѣйствительно быть достойнымъ своего высокаго положенія, долженъ былъ втеченіе своей жизни пройти четыре ступени: ступень ученика, изучающаго брамиискую мудрость; ступень домохозяина; ступень пустынника и ступень нищенствующаго брамина.

Касты въ Индіи произошли въ значительной степени путемъ войны: когда арійское племя заняло свою территорію оно подчинило себѣ туземъ-

цевъ и обратило ихъ въ низшую касту. Вотъ почему низшая каста въ Индіи отличалась отъ кастъ высшихъ и строеніемъ своего тѣла, и цвѣтомъ кожи, и качествомъ волосъ. Такимъ образомъ кастовое дѣленіе общества прежде всего характеризовалось полнымъ раздѣленіемъ людей, безъ права ихъ переходить изъ одной касты въ другую, а не различіемъ экономическаго положенія людей.

Сословное дѣленіе имѣло, какъ мы сказали, средній характеръ. Люди здѣсь дѣлились тоже по происхожденію, но, во-первыхъ, ихъ экономическое положеніе было тѣснѣе связано съ сословнымъ, а, во-вторыхъ, переходъ изъ одного сословія въ другое былъ гораздо болѣе легокъ. Въ Западной Европѣ прежде всего рѣзко выдѣлялось дворянство, которое было сословіемъ землевладѣльческимъ. Но, съ одной стороны, къ дворянству причислялись и безземельные рыцари, а, съ другой стороны полученіе рыцарскаго званія, хотя и было весьма затруднительно, но далеко не невозможно и для представителей низшихъ сословій. Что касается духовенства, то вслѣдствіе обязательнаго безбрачія католическаго духовенства, оно, очевидно, должно было пополняться со стороны. Все остальное свободное населеніе составляло третій классъ. И хотя гильдія, цехъ и т. д. и затрудняли переходы внутри этого класса изъ одной группы въ другую, но всетаки подобные переходы происходили сплошь и рядомъ (напримѣръ, путемъ браковъ).

У насъ, въ Россіи, строго сословное дѣленіе общества пыталась ввести Екатерина II; но уже одна петровская „табель о рангахъ“, связывавшая дворянство съ чиномъ, не дозволяла принять

замкнутаго характера даже этому высшему сословію государства.

Дѣленіе общества на классы имѣетъ уже открыто экономическій характеръ, причемъ здѣсь переходъ изъ одногокласса въ другой совершается просто перемѣной занятій и не нуждается ни въ какомъ дозволеніи.

Мы уже знаемъ, что у первобытнаго человѣка удовлетвореніе его матеріальныхъ потребностей, т. е., удовлетвореніе голода, производилось путемъ отыскиванія предметовъ потребленія въ сыромъ видѣ и болѣе или менѣе легко доступныхъ. Даже относительно современныхъ низшихъ дикарей, которыхъ всетаки, нельзя уже считать существами стоящими на уровнѣ совершенно первобытныхъ людей, даже относительно этихъ людей изслѣдователи пишутъ, напримѣръ, такъ: „Голый и безоружный рыщетъ онъ (т. е. дикарь) съ себѣ подобными по ограниченному району, подобно водящимся въ опредѣленномъ районѣ звѣрямъ, пользуясь при хватаніи ногами такъ же ловко, какъ и руками. Каждый и каждая уничтожаетъ въ сыромъ видѣ все, что можно поймать руками или вырвать ногтями изъ земли, какъ то: низшихъ животныхъ, корни, плоды". Конечно, при подобномъ положеніи дѣлъ ни о какомъ раздѣленіи людей на классы и профессіи не можетъ быть и рѣчи.

Раздѣленіе людей на классы совершается лишь по мѣрѣ развитія хозяйственной дѣятельности. Съ укрѣпленіемъ осѣдлой жизни, съ развитіемъ жизни родами и патріархальными семьями, хозяйственная дѣятельность получаетъ правильную организацію. Однако, при вѣчной взаимной враждѣ

родовъи племенъ и крайней ограниченности потребностей у варварскихъ народовъ, не могло быть и рѣчи о болѣе или менѣе правильномъ обмѣнѣ продуктам имежду различными семьями и родами. Напротивъ, каждая семья была замкнутой хозяйственной единицей, т. е. каждая семья потребляла то, что производила собственными силами. При такомъ положеніи дѣлъ не могло возникнуть различія между хозяйственною дѣятельностью различныхъ семействъ, хотя внутри семьи и появилось уже несходство занятій.

Раньше всего появилось различіе между занятіями мужчинъ и занятіями женщинъ. Это раздѣленіе труда между полами поддерживалось очень строго, причемъ основная характеристика этого дѣленія заключалась въ томъ, что женщины занимались добываніемъ пищи растительной, а мужчины—пищи животной; женщины занимались домашними дѣлами, а мужчины—дѣлами внѣ дома. Строгое раздѣленіе занятій вело здѣсь къ результатамъ, иногда, съ нашей теперешней точки зрѣнія, страннымъ; напримѣръ: женщины занимались постройкой хижинъ, а мужчины доили коровъ, и это потому, что хижина строилась изъ растительныхъ матеріаловъ и ея постройка есть дѣло домашнее, а дойный скотъ былъ прирученъ охотниками. Съ развитіемъ же рабства и съ возникновеніемъ большихъ и сложныхъ домашнихъ хозяйствъ, раздѣленіе труда значительно увеличилось. Ученые изслѣдователи насчитываютъ въ богатомъ римскомъ домѣ до 146 различныхъ занятій, которыя поручались рабамъ,

Однако, все это производилось и потреблялось внутри одного хозяйства. Могли быть болѣе или

менѣе богатыя хозяйства, но всѣ хозяйства потребляли лишь то, что сами произвели. Никакого производства для продажи, никакого обмѣна товарами не существовало.

Замѣчательно, что обмѣнъ вещами начался не въ качествѣ торговаго предпріятія, не въ качествѣ купли-продажи, а въ качествѣ обмѣна подарками. Этотъ обычай обмѣниваться подарками имѣетъ связь съ первобытнымъ гостепріимствомъ: гость нуждающійся—просто получалъ подарокъ, а гость состоятельный—привозилъ свой подарокъ и взамѣнъ этого получалъ подарокъ отъ хозяина. При этомъ обмѣнѣ подарками мало принималось во вниманіе то обстоятельство, что подарки должны быть одинаковой цѣнности, а главнымъ образомъ имѣлось въ виду требованіе, чтобъ подарокъ соотвѣтствовалъ значенію и достоинству того человѣка, которому онъ дѣлается.

У нецивилизованнаго человѣка—мысль объ обмѣнѣ до такой степени соединилась съ мыслью о подаркахъ, что даже тогда, когда, въ сущности, никакого обмѣна подарками нѣтъ, а имѣется лишь плата, за услугу, всетаки эта плата принимаетъ форму подарка. Такъ, напримѣръ, у насъ, если къ больному приглашаютъ врача, то платятъ ему за визитъ послѣ осмотра имъ больного; у нецивилизованныхъ же народовъ сначала приносятъ знахарю-колдуну подарокъ и въ отвѣтъ на этотъ подарокъ знахарь-колдунъ, какъ бы даритъ больному свой трудъ и свое искусство. И вообще у этихъ нецивилизованныхъ народовъ въ обычаѣ за всякую услугу с н а ч а л а получить подарокъ. Другимъ указаніемъ на происхожденіе обмѣна изъ подарковъ можетъ служить, напримѣръ, то

обстоятельство, что у нѣкоторыхъ негровъ отказъ отъ предложенія совершить обмѣнъ вещами считается такимъ же оскорбительнымъ поступкомъ, какимъ у насъ считается отказъ принять подарокъ.

Мало по малу, однако, обмѣнъ принимаетъ характеръ самостоятельной сдѣлки, безъ всякаго отношенія къ подаркамъ, сохраняя развѣ лишь отдаленный намекъ на свое происхожденіе отъ подарковъ въ обычаѣ угощать другъ друга послѣ совершенія торговой сдѣлки.

Однако выгодность и даже необходимость обмѣна такъ очевидны, что торговля путемъ обмѣна скоро пріобрѣтаетъ всеобщее распространеніе. Прежде всего въ обмѣнъ идутъ, конечно, такія вещи, которыя въ силу природныхъ условій имѣются въ одномъ обществѣ и не имѣются вовсе или же получаются съ большимъ затрудненіемъ въ другомъ обществѣ. Затѣмъ идутъ вещи, которыя въ силу того или иного обстоятельства производятся въ какомъ либо обществѣ особенно хорошо и легко. Такимъ образомъ возникаетъ спеціализація производства.

Но когда какой-нибудь человѣкъ обнаружитъ особенное искусство въ производствѣ какого либо предмета, то ему начнутъ дѣлать заказы на производство этого предмета и онъ такимъ образомъ, можетъ превратиться въ спеціалиста-ремесленника. Первоначально, обыкновенно, бываетъ такъ, что этому ремесленнику приносятъ весь матеріалъ и онъ дѣлаетъ для заказчика нужный для того предметъ. Затѣмъ ремесленникъ дѣлаетъ слѣдующій шагъ и не только производитъ вещи лишь на заказъ и изъ чужого матеріала, но при-

готовляетъ ихъ и изъ своего матеріала на будущаго, ему еще неизвѣстнаго покупателя.

Развитіе ремесла и торговли получаетъ могущественный толчекъ съ возникновеніемъ городовъ. Городъ первоначально былъ просто укрѣпленнымъ мѣстомъ (мѣстомъ „огороженнымъ“ стѣною, откуда возникло и названіе „города“), жители котораго занимались тѣмъ же, чѣмъ занимались и жители деревень и лишь жили въ безопасности. Однако, и скопленіе значительнаго числа людей въ одномъ мѣстѣ, и большая безопасность жизни скоро сдѣлали города естественными центрами промышленности и торговли. Въ городъ скрывались люди со своими пожитками при набѣгѣ непріятелей; въ городъ шли люди, такъ или иначе потерявшіе домашнія связи и искавшіе занятій; въ городъ ѣхали люди желавшіе что-либо купить или продать; въ городъ же спасались и бѣглые, искавшіе пріюта и защиты. Все это способствовало собранію въ городахъ значительнаго числа лицъ, которыя порвали съ домашнимъ производствомъ и могли быть привлечены къ производству для продажи на сторону.

Первоначально между ремесленникомъ-производителемъ и потребителемъ его предметовъ была непосредственная связь. Дѣлалъ ли этотъ ремесленникъ свой предметъ на заказъ, или же приготовлялъ его для будущаго покупателя, все равно, этотъ предметъ изъ его рукъ переходитъ прямо въ руки потребителя. Но съ развитіемъ экономической жизни общества это положеніе дѣлъ измѣнилось: между производителемъ и потребителемъ образовался цѣлый рядъ посредниковъ, черезъ руки которыхъ предметъ и переходилъ.

Такимъ образомъ возникло широкое народное хозяйство, при которомъ всѣ члены государства производятъ свои товары, совершенно не зная потребителей, отдаленные отъ нихъ, иногда, большимъ разстояніемъ и пускающіе свой товаръ въ сложный торговый оборотъ.

Въ этомъ народномъ хозяйствѣ главную роль играетъ уже не ремесло, а фабрика, съ ея огромнымъ производствомъ, съ ея раздѣленіемъ труда и множествомъ лицъ, занятыхъ завѣдываніемъ работами, торговыми и банковыми операціями.

Такимъ образомъ, ходъ экономическаго развитія человѣчества представляетъ слѣдующую картину: сначала имѣются лишь разъединенные, одинокіе люди, всѣ одинаковымъ образомъ занятые отыскиваніемъ себѣ пропитанія среди растеній и низшихъ животныхъ (черви, улитки и т. п.); затѣмъ люди соединяются во временныя группы для охоты на высшихъ животныхъ; потомъ возникаютъ замкнутыя хозяйства, въ которыхъ болѣе или менѣе значительное число людей производятъ всѣ предметы своего потребленія; затѣмъ обмѣнъ между отдѣльными хозяйствами, развитіе городовъ и укрѣпленіе ремеслъ вводитъ человѣчество въ новый періодъ экономическаго существованія, при которомъ наблюдается уже и значительное разнообразіе въ экономическомъ строеніи общества.

Разнообразіе это достигаетъ своего наибольшаго развитія въ настоящее время, когда главное производство сконцентрировано въ фабрикахъ, при чемъ не только ремесла, но и домашнее производство продолжаютъ еще свое существованіе; когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, производство поднялось на ступень общегосударственнаго народнаго хо-

зяйства, съ огромнымъ развитіемъ торговли и транспорта; когда международная торговля достигла огромнаго развитія; когда, однимъ словомъ, съ одной стороны, все человѣчество вошло въ довольно оживленное экономическое взаимодѣйствіе, а съ другой стороны люди разбились на огромное количество мелкихъ профессій.

А какъ велико теперь число профессій можно судить хотя бы по тому одному, что въ Германіи по переписи 1895 года имѣлось 10.298 различныхъ профессій!

Разнообразію экономическаго положенія членовъ общества соотвѣтствуетъ раздѣленіе общества на классы. Конечно, это дѣленіе обществъ на классы не можетъ представлять того разнообразія, какое представляетъ дѣленіе его на профессіи, и дѣленіе это собственно опредѣляется не прямо профессіей, а источникомъ доходовъ.

Существуетъ три основныхъ источника дохода: земельная рента, торгово-промышленная прибыль и заработная плата.

Соотвѣтственно этому въ современныхъ обществахъ имѣются три основные класса: землевладѣльцы (у насъ въ большинствѣ случаевъ совпадающіе съ дворянскимъ сословіемъ), торгово-промышленный классъ (часто называемый буржуазіей) и рабочіе (часто называемые пролетаріатомъ).

Дѣленіе это чисто теоретическое: на практикѣ вполнѣ чистые случаи бываютъ не такъ часты, и съ ходомъ развитія общества теперь эти чистые случаи все уменьшаются. Напримѣръ, землевладѣлецъ, если онъ не отдаетъ своей земли въ аренду, а ведетъ хозяйство собственными средствами, получаетъ не только земельную ренту

(аренду), но и торгово-промышленную прибыль; а если онъ при этомъ лично ведетъ хозяйство, а не только чрезъ управляющаго, то въ полученномъ имъ доходѣ должна имѣться и плата за трудъ. Съ другой стороны, каждый рабочій, который имѣетъ, положимъ, въ ссудо-сберегательной кассѣ вкладъ, является тѣмъ самымъ отчасти представителемъ буржуазіи, ибо, значитъ, онъ получаетъ не только заработную плату, но и проценты по своей книжкѣ въ ссудо-сберегательной кассѣ. А извѣстно, какъ теперь увеличивается число вкладчиковъ въ ссудо-сберегательныхъ кассахъ.

Затѣмъ, чиновники стоятъ, въ сущности, внѣ этого дѣленія: всѣ они, отъ самаго мелкаго канцелярскаго служителя до министра, живутъ своимъ жалованьемъ, но причислить министра къ пролетаріямъ (если даже онъ и живетъ исключительно своимъ жалованіемъ) такъ же трудно, какъ трудно причислить мелкаго канцелярскаго служителя къ буржуазіи. Поэтому общественное положеніе чиновниковъ опредѣляется не источникомъ ихъ доходовъ, а величиной этого дохода. Тоже самое приходится сказать и о представителяхъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій.

Земля, какъ мы видѣли, первоначально не имѣла никакой цѣнности и поэтому она позже движимаго имущества сдѣлалась предметомъ частной собственности. Однако, такъ какъ, не только для того, чтобы заниматься чѣмъ либо, но даже и для того, чтобы просто существовать, нужно имѣть точку опоры на землѣ, то эта земля съ тѣхъ поръ, какъ люди перешли къ осѣдлому, земледѣльческому существованію, сдѣлалась главнѣйшимъ, а часто и единственнымъ источникомъ доходовъ. И соот-

вѣтственно съ этимъ могущество землевладѣльцевъ возрасло.

При феодальныхъ порядкахъ владѣніе землей сединялось съ политической властью надъ всѣмъ населеніемъ, живущимъ на этой землѣ. Затѣмъ, земля покупалась, продавалась и дарилась вмѣстѣ съ крестьянами, ея обрабатывающими, которые были прикрѣплены къ землѣ. Такъ образовался дворянско-аристократическій классъ землевладѣльцевъ.

Въ настоящее время, конечно, въ землевладѣніи произошли значительныя измѣненія. Не только нѣтъ ни феодальныхъ порядковъ, ни крѣпостныхъ, но и самое владѣніе землей не связано съ дворянскимъ званіемъ. Теперь, когда землевладѣлецъ самъ ведетъ интенсивное хозяйство, то его положеніе мало чѣмъ отличается отъ положенія фабриканта. Но все-таки, въ общемъ, классъ землевладѣльцевъ остается классомъ дворянско-аристократическимъ и въ качествѣ носителя традицій— консервативнымъ.

Торгово-промышленный классъ, напротивъ, имѣетъ стремленіе къ либерализму. Основные устои современныхъ государствъ сложились во время полнаго экономическаго и политическаго господства аристократически-землевладѣльческаго класса общества. И эти устои часто были весьма стѣснительны для буржуазіи. Мало того, если количество земли всегда остается одно и то же, то торговля и промышленныя предпріятія могутъ расти и умножаться безгранично; а этотъ постоянный ростъ промышленности требуетъ постоянныхъ измѣненій въ строеніи общества, вслѣдствіе

чего всякая задержка перегруппировки общества невыгодна для торговли и промышленности.

Торговля и промышленность построены на личной предпріимчивости, и посему свобода личности, свобода личной иниціативы и вообще отсутствіе всякихъ стѣсненій личности являются основнымъ условіемъ для ихъ процвѣтанія.

Торгово-промышленный классъ не однороденъ; помимо того, что люди, занимающіеся торговлей, отличаются отъ людей, занимающихся промышленностью, и внутри каждой изъ этихъ группъ имѣются значительныя отличія и, слѣдовательно, значительное расхожденіе интересовъ.

Неоднороденъ также и классъ пролетаріевъ. Здѣсь мы имѣемъ фабричныхъ рабочихъ (которые раздѣляются на квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ рабочихъ), и сельскохозяйственныхъ батраковъ, и низшихъ служащихъ въ торговыхъ предпріятіяхъ, правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, и нѣкоторыя другія общественныя группы. Чистокровный пролетарій живетъ лишь заработной платой.

Будучи многочисленнымъ классомъ, пролетаріи сильны своимъ объединеніемъ. Каждый отдѣльный рабочій слабъ и беззащитенъ передъ лицомъ предпринимателя, но, объединившись въ союзы, рабочіе представляютъ изъ себя значительную силу.

Рабочее движеніе идетъ по двумъ направленіямъ. Въ однихъ случаяхъ рабочіе объединяются лишь для защиты своихъ чисто профессіональныхъ интересовъ,—это путь англійскихъ рабочихъ союзовъ. Въ другихъ случаяхъ—они имѣютъ въ виду общественное переустройство; это путь германской соціалъ-демократіи.

Не разъ отмѣчалось, что германская соціалъ-демократія съ ея строгой партійной дисциплиной, съ ея соціалъ-демократической бюрократіей (чиновничество) и вообще со всѣмъ ея складомъ мыслей, есть дѣтище такого вышколеннаго и дисциплинированнаго народа, какъ нѣмцы, и что потому то англичане съ ихъ привычками къ свободѣ и личной иниціативѣ и плохо мирятся съ полувоеннымъ устройствомъ германской соціалъ-демократіи.

Въ Италіи, Франціи и Испаніи соціалъ-демократическое ученіе встрѣчаетъ могущественнаго конкуррента въ лицѣ анархо-синдикализма.

Что касается Россіи, то въ виду нашей экономической отсталости у насъ не выработался еще вполнѣ опредѣленно обликъ рабочаго. Не говоря уже о довольно могущественномъ кооперативномъ движеніи, даже чистокровный соціализмъ у насъ еще не сказалъ своего собственнаго слова. Соціалисты-революціонеры, воспитанные на мысли о благоустройствѣ крестьянства, имѣютъ болѣе или менѣе ясную программу только по отношенію къ землѣ. Соціалъ-демократія, въ сущности, цѣликомъ усвоила программу нѣмецкой одноименной партіи. Но вѣрной этой программѣ осталась лишь партія такъ называемыхъ меньшевиковъ, что же касается большевиковъ, то они, начавши съ признанія ученія Маркса, потомъ на практикѣ рѣшительно уклонились отъ этого ученія, не выработавши и своего собственнаго теоретическаго ученія. Имѣются у насъ и группы, проповѣдующія анархизмъ и синдикализмъ.

Великая задача рабочаго движенія заключается въ рѣшеніи вопроса о томъ, какъ соединить

свободу и личную инициативу съ равенствомъ въ пользованіи благами культуры.

Среди различныхъ проектовъ будущаго устройства общества, одни жертвуютъ равенствомъ ради свободы, другіе—свободой ради равенства. Одинъ говоритъ: предоставьте людямъ свободно бороться за собственные интересы; вѣдь, самъ человѣкъ лучше всего знаетъ свои интересы и лучше всего сумѣетъ ихъ защитить. Поэтому государство должно смотрѣть лишь за тѣмъ, чтобы никто не совершалъ насилій и не нарушалъ общественной безопасности. Сторонники этого взгляда забываютъ то обстоятельство, что люди вступаютъ въ жизнь не при одинаковыхъ условіяхъ и что поэтому свободная борьба здѣсь не можетъ считаться равной. Другіе, во имя равенства, во имя того, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ то, что имѣетъ и другой, предлагаютъ взять въ опеку всю экономическую жизнь общества и наложить на всѣхъ людей обязательства, несовмѣстимыя со свободой и способныя убить всякую предпріимчивость, всякую личную инициативу.

Великія бѣдствія грозятъ тому обществу, которое сосредоточитъ всѣ свои интересы на одной сторонѣ дѣла государственнаго и общественнаго строительства и упуститъ изъ виду другія стороны. Безъ равенства общественное строеніе будетъ всегда непрочнымъ, а безъ свободы духъ человѣческій будетъ подавленъ и самое равенство будетъ только равенствомъ въ нищетѣ и невѣжествѣ...

До сихъ поръ мы не говорили о крестьянствѣ и это потому, что крестьянство составляетъ со-

вершенно особую группу въ государствѣ. Общественное положеніе крестьянства весьма оживленно обсуждалось въ русской литературѣ. Но, къ сожалѣнію, этимъ дѣломъ у насъ занимались не философы или соціологи (соціологія есть наука объ обществѣ, а соціологи—люди, философски изучающіе общество), а представители различныхъ политическихъ партій, мало наклонные къ отвлеченному, научному мышленію. Поэтому эти писатели имѣли въ виду главнымъ образомъ свои чисто практическіе, политическіе цѣли и мало интересовались чисто научной стороной вопроса, а, пожалуй, и мало были способны къ научному рѣшенію соціальныхъ вопросовъ.

Относительно крестьянства у насъ существовало два взгляда. Соціалъ-демократы, повторяя по своему обычаю, ученіе нѣмецкихъ соціалдемократовъ, объявили, что крестьянство есть не что иное, какъ мелкая буржуазія. Крестьяне владѣютъ землей, крестьяне торгуютъ продуктами земли, слѣдовательно, говорятъ соціалъ-демократы, эти крестьяне по существу то же, что и купцы и промышленники, только помелче калибромъ. Для нашихъ же народниковъ сущность крестьянства исчерпывается тѣмъ, что крестьяне работаютъ собственными руками, что они являются представителями физическаго труда въ обществѣ; поэтому народники и объединяютъ крестьянство и фабричныхъ рабочихъ въ одну группу, какъ трудовой элементъ общества.

Научная несостоятельность обоихъ этихъ взглядовъ очевидна, и въ борьбѣ соціалъ-демократовъ (иначе марксистовъ) съ народниками обѣ стороны показали несостоятельность противни-

ковъ, но обѣ онѣ не сумѣли защитить своихъ позицій.

Мы видѣли, что первоначальныя земледѣльческія группы жили замкнутымъ хозяйствомъ, добывая сами все то, что было имъ нужно для потребленія. Въ этой группѣ не было раздѣленія на людей получающихъ ренту, прибыль и заработную плату. Потомъ изъ этой однородной группы начали выдѣляться различные разнородные элементы. Люди, пріобрѣвшіе значительное количество земли въ личную собственность, превратились въ землевладѣльцевъ, которые могли жить только рентой, поручая управленіе землей другимъ лицамъ или отдавая землю въ аренду. Люди, ушедшіе въ ремесло и торговлю, превратились въ купцевъ и фабрикантовъ или ремесленниковъ. Люди, потерявшіе связь съ землей и не успѣвшіе сдѣлаться ни торговцами, ни фабрикантами (и не занявшіеся либеральными профессіями), превратились въ пролетаріевъ-рабочихъ А тѣ, которые остались тѣмъ, чѣмъ были и раньше, тѣ, которые продолжали дѣло отцовъ, дѣдовъ и всѣхъ другихъ своихъ предковъ, тѣ образовали особую группу, называемую крестьянствомъ.

Можно было бы, пожалуй, сказать, что крестьянинъ, какъ владѣлецъ земли получаетъ ренту, какъ человѣкъ работающій—получаетъ заработную плату, и какъ продавецъ своихъ продуктовъ—получаетъ прибыль; но правильнѣе будетъ сказать, что крестьянинъ не получаетъ ни ренты, ни прибыли, ни заработной платы, потому что всѣ эти „ренты“, „прибыли“ и „заработная плата“ возникли лишь тогда, когда однородная масса людей разби-

лась на разнородныя группы: на землевладѣльцевъ, промышленниковъ и рабочихъ. Крестьянинъ же получаетъ не ренту, не прибыль и не заработную плату, а просто—продукты собственнаго труда, дѣло своихъ рукъ. Потому-то и марксисты, и народники и сбились съ толку, что они пытались этотъ *остатокъ стараго нерасчлененнаго общества* приноровить къ новымъ группамъ, явившимся уже вслѣдствіе распада общества *).

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, будто наше современное крестьянство ничѣмъ не отличается отъ старыхъ общественныхъ группъ. Напротивъ, крестьянство имѣло свою исторію и, какъ членъ новаго и сложнаго государства, оно претерпѣло глубокія измѣненія, но всѣ эти измѣненія болѣе касались каждаго крестьянина въ отдѣльности, чѣмъ крестьянства, какъ общественной группы, и во всякомъ случаѣ, они не уничтожили основной экономической черты крестьянства, т. е. того обстоятельства, что въ доходѣ крестьянина нѣтъ раздѣленія на ренту, прибыль и заработную плату.

Само собою разумѣется, что все, что мы сказали о крестьянинѣ и крестьянствѣ, относится къ чистому типу крестьянина. Мы уже говорили, что случаи существованія вполнѣ чистыхъ представителей какихъ либо общественныхъ группъ не такъ часты. Какъ фабричный рабочій, имѣющій хотя бы небольшое сбереженіе въ ссудосберегательной кассѣ, уже не является вполнѣ чистокровнымъ пролетаріемъ, но дѣлается отчасти и представителемъ буржуазіи, такъ и крестьянинъ,

*) Болѣе подробное обоснованіе этого взгляда на крестьянство сдѣлано нами въ журналѣ «Русс. Богат.» за 1906 г., октябрь.

хотя бы отчасти пользующійся, напримѣръ, трудомъ батрака, или купившій у своего сосѣда теленка и впослѣдствіи продавшій этого теленка въ городъ, не является уже вполнѣ чистокровнымъ крестьяниномъ, но также дѣлается отчасти и представителемъ буржуазіи.

Но, вѣдь, въ жизни нѣтъ рѣзкихъ дѣленій, напротивъ, все переходитъ одно въ другое незамѣтными ступеньками и, однако, мы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не затрудняемся сказать, кто рабочій, кто фабрикантъ, и кто крестьянинъ.

ГЛАВА IX.

Законъ и Право.

Всюду и всегда, гдѣ только людямъ приходилось жить и дѣйствовать совмѣстно, неизбѣжно устанавливались какія нибудь правила, которыми опредѣлялись взаимныя отношенія членовъ общества.

Совершенно очевидно, что люди не могутъ не только дѣйствовать совмѣстно, но даже и жить вмѣстѣ, если среди нихъ не будетъ ни какихъ правилъ, никакихъ указаній на то, что каждому человѣку дозволено дѣлать и что ему не дозволено.

Однако, первоначально эти правила и указанія не имѣли юридическаго характера, не имѣли характера указаній на „право“ каждаго отдѣльнаго лица, а просто были выраженіемъ тѣхъ фактически установившихся отношеній, нарушеніе которыхъ вызывало порицаніе и месть, какъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, такъ и со стороны всего общества.

То, что мы теперь называемъ „правомъ“ „нравственнымъ предписаніемъ“, „обрядомъ“ и „правилами приличія“,—все это первоначально совершенно не различалось другъ отъ друга: все это являлось просто обязательными правилами поведенія и въ большинствѣ случаевъ имѣло религіозную окраску. Нарушеніе этихъ правилъ считалось прежде всего нечестіемъ и возбуждало негодованіе общества уже потому одному, что могло вызвать гнѣвъ боговъ противъ всего общества.

Вѣдь первоначально личность отдѣльнаго человѣка совершенно не принималась во вниманіе: каждый человѣкъ былъ отвѣтственъ за все общество и все общество за каждаго человѣка. Если, напримѣръ, членъ какого либо рода убивалъ человѣка изъ другого рода, то родственники убитаго должны были мстить всему роду убійцы. И они считали своею обязанностью убить кого-либо изъ членовъ этого враждебнаго имъ рода, причемъ, убивая кого-нибудь изъ нихъ, они считали себя удовлетворенными, хотя бы дѣйствительный убійца ихъ родственника лично и не пострадалъ ни мало.

А такъ какъ эти люди представляли себѣ боговъ, надѣленными такими же нравственными качествами, какими они сами обладали, то они и думали, что за нечестіе каждаго отдѣльнаго человѣка боги будутъ мстить безразлично всѣмъ членамъ ихъ рода. И поэтому понятно, что всѣ члены рода тщательно блюли за тѣмъ, чтобы никто изъ ихъ рода не совершалъ нечестивыхъ поступковъ. т. е. чтобы никто не нарушалъ установленныхъ правилъ поведенія.

Сверхъ страха мести отъ непосредственно потерпѣвшаго лица при нарушеніи правилъ поведенія, сверхъ страха наказанія обществомъ за „нечестіе“, дикарь руководился въ своемъ поведеніи еще и тщеславіемъ: желаніемъ заслужить похвалу и избѣжать порицанія. Тщеславіе есть одно изъ простѣйшихъ чувствъ; это—чувство не только доступное дикарю, но даже имѣющее большую власть надъ нимъ: это есть одинъ изъ первыхъ зародышей того сложнаго чувства, которое регулируетъ и теперь наше поведеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы не руководствуемся настоящимъ нравственнымъ чувствомъ.

Подобное соединеніе страха и тщеславія является тою первою уздою, которая нѣсколько сдерживаетъ безграничный эгоизмъ первобытнаго человѣка, вслѣдствіе чего совмѣстная жизнь и дѣятельность людей становятся возможными.

Такъ какъ первобытный человѣкъ неспособенъ къ послѣдовательному мышленію, то онъ и не пытается обсуждать вопросы о томъ, почему отъ него требуютъ извѣстнаго поведенія: онъ просто знаетъ, что существуютъ извѣстныя правила поведенія, считаетъ эти правила обязательными, самъ ихъ исполняетъ и требуетъ отъ другихъ ихъ исполненія.

Въ концѣ концовъ оказывается, что жизнь некультурнаго человѣка мало по малу обременяется огромнымъ количествомъ всевозможныхъ правилъ и запрещеній, смысла которыхъ онъ по большей части не понимаетъ. Напримѣръ, есть племена, въ которыхъ зять не имѣетъ права смотрѣть на тещу, такъ что, если онъ случайно, гдѣ либо встрѣтитъ свою тещу, онъ долженъ падать ницъ.

Неисполненіе этого предписанія наказуется смертью. И всѣ, конечно, исполняютъ его и считаютъ, что такъ и слѣдуетъ поступать, хотя, несомнѣнно, никто изъ нихъ даже и не подозрѣваетъ, что это требованіе есть пережитокъ давнихъ временъ, былыхъ и совершенно иныхъ семейныхъ отношеній...

Наши былины рисуютъ достаточно первобытные нравы. И, однако, онѣ указываютъ на прочно уже сложившійся этикетъ. Герои былинъ и сказокъ ведутъ себя „по ученому“: они твердо знаютъ, какъ вести себя при входѣ въ комнату—на какой уголъ нужно креститься, какъ привѣтствовать каждаго изъ хозяевъ, гдѣ садиться и т. п. При этомъ неисполненіе какого-либо изъ этихъ правилъ разсматривалось бы не какъ простая неблаговоспитанность, а какъ басурманское нечестіе, какъ проступокъ, мало чѣмъ отличающійся отъ преступленія.

Мало-по-малу, однако, люди начинаютъ понимать различіе между тѣми и иными предписаніями. И мы теперь знаемъ хорошо, что „право“, „нравственность“, „обрядъ“ и „приличіе“ имѣютъ каждый свою особую сферу приложенія и свое особое основаніе.

Здѣсь особенно важно указать на различіе сферъ приложенія „права“ и „нравственности“, потому что, конечно, никто изъ современныхъ людей уже не можетъ смѣшать „обряда“ и „правилъ приличія“ съ правомъ или нравственностью.

Но когда какое-либо „право“ противорѣчитъ нашему нравственному сознанію, то мы обыкновенно требуемъ отмѣны этого „права“, и, поэтому, мы склонны полагать, что право есть не что иное, какъ особаго рода нравственное предписаніе. Одинъ нѣ-

мецкій ученый утверждалъ, что право есть то наименьшее количество нравственности, которое общество можетъ требовать отъ своихъ сочленовъ, такъ какъ безъ этого количества нравственности, совмѣстная жизнь была бы невозможна. Такъ, напримѣръ, никакой законъ не можетъ требовать отъ гражданъ великодушнаго поведенія по отношенію другъ къ другу, но законъ можетъ и долженъ установить правила справедливаго поведенія.

Нравственность регулируетъ внутреннюю жизнь человѣка: она предписываетъ намъ любить людей, радоваться ихъ счастію и сожалѣть объ ихъ несчастіяхъ и т. п. Можно считать извѣстный строй мыслей и чувствъ безнравственнымъ; можно говорить о безнравственности, или, точнѣе, о нравственной тупости человѣка, который ни мало не волнуется чужими бѣдствіями, но нельзя закономъ заставить его любить людей и жалѣть ихъ.

Съ формальной точки зрѣнія „право“ отличается отъ „нравственности“ тѣмъ, что право охраняется государственной властью.

Затѣмъ, нравственное предписаніе, хотя и предполагаетъ неизбѣжно существованіе отношеній между людьми, но это—отношенія частнаго характера, а право регулируетъ эти отношенія въ связи съ существованіемъ государства. Вообще, право имѣетъ въ виду прежде всего и главнѣе всего интересы государства и самые интересы частныхъ лицъ разсматриваетъ въ связи съ интересами государства.

Вотъ почему при возникновеніи законовъ, прежде всего, создаются законы, обезпечивающіе существованіе государства, какъ цѣлаго, и законы, охраняющіе правителей, какъ представителей государ-

ства и носителей государственной идеи. Такимъ образомъ, прежде всего закономъ устанавливается уголовное законодательство, причемъ это уголовное законодательство скоро начинаетъ охранять и интересы частныхъ лицъ. Затѣмъ, естественно, устанавливаются извѣстныя правила судебнаго разбирательства, правила, которыя гарантировали бы справедливый судъ, т. е. устанавливаются процессуальныя нормы. Что касается гражданскаго законодательства, то оно вырабатывается позднѣе всего и является, первоначально, не чѣмъ инымъ, какъ простымъ закрѣпленіемъ фактически существующихъ обычныхъ порядковъ.

Стоя на исключительно нравственной точкѣ зрѣнія, мы, при обсужденіи поступковъ какого либо человѣка, имѣемъ въ виду характеристику личности человѣка: мы высказываемъ свое сужденіе о томъ, добръ или золъ данный человѣкъ, правдивъ ли онъ или лживъ, нравственно чуткъ или тупъ и т. п. И соотвѣтственно съ этимъ, мы высказываемъ нравственное одобреніе или осужденіе человѣка, мы имъ восхищаемся или презираемъ и т. п.

Праву нѣтъ никакого дѣла до внутренней характеристики человѣка: оно исключительно имѣетъ въ виду практическую задачу. Оно рѣшаетъ, что, при данныхъ обстоятельствахъ государство и его отдѣльные члены могутъ требовать отъ даннаго человѣка.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ различіемъ между нравственностью и правомъ, между ними существуетъ еще и та основная противоположность что нравственность имѣетъ въ виду выработку вѣчныхъ идеаловъ человѣческой личности, а

право—установку практическихъ нормъ поведенія. Любить людей, быть правдивымъ и т. п. все это вѣчныя предписанія, вѣчные идеалы человѣческой личности и поведенія. Ученіе о нравственности стремится выработать идеалъ поведенія, человѣка; оно изображаетъ ту идеальную личность, у которой человѣческая природа достигаетъ высшей красоты, высшаго нравственнаго совершенства. Имѣя передъ своими глазами абсолютный и вѣчный идеалъ нравственной личности, моралистъ можетъ и долженъ судить о всякомъ поступкѣ человѣка, указывая, насколько этимъ поступкомъ какой-либо человѣкъ уклонился отъ идеальнаго поведенія.

Ничего подобнаго не можетъ и не долженъ имѣть въ виду законодатель, ибо онъ долженъ имѣть въ виду исключительно практическую цѣль, онъ долженъ имѣть въ виду исключительно упорядоченіе жизни общества при данныхъ обстоятельствахъ и споспѣшествованіе дальнѣйшему развитію этого общества.

И законодательство всегда, волей-неволей, должно было руководиться этими практическими соображеніями. Возьмемъ, напримѣръ, земельный вопросъ. Окруженное врагами, ведя постоянную борьбу за свое существованіе, каждое государство нуждалось въ воинахъ защитникахъ. Но какъ вооружить и какъ содержать этихъ воиновъ? Въ настоящее время государства богаты деньгами и кредитомъ и они могутъ заранѣе приготовить большіе запасы оружія и провіанта, но прежде, когда существовало лишь такъ называемое натуральное хозяйство, когда торговля была очень мало развита, когда денегъ было крайне мало,—

государство не могло вооружить и содержать на свой счетъ воиновъ. И каждый воинъ являлся на войну съ собственнымъ оружіемъ и долженъ былъ самъ себя содержать. Но изъ этого очевидно слѣдовало, что тамъ, дома, должны были оставаться люди, которые работали бы на воиновъ. И вотъ этимъ воинамъ давались, какъ выражались наши древніе законодательные акты, „въ кормленіе“ земли, они „испомѣщались“ (отсюда и слово „помѣщикъ“) на кускѣ земли, которымъ они владѣли, за что они и должны были при возникновеніи войны (а эти войны велись безпрерывно) являться со своими подручными въ полномъ вооруженіи и снаряженіи.

Развитію и укрѣпленію феодальнаго строя въ западной Европѣ не мало способствовалъ переходъ отъ пѣшаго войска къ конному. Этотъ переходъ сдѣлался необходимымъ при нашествіи кочевниковъ, которые быстро передвигались на своихъ лошадяхъ. И вотъ въ Европѣ появились рыцари на коняхъ, не только сами съ ногъ до головы покрытые дорогими снаряженіями: шлемомъ, латами и другими доспѣхами, но еще и покрывшіе своихъ коней различными защитными приспособленіями; эти рыцари должны были имѣть и конюховъ и оруженосцевъ, а подобное снаряженіе доступно было лишь богатымъ людямъ.

Когда изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія дало рѣшительный перевесъ демократической пѣхоты надъ аристократической, рыцарской конницей, началась перестройка въ государствѣ на болѣе демократическихъ началахъ, хотя бы эта перестройка первоначально и выразилась лишь усиленіемъ

господства центральной королевской власти надъ феодальной аристократіей.

На вопросъ о томъ, каково должно быть идеальное нравственное поведеніе человѣка, всегда и вездѣ можно дать одинъ и тотъ же отвѣтъ. На вопросъ же о томъ, какіе законы въ данное время и въ данномъ мѣстѣ слѣдуетъ издать,—въ каждое время и въ каждомъ мѣстѣ долженъ быть данъ различный отвѣтъ.

И великія бѣдствія будутъ угрожать тому государству, законодатели котораго вздумали бы проводить въ жизнь свои отвлеченныя идеалы справедливости, не сообразуясь съ условіями жизни общества въ данный моментъ.

Когда Левъ Толстой изображалъ свое царство „дураковъ", жители котораго при нашествіи непріятелей только кланялись имъ и приглашали къ себѣ въ гости, несмотря на то, что эти непріятели въ ихъ землѣ жгли, грабили и убивали,—то, очевидно, Толстой вздумалъ распространить нравственное правило, предписывающее „подставить свою лѣвую щеку тому, кто ударитъ тебя въ правую", на государственную жизнь общества. И для каждаго изъ насъ очевидно, что если бы всѣ культурныя государства Европы вздумали послѣдовать совѣту Толстого, то полудикія и совсѣмъ дикія племена Азіи и Африки быстро завладѣли бы этими злосчастными государствами и стерли бы съ лица земли всякую культуру.

Столь же очевидны и бѣдствія, которыя грозятъ государству, если кто либо вздумаетъ законодательнымъ путемъ, т. е. путемъ принужденія, распространять какія бы то ни было идеальныя нравственныя требованія.

Напримѣръ, евангельское условіе „совершенства“ личности, выраженное въ требованіи «отдать все имѣніе нищимъ», можетъ быть добровольно выполнено какимъ либо отдѣльнымъ человѣкомъ „ради спасенія души“, или по инымъ нравственнымъ соображеніямъ. Но законодательное отрицаніе всякой собственности можетъ имѣть послѣдствіемъ лишь всеобщую нищету и введеніе деспотическихъ порядковъ въ государствѣ.

Ибо теперь самымъ могущественнымъ двигателемъ къ дѣятельности человѣка является его желаніе матеріально обезпечить себя и свою семью. И личный починъ (личная иниціатива) является самымъ могущественнымъ двигателемъ экономическаго развитія общества.

Этотъ двигатель, конечно, имѣетъ темныя стороны какъ для самого человѣка, такъ и для общества; для самого человѣка его темная сторона проявляется тѣмъ, что онъ иногда подбиваетъ человѣка къ чрезмѣрному напряженію своихъ силъ; а для общества тѣмъ, что заставляетъ отдѣльнаго человѣка иногда не особенно разбираться въ средствахъ для достиженія успѣха. Мудрость законодателя должна выразиться въ томъ искусствѣ, съ которымъ онъ сумѣетъ установить правила, которыя сдерживали бы дѣятельность каждаго въ законныхъ рамкахъ. Но ввести такіе порядки, при которыхъ человѣкъ не могъ бы стремиться къ обогащенію, при которыхъ всѣ люди обязателвно получали бы одно и то же, это значитъ совершенно убить личную иниціативу, значитъ ввести такой порядокъ, при которомъ почти всѣ люди будутъ стараться дѣлать лишь то, что ихъ насильно за-

ставятъ дѣлать. А это, очевидно, поведетъ къ деспотическимъ, тюремнымъ порядкамъ и къ огромному упадку производительности.

Существуетъ два совершенно различныхъ вида отношеній людей между собою: порядокъ правовой и порядокъ нравственный. При порядкѣ правовомъ каждый человѣкъ долженъ получать соотвѣтственно со своей силой, т. е. соотвѣтственно со своей работой. А при порядлѣ нравственномъ каждый долженъ получить соотвѣтственно со своей слабостью, т. е. соотвѣтственно со своей неспособностью къ работѣ. Типичнымъ выраженіемъ этого послѣдняго порядка являются семейныя отношенія: въ хорошей семьѣ, чѣмъ слабѣе и безпомощнѣе какой либо членъ семьи (ребенокъ, старикъ или больной), тѣмъ больше остальные члены этой семьи жертвуютъ собою для поддержанія своего слабаго сочлена.

Государство, конечно, тоже должно заботиться о своихъ слабыхъ сочленахъ. Для этого должна быть выработана особая сложная и искусная система. Но переносить цѣликомъ въ государство семейныя отношенія — значитъ погубить это государство.

Итакъ, право, въ отличіе отъ нравственныхъ предписаній, не есть нѣчто абсолютное, вѣчное и неизмѣнное. Опредѣляясь не идеальными требованіями, а практическими задачами, право должно безпрерывно мѣняться. Въ каждый данный моментъ право есть не что иное, какъ выраженіе воли верховнаго правительства. Эта воля выражается путемъ изданія законовъ, путемъ законодательства.

Законъ есть та норма, которая въ данный моментъ обязательна для всѣхъ членовъ даннаго государства, причемъ, если самъ законодатель считаетъ обязательнымъ для себя согласовать свои дѣйствія съ закономъ, тогда государство будетъ правовымъ, а если онъ ставитъ произволъ каждой минуты выше всякаго закона, т. е. если онъ станетъ нарушать законы, не отмѣнивши ихъ предварительно путемъ нормальнаго законодательства, тогда государство является деспотическимъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова.

ГЛАВА X.

Наука и искусство.

Люди мало образованные иногда думаютъ, что общество, будто-бы, можетъ не дурно существовать и безъ науки, и что наука, будто-бы, является лишь какимъ то украшеніемъ въ жизни людей, тонкимъ видомъ развлеченія и забавы.

Мало того, не только и многіе образованные люди далеко не всегда понимаютъ, какъ велика и благодѣтельна для человѣка роль науки, но даже среди писателей не рѣдко можно встрѣтить людей, которые, безъ достаточнаго проникновенія въ глубь дѣла, говорятъ объ „искусственной“ жизни людей, созданной „цивилизаціей“, противопоставляя этой „искусственной жизни“ „естественное“ состояніе людей, не тронутыхъ культурой.

Выяснить всѣ многочисленныя заблужденія и недомыслія, лежащія въ основѣ подобныхъ мнѣній, можно было бы лишь въ большомъ спеціальномъ сочиненіи. Здѣсь, въ этой главѣ, мы постараемся дать лишь основныя руководящія указанія, усвоивши которыя, читатель будетъ въ состояніи уже самъ разобраться въ данномъ вопросѣ и выяснить себѣ, въ чемъ заключается ошибочность различныхъ мнѣній, высказываемыхъ и въ частной бесѣдѣ, и въ литературѣ, мнѣній, преуменьшающихъ или совершенно отрицающихъ великое общественное значеніе науки.

Начнемъ съ признанія, что наука, дѣйствительно, даетъ огромное удовлетвореніе людямъ, посвящающимъ ей свои силы. Но объ этомъ „удовлетвореніи“ мы будемъ говорить позднѣе и въ связи съ ролью искусствъ въ жизни общества. Теперь же мы укажемъ на то обстоятельство, что всѣ науки начались, развились и теперь поддерживаются въ связи съ чисто практическими потребностями людей.

Геометрія, какъ видно изъ самаго названія („геометрія“ слово греческое, по русски значитъ: «землемѣріе»), возникла изъ необходимости найти способъ вычисленія земельныхъ участковъ. Борьба съ человѣческими болѣзнями породила медицину и всѣ многочисленныя науки, на которыхъ опирается научное врачеваніе. Практическія же потребности породили механику и т. д.

Все отличіе наукп отъ пріемовъ непосредственнаго удовлетворенія своихъ нуждъ заключается въ томъ, что наука учитъ насъ предвидѣть отдаленное будущее и обобщать наши пріемы. От-

сюда и такъ называемая „искусственность“ пріемовъ, основанныхъ на наукѣ.

Выраженіе: „искусственный пріемъ“ имѣетъ два смысла. Во-первыхъ, этимъ выраженіемъ мы хотимъ сказать, что данный пріемъ придуманъ; во-вторыхъ „искусственное“ противополагается „естественному“, какъ что-то излишнее, ненужное. Вся бѣда заключается въ томъ, что люди постоянно смѣшиваютъ оба эти смысла и поэтому легко бываютъ готовы все „придуманное“ разсматривать, какъ излишнее. А, между тѣмъ, придумывать какіе нибудь пріемы бываетъ излишне лишь тогда, когда дѣло можно сдѣлать съ одинаковымъ удобствомъ и безъ этихъ придуманныхъ пріемовъ.

Возьмемъ такой простой примѣръ: на деревѣ виситъ зрѣлое яблоко, которое мы хотимъ сорвать и съѣсть. Вполнѣ „естественнымъ“ пріемомъ будетъ: протянуть руку и сорвать это яблоко. Но что дѣлать, если это яблоко виситъ такъ высоко, что мы не можемъ достать его рукою? Положимъ, мы беремъ палку и сбиваемъ яблоко: Это будетъ уже несомнѣнно „искусственный“ пріемъ; ибо, во-первыхъ, палка не является естественной частью нашего тѣла (какъ рука), а во-вторыхъ, это несомнѣнно пріемъ, придуманный нашимъ умомъ. Да, это пріемъ „искусственный“, въ смыслѣ его придуманности, но онъ вовсе не искусственный въ смыслѣ его ненужности: онъ былъ бы искусственнымъ въ смыслѣ излишняго, или ненужнаго лишь въ томъ случаѣ, если бы мы легко могли достать яблоко рукою, но вмѣсто этого пошли бы, отыскали палку и этой палкой сбили-бы яблоко...

Все, что придумано человѣческимъ умомъ, обыкновенно называютъ искусственнымъ, при этомъ часто забываютъ, что человѣческій умъ есть такая же „естественная“ принадлежность человѣческаго организма, какъ и, напримѣръ, рука или нога.

И вотъ, когда эту очевидную и простую истину забываютъ, то и выходитъ такъ, что „искусственные“ научные пріемы и основанную на нихъ жизнь цивилизованнаго человѣка противопоставляютъ „естественной жизни“ какъ, нѣчто излишнее, ненужное.

Мы сказали, что человѣческій умъ есть такое же „естественное“ явленіе, какъ и человѣческая рука, слѣдовательно, дѣло этого ума есть такое же естественное дѣло, какъ и дѣло руки. Все отличіе въ этомъ отношеніи руки отъ ума заключается въ томъ, что рука можетъ исполнять лишь непосредственную задачу, а умъ въ своихъ устремленіяхъ можемъ имѣть далекія и широкія цѣли. Это мы видѣли уже на примѣрѣ яблока: безъ посредства ума (т. е. размышленія) мы можемъ только непосредственно протянуть руку, чтобы сорвать яблоко.

Стоитъ только это ясно понять и твердо помнить, чтобы увидѣть, какъ бѣдна и мелка была бы жизнь человѣка безъ посредства ума и размышленія: очевидно, это была бы та жизнь, которую ведутъ животныя, причемъ нужно еще помнить, что человѣкъ, физически, во многомъ уступаетъ различнымъ животнымъ, онъ и не имѣетъ крыльевъ, и плохо вооруженъ, и сравнительно слабъ, и сравнительно медленъ въ движеніяхъ и т. п.

Наука есть не что иное, какъ систематизи-

рованное размышленіе, причемъ это систематизированное размышленіе имѣетъ въ виду отдаленныя цѣли.

Разсмотримъ, напримѣръ, наше питаніе. Вполнѣ „естественный“ способъ питанія, это питаніе на манеръ животнаго: животное просто ѣстъ все то, что находитъ готовымъ около себя и до чего можетъ достать его ротъ.. Значитъ, питаться, напримѣръ, дико растущими сѣменами пшеницы, будетъ „естественнымъ“ пріемомъ, а сѣять пшеницу есть уже пріемъ „искусственный“, результатъ размышленія и науки. Когда человѣкъ непосредственно схватываетъ колосъ пшеницы, разжевываетъ и съѣдаетъ его сѣмена въ сыромъ видѣ, то онъ непосредственно удовлетворяетъ свой голодъ. Когда же онъ сѣетъ пшеницу, то онъ имѣетъ отдаленную цѣль: онъ знаетъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ каждаго зерна вырастетъ много зеренъ, которыя онъ тогда и съѣстъ. Для подобнаго дѣйствія уже нужны опытъ и размышленіе, т. е. наука.

Но пойдемъ далѣе. Самый простой способъ посѣва состоитъ въ томъ, чтобы просто всунуть зерно въ землю. Но скоро человѣкъ замѣчаетъ, что если предварительно вспахать землю, то урожай станетъ болѣе вѣрнымъ и болѣе обильнымъ. Для вспашки земли человѣкъ дѣлаетъ какое-нибудь свое первобытное орудіе. Здѣсь цѣль его дѣятельности еще болѣе отдаляется и, слѣдовательно, участіе размышленія и науки еще болѣе увеличивается. Когда человѣкъ дѣлаетъ свое орудіе для паханія земли, то онъ знаетъ, что само по себѣ это орудіе ему не нужно, но оно ему нужно для паханія земли; но и это паханіе земли опять таки

самo по себѣ ему не нужно, а нужно для посѣва зеренъ. Но и этотъ посѣвъ зеренъ самъ по себѣ есть только потеря питательныхъ веществъ, и если человѣкъ, все таки, охотно идетъ на эту потерю, то лишь потому, что онъ знаетъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ обильно будетъ вознагражденъ за всѣ свои труды и потери.

Такимъ образомъ, человѣкъ дѣлающій орудіе для обработки земли, имѣетъ въ виду очень отдаленную цѣль, цѣль отдѣленную отъ его теперешняго дѣйствія цѣлымъ рядомъ посредствующихъ звеньевъ.

Намъ теперь хлѣбопашество кажется такою простою вещью, что большинству изъ насъ даже и не приходитъ въ голову, что это хлѣбопашество явилось слѣдствіемъ многихъ наблюденій и размышленій, что оно есть результатъ довольно сложной науки. Но то, что мы теперь считаемъ такою простою вещью, доступною самому необразованному крестьянину, то въ моментъ своего возниковенія считалось такою сложною и хитрою вещью, которая превосходитъ человѣческія способности. И въ древности создавались легенды утвердавшія, напримѣръ, что плугъ упалъ съ неба, а хлѣбопашеству научили людей боги. И это хлѣбопашество производилось подъ руководствомъ и по указанію высшихъ представителей тогдашней мудрости: жрецы, волхвы и маги давали указанія о времени и о способѣ обработки земли. Такой консервативный народъ какъ китайцы, до самаго послѣдняго времени сохранилъ обрядъ, въ силу котораго первую борозду при началѣ сезона паханія проводилъ самъ императоръ.

Но пойдемъ дальше. Всѣмъ извѣстно, что желѣзный плугъ является орудіемъ безъ всякаго сравненія болѣе совершеннымъ, чѣмъ различныя первобытныя деревянныя орудія хлѣбопашества. Но для устройства желѣзнаго плуга нужно сначала добыть изъ земли желѣзную руду. А это добываніе желѣзной руды, во-первыхъ, является еще болѣе отдаленнымъ звеномъ въ добываніи хлѣба, а во-вторыхъ, оно есть дѣятельность, даже по нашимъ современнымъ понятіямъ основанная на наукѣ: геологія и горное искусство учитъ насъ находить желѣзную руду въ землѣ, а указаніями химіи, физики и механики мы должны пользоваться для обработки руды и т. п.

Мы уже говорили о томъ, что наука помогаетъ намъ стремиться къ отдаленнымъ цѣлямъ и обобщать наши пріемы въ жизненной борьбѣ. На только что приведенномъ примѣрѣ мы показали, какимъ образомъ наука помогаетъ намъ стремиться къ отдаленнымъ цѣлямъ. Въ самомъ дѣлѣ, химикъ, изучающій въ своей лабораторіи свойства желѣзныхъ рудъ, физикъ, изучающій явленія теплоты и электричества, всѣ они очень многими звеньями отдалены отъ успѣшнаго урожая и, однако, безъ этихъ ихъ отдаленныхъ дѣйствій наши современные урожаи не были бы такъ обильны.

Но этотъ же примѣръ показываетъ намъ и обобщающее дѣйствіе науки. Въ самомъ дѣлѣ, когда химикъ изучаетъ свойства желѣзныхъ рудъ, а физикъ — явленія теплоты и электричества, то они вовсе не имѣютъ въ виду только помочь хлѣбопашеству и эта помощь, которую они оказываютъ хлѣбопашеству, является лишь очень малою частью той общей пользы, которую приноситъ ихъ наука

Въ самомъ дѣлѣ, всякому ясно, что искусство добывать желѣзо нужно не только для производства плуговъ, но и для желѣзныхъ дорогъ, и для слесарнаго производства и для тысячи другихъ производствъ. А что касается науки объ электричествѣ, то, какъ извѣстно, роль электричества въ современной жизни такъ велика, что не только производство плуговъ, но и само добываніе желѣза являются лишь ничтожной долей полезнаго примѣненія электричества.

А если электричество имѣетъ такое всеобщее примѣненіе, то, очевидно, что ученый, занятый изученіемъ электрическихъ явленій, не можетъ и даже не долженъ имѣть въ виду лишь одно какое-нибудь непосредственное примѣненіе этого электричества.

Такимъ образомъ возникаетъ то, что называется чистой наукой. Дѣятели чистой науки не имѣютъ въ виду непосредственныхъ полезныхъ примѣненій своей науки: они изучаютъ міровыя явленія лишь ради яснаго и точнаго познанія этихъ явленій. Но лишь невѣжественные люди смѣшиваютъ чистую науку съ безполезной наукой. Въ настоящее время крайне рѣдки бываютъ случаи, когда человѣкъ науки при своихъ занятіяхъ имѣетъ въ виду какое-либо одно опредѣленное практически-полезное примѣненіе своихъ изысканій.

Этимъ примѣненіемъ чистой науки къ практическимъ цѣлямъ занимаются различные техники-изобрѣтатели, которые черпаютъ свои познанія у представителей чистой науки и, руководясь ихъ указаніями, придумываютъ различные полезные инструменты.

Такъ, напримѣръ, геніальный Клеркъ Максуэлль далъ свои знаменитыя математическія формулы электрическихъ явленій. Много лѣтъ спустя, знаменитый Герцъ, руководясь ученіемъ Максуэлля, наглядно демонстрировалъ явленія электрическихъ волнъ. А руководясь указаніями Герца, Поповъ въ Россіи и Маркони въ Италіи устроили безпроволочный телеграфъ. Максуэлль и Герцъ были представителями „чистой науки“, но безъ ихъ открытій изобрѣтеніе Попова и Маркони было бы невозможно.

Требованіе, которое иногда высказывается невѣжественными людьми, чтобы каждый ученый, при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, непремѣнно, имѣлъ въ виду практическую пользу своего изслѣдованія, такое требованіе могутъ предъявлять только люди, совершенно не знакомые съ пріемами научнаго изслѣдованія; и удовлетвореніе подобному требованію знаменовало бы конецъ науки и возвращеніе къ временамъ невѣжества и тьмы. Всѣ науки, преподающіяся теперь въ нашихъ школахъ (какъ высшихъ, такъ и низшихъ) нужны, для человѣчества: онѣ стремятся изучить вселенную, какъ въ общемъ, такъ и въ частномъ. А владѣть міромъ, направлять различныя явленія такъ, чтобы эти явленія не только не вредили намъ, но и были бы полезны, можетъ только человѣкъ, хорошо изучившій эти явленія.

Поэтому ученый, положимъ, физикъ или химикъ, зная, что его наука необходима для благоденствія человѣческаго рода, долженъ изучать всѣ явленія положимъ физики или химіи, ни мало не думая о томъ, какую непосредственную „пользу“ можетъ принести его изслѣдованіе.

Прежде всего, всѣ явленія такъ между собою связаны, что безъ знанія одного какого-нибудь отдѣла, положимъ, физики, ученый рискуетъ неправильно понять и многіе другіе отдѣлы той же физики. Затѣмъ, весьма часто бываетъ, что ученый, изслѣдуя какое-нибудь явленіе, неожиданно для самого себя наталкивается на другое явленіе, о существованіи котораго онъ и не подозрѣвалъ, но которое имѣетъ огромное практическое значеніе. Такъ, напримѣръ, Рентгенъ открылъ „случайно“ свои знаменитые лучи, имѣющіе теперь такое широкое примѣненіе и въ медицинѣ и въ другихъ областяхъ знанія. Рентгенъ не искалъ этихъ лучей, о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣвалъ: онъ занимался изслѣдованіями изъ области „чистой науки“ и вдругъ замѣтилъ, что есть лучи, позволяющіе фотографировать предметы, покрытые непрозрачными (для обыкновенныхъ солнечныхъ лучей) тѣлами.

Есть одна наука (или, лучше сказать, одна, группа наукъ), безъ которой невозможно процвѣтаніе ни физики, ни химіи, ни многихъ другихъ наукъ, но которая сама по себѣ можетъ казаться совершенно безполезною, это—высшая математика.

Въ третьемъ вѣкѣ до Рождествѣ Христова, Аполлоній (изъ Перги) написалъ сочиненіе о коническихъ сѣченіяхъ. Въ этомъ своемъ сочиненіи онъ изучилъ свойства тѣхъ кривыхъ линій, которыя получаются, если мы будемъ разсѣкать какой-либо конусъ по разнымъ направленіямъ (получаемыя при этихъ „сѣченіяхъ“ „кривыя“ называются: кругомъ, элипсисомъ, параболой или гиперболой, смотря по тому, какъ мы разсѣчемъ

конусъ). Казалось бы, что можетъ быть безполезнѣе такого занятія, какъ изученіе свойствъ различныхъ „кривыхъ“, получаемыхъ отъ произвольнаго разсѣченія любого конуса? И, однако, безъ знанія свойствъ этихъ „кривыхъ“ невозможны были бы ни современное мореплаваніе, ни вся современная техника, о которой Апполоній, конечно, и не думалъ.

Когда крестьянка ткетъ свой домашній холстъ, то она хорошо знаетъ, для кого она его ткетъ: она хорошо знаетъ, что этотъ холстъ ей нуженъ, положимъ, для рубахи ея мужа. Но когда рабочій на большой ткацкой фабрикѣ занятъ своимъ дѣломъ, то было бы совершенно нелѣпо спрашивать его о томъ, что выйдетъ изъ дѣлаемаго имъ полотна. Рабочій знаетъ, что полотно вообще нужно для людей, а что въ частности выйдетъ изъ того аршина полотна, который онъ теперь сдѣлаетъ, объ этомъ ему нѣтъ никакой надобности и думать.

И если въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ ткацкое, очевидна нелѣпость требованія, чтобы рабочій могъ сказать, что выйдетъ изъ каждаго сдѣланнаго имъ вершка полотна, то тѣмъ болѣе должна быть очевидна нелѣпость требованія, чтобы ученый могъ указать на практическую полезность каждаго своего изслѣдованія.

Ученый твердо знаетъ, что наука нужна для человѣчества; онъ тверло знаетъ, что безъ науки жизнь человѣчества мало чѣмъ была бы выше жизни животныхъ,—и этого съ него достаточно. Зная это, онъ безъ оглядки отдается изученію міровыхъ явленій, причемъ онъ знаетъ, что чѣмъ возвышеннѣе предметъ его изученія, тѣмъ далѣе онъ бываетъ отъ „непосредственныхъ полезныхъ“ ре-

зультатовъ, но за то тѣмъ большее количество этихъ полезныхъ результатовъ онъ своимъ открытіемъ охватываетъ.

Великая роль науки въ жизни человѣчества плохо сознается отчасти потому, что люди, склонны признавать за наукою роль лишь въ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ, поражающихъ ихъ воображеніе. Поэтому люди часто и не понимаютъ, какъ жалка и бѣдна была бы наша жизнь безъ науки. Малообразованный человѣкъ, беря напримѣръ, въ руки кусокъ сахару, не можетъ себѣ даже и представить, сколько открытія въ области физики и химіи нужно было предварительно сдѣлать, чтобы мы могли теперь имѣть нашъ сахаръ. Если электрическое освѣщеніе даже и для малообразованнаго человѣка есть очевидное торжество науки, то съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать и того, что самая обыкновенная стеариновая или даже сальная свѣча есть тоже результатъ науки. Вообще слѣдуетъ твердо помнить, что все, чѣмъ жизнь человѣка отличается отъ жизни животныхъ, было завоевано человѣкомъ путемъ опыта, наблюденія и размышленія, т. е. путемъ науки.

Благодаря наукѣ жизнь человѣческая сдѣлалась не только богаче, но и продолжительнѣе. Смертность среди населенія прямо пропорціональна невѣжеству населенія. Когда мы узнаемъ, что, напримѣръ, въ 1912 году въ Россіи на каждую тысячу жителей было 25,9 смертей, а въ Голландіи 12,4, то мы ясно видимъ, насколько болѣе обезпечена жизнь въ странѣ высококультурной сравнительно со страной малокультурной.

Науки историческія и вообще, такъ называемыя гуманитарныя (т. е. занимающіяся жизнью чело-

вѣка, тогда какъ науки занимающіяся природой называются науками естественными), конечно, не ведутъ къ изобрѣтеніямъ ни въ области техники, ни въ области медицины. Но, уясняя людямъ то, какъ живетъ и развивается общество; какія опасности грозятъ государственному благоустройству; какія мѣры нужно принимать для упроченію порядка и свободы и для развитія просвѣщенія, торговли и промышленности;—уясняя людямъ всѣ эти основные вопросы человѣческой жизни, гуманитарныя науки оказываютъ имъ не меньшія услуги, чѣмъ науки естественныя.

Мы говорили до сихъ поръ лишь о полезныхъ слѣдствіяхъ науки, о томъ, что благодаря наукѣ, наша жизнь становится все болѣе и болѣе продолжительной, богатой и удобной. Но не менѣе важною является и возвышающая, облагораживающая роль науки.

Существуетъ поэтическій и трогательный разсказъ о томъ, какъ въ одномъ царствѣ, существовавшемъ на территоріи теперешней Англіи, было введено христіанство. Въ это небольшое и варварское царство явился христіанскій проповѣдникъ и началъ призывалъ народъ къ спасенію черезъ крещеніе и принятіе религіи Христа. Тогда царь этого государства созвалъ своихъ совѣтниковъ, чтобы обсудить вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ новому ученію. И одинъ изъ этихъ совѣтниковъ сказалъ слѣдующее: «вспоминаешь ли ты, царь, какъ иногда бываетъ зимою, что вокругъ твоего дома темно, холодно и бушуетъ снѣжная вьюга, а мы здѣсь пируемъ съ тобою въ теплой и освѣщенной комнатѣ. И вдругъ иногда, изъ ночной тьмы влетитъ къ намъ въ

открытое окно птичка, пролетитъ черезъ комнату и исчезнетъ вновь во мракѣ ночи. Такъ и наша жизнь, здѣсь на землѣ: мы не знаемъ ни того, откуда мы приходимъ, ни того, куда мы уходимъ послѣ кратковременнаго пребыванія подъ солнцемъ И если новая вѣра можетъ сказать намъ что нибудь объ этомъ, то ее слѣдуетъ принять».

Какъ только человѣкъ хотя нѣсколько возвышается надъ животнымъ, какъ только онъ сознаетъ свое „я“, какъ нѣчто исключительное, единственное въ мірѣ, т. е. нѣчто такое, чего нельзя замѣнить ничѣмъ инымъ, такъ онъ сейчасъ начинаетъ задумываться надъ своимъ положеніемъ во вселенной. Неизбѣжность смерти чрезвычайно обостряетъ этотъ вопросъ. И чѣмъ человѣкъ даровитѣе, тѣмъ болѣе онъ не можетъ удовлетворяться лишь мелкими текущими дѣлами своей жизни, тѣмъ болѣе онъ задумывается надъ общей судьбой людей, надъ судьбой своей, своихъ близкихъ всего человѣчества и всего міра.

А задумываться надъ этими вопросами значитъ философствовать. И вотъ почему философія способна поглотить всего человѣка, которому тогда всѣ земныя дѣла покажутся такими мелкими, нестоющими вниманія. И если такъ всецѣло отдаться философіи могутъ лишь немногія, исключительныя натуры, то интересоваться философскими вопросами тревожиться ими и задумываться надъ своей судьбою могутъ и должны всѣ люди. Нѣтъ науки, которая болѣе возвышала бы душу человѣческую чѣмъ философія. И лишь совершенно грубыя и тупыя натуры не способны ни въ малѣйшей степени испытывать, возвышающаго дѣйствія философіи.

Такимъ образомъ мы пришли къ вопросу объ „удовлетвореніи“ которое испытываютъ люди, занимающіеся научно-философскими вопросами.

Человѣческій духъ имѣетъ два основныя проявленія: умъ и чувство (разбирать вопросъ о третьей составной части духа—о волѣ, здѣсь нѣтъ надобности). Роль ума, или познанія въ человѣческой жизни громадна. Но всетаки, познаніе играетъ въ нашей жизни лишь служебную роль. Вполнѣ познавши внѣшній міръ и самихъ себя мы будемъ способны направить нашу жизнь и нашу дѣятельность согласно нашимъ желаніямъ мы получимъ власть надъ вещами мы избѣгнемъ всякихъ бѣдствій и будемъ полными господами положенія. Но это все добытое познаніе наше лишь предуготовляетъ для нашего чувства (большинство философовъ вмѣсто словъ: „чувство“ употребили бы слово: „воля“, но здѣсь неумѣстно касаться этого философскаго разногласія). И если человѣкъ глубоко заглянетъ внутрь самого себя если онъ постарается узнать, что составляетъ его святое святыхъ, самую сущность его „я“, то онъ найдетъ тамъ, конечно, не познаніе, а чувство. Познаніе есть только отношеніе его чувства, его „я“ къ внѣшнему міру, къ „не-я“.

Вся наша тѣлесная и духовная жизнь связана съ чувствомъ. Простыя чувства, связанныя съ нашей тѣлесной жизнью, имѣютъ весьма небольшую цѣну. И въ весьма значительной степени здѣсь удовольствія связаны лишь съ устраненіемъ страданій: мы голодны и поэтому ѣдимъ съ удовольствіемъ, но какъ только голодъ удовлетворенъ является пресыщеніе и пища начинаетъ вызывать у насъ нѣкоторое отвращеніе. Это довольно типич-

ный примѣръ для нашихъ низшихъ тѣлесныхъ чувствованій. Наилучшимъ изъ чувствованій этого рода является то общее радостное чувство, которымъ бываетъ переполнено молодое и, вполнѣ здоровое существо, у котораго всѣ тѣлесныя отправленія совершаются вполнѣ правильно и вдобобокъ это радостное чувство не является простымъ слѣдствіемъ устраненія страданія.

Совершенно иной характеръ имѣютъ чувствованія высшаго порядка, связанныя съ нашей духовной жизнью. Въ хорошо устроенномъ мозгу цивилизованнаго человѣка имѣется такой огромный запасъ нервной энергіи, что онъ можетъ тратить ее въ большомъ количествѣ, не испытывая истощенія (а во время сна эта энергія вновь возстановляется).

Роль искусства въ жизни человѣка заключается въ томъ, что оно умѣетъ цѣлесообразно пользоватся этими запасами энергіи. Но прежде чѣмъ говорить объ искусствѣ въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова, мы скажемъ объ эстетической сторонѣ научно-философской дѣятельности и, такимъ образомъ, закончимъ, наконецъ, вопросъ объ „удовлетвореніи“, приносимомъ занятіями наукой и философіей.

Если обыкновенно упускаютъ изъ виду эстетическую сторону научно-философской дѣятельности, то это объясняется тѣмъ, что людей, способныхъ испытывать подобнаго рода чувства въ болѣе или менѣе интенсивной формѣ, такихъ людей, очень мало. Такъ, напримѣръ, тѣ люди, которые способны проникнуть въ самую глубину высшихъ математическихъ изысканій, знаютъ, что при этомъ можно испытать переживанія, похожія

на пережившія, испытываемыя при слушаніи музыкальныхъ произведеній. Но только на десятки тысячъ людей, способныхъ наслаждаться музыкой, быть можетъ, найдется лишь одинъ, способный наслаждаться такимъ образомъ и математикой. А глубокія изысканія въ области философіи, развѣ они не способны вызвать въ душѣ своего рода симфонію, поменьшей мѣрѣ, не уступающую знаменитой девятой симфоніи Бетховена? Но много ли на свѣтѣ людей, способныхъ т а к ъ относится къ философіи?! Но если людей, способныхъ къ сильнымъ эстетическимъ переживаніямъ при занятіяхъ наукой и философіей, къ сожаленію, весьма не много, то, съ другой стороны, при достаточной культурѣ и правильномъ воспитаніи, конечно, и средніе люди окажутся способными къ нѣкоторымъ переживаніямъ подобнаго рода.

Однако, главной ареной для эстетическихъ переживаній всегда будутъ такъ называемыя изящныя искусства.

Если сомнѣваться въ великой общественной роли наукъ могутъ теперь только люди совершенно невѣжественные, то сомнѣнія касательно „полезности“ искусствъ часто высказывались и людьми достаточно просвѣщенными. Однако, люди, высказывавшіе эти сомнѣнія, просто не уясняли себѣ вопроса о томъ, что такое эта, требуемая ими „полезность“ искусства и сверхъ того они смѣшивали роль познавательной стороны человѣческаго духа съ ролью чувства.

Искусство не можетъ и не должно прямо служить познанію. Впрочемъ, ни музыка, ни живопись, ни скульптура (ваяніе), ни архитектура и

не могутъ безъ очевидной и крайней натяжки претендовать на познавательную дѣятельность.

Но литературныя произведенія, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, не разъ пытались играть несвойственную имъ роль проводниковъ познанія. Въ древнія времена философскія произведенія иногда излагались въ стихахъ. Это были плохіе стихи, почти всегда не имѣвшіе никакой художественной цѣнности, а желаніе авторовъ, хотя съ бѣдой пополамъ, приноровить свои произведенія къ стихотворной формѣ, конечно, ослабляло силу логическихъ доказательствъ.

Было написано не мало такъ называемыхъ „тенденціозныхъ“ романовъ и повѣстей, въ которыхъ авторы стремились не къ созданію художественныхъ цѣнностей, а къ пропагандѣ какой либо идеи. Если этимъ авторамъ удавалось такимъ образомъ внѣдрять въ умы читателей здравая идея, то осуждать ихъ за созданіе своихъ тенденціозныхъ произведеній, конечно, было бы нелѣпо.

Но только не слѣдуетъ считать ихъ сочиненія за произведенія искусства.

Людямъ съ тонко развитымъ эстетичекимъ чувствомъ и съ научнымъ образованіемъ, конечно, подобныя произведенія могутъ показаться скучными, но есть значительная группа читателей, для которыхъ строго приведенныя научныя доказательства кажутся трудными для пониманія, и для такихъ читателей полезно бываетъ разжижить и подсластить разсужденія и доказательства, придавши имъ форму разсказа.

Искусство ничего не можетъ д о к а з ы в а т ь, оно можетъ лишь п о к а з ы в а т ь. Художникъ тоньше и лучше средняго человѣка различаетъ въ своей

душѣ различныя переживанія и показавши намъ эти переживанія, заставляетъ насъ и въ собственной нашей душѣ замѣтить подобныя же переживанія.

Всѣ, вѣроятно, видѣли такого рода картинки, на которыхъ при первомъ взглядѣ видишь одно, а при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, или послѣ указанія намъ другимъ человѣкомъ, видишь совершенно иное. Напримѣръ, при первомъ взглядѣ видишь такую картину: люди сидятъ въ лѣсу, ѣдятъ и пьютъ; но, затѣмъ, скоро замѣчаешь (или намъ показываютъ), что вѣтви и листья деревьевъ такъ нарисованы, что получается фигура дракона, собирающагося пожрать людей. И когда это замѣтишь (или когда намъ это укажутъ), то съ тѣхъ поръ уже фигура дракона выдвигается на первый планъ, и даже удивляешься, какъ это при первомъ взглядѣ не замѣтилъ дракона, а принялъ его за лѣсъ.

Если въ нашей душѣ совершенно нѣтъ никакихъ элементовъ, соотвѣтствующихъ произведенію искусства, то мы останемся совершенно холодны и не поймемъ его. Но подобныя явленія крайне рѣдки, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда художникъ и его цѣнитель, оба принадлежатъ къ одному и тому же народу, живутъ, приблизительно; въ одно и то же время и не особенно отличаются другъ отъ друга образованіемъ и культурой. А въ такихъ случаяхъ души человѣческія являются складами, приблизительно, изъ однихъ и тѣхъ же психическихъ образованій и отличаются другъ отъ друга болѣе количественно, чѣмъ качественно, и роль художника заключается въ томъ, что онъ лучше публики отыскиваетъ въ своей душѣ ка-

кой либо цѣнный элементъ, показываетъ его публикѣ, которая сейчасъ же находитъ этотъ элементъ и въ своей душѣ.

А такъ какъ мы знаемъ, что элементы познанія являются только воздѣйствіемъ внѣшняго міра на нашу душу, а самая сущность нашей души это—чувство, то понятно, что художникъ, который только показываетъ намъ свою душу, не можетъ показать намъ ничего, кромѣ чувства, т.-е., онъ можетъ разбудить наше дремлющее чувство, очистить его отъ посторонныхъ элемен-товъ и, такимъ образомъ, показать намъ самимъ то, что было въ нашей душѣ, но чего мы не замѣчали.

А подобное дѣло художника могутъ называть безполезнымъ лишь тѣ люди, которые подъ „пользой" понимаютъ лишь удовлетвореніе чисто тѣлесныхъ потребностей.

Конечно, эти тѣлесныя потребности должны быть прежде всего удовлетворены, ибо неудовлетвореніе ихъ вызываетъ значительное страданіе.

Но мы знаемъ, что, чѣмъ ниже чувствованія, тѣмъ менѣе они могутъ быть основой нашего счастія, ибо эти чувствованія говорятъ сильно лишь тогда, когда соотвѣтствующія потребности не удовлетворены и когда, вслѣдствіе этого, они вызываютъ у насъ страданіе; но какъ только эти потребности удовлетворены, какъ только соотвѣтствующее страданіе (напримѣръ, голодъ) устранено, почти сейчасъ же начинаются пресыщеніе и апатія.

Пока человѣкъ страдаетъ отъ голода, холода и т. п., ему не до искусства. Но какъ только человѣчество поднялось на такую ступень, что люди не должны всѣ свои силы направлять на борьбу

лишь съ голодомъ и холодомъ, сейчасъ же появляется искусство. Возникновеніе искусства знаменуетъ собой, что человѣчество начало уже накоплять счастіе. И только въ такой формѣ и возможно для людей накопленіе счастія, ибо, повторяемъ, удовлетвореніе низшихъ потребностей даетъ почти исключительно лишь, такъ называемое нѣкоторыми философами, отрицательное удовольствіе, т.-е., является почти исключительно лишь устраненіемъ страданія.

Но когда потребности, способные вызвать наше физическое страданіе, удовлетворены, тогда начинается настоящій праздникъ нашего чувства, т.-е., нашего „я“. И этотъ праздникъ, это торжество нашего „я“ можетъ устроить намъ только искусство. (Напоминаемъ читателю, что и наука и философія даютъ намъ тоже эстетическія переживанія и если мы теперь говоримъ лишь объ искусствѣ, то это мы дѣлаемъ вслѣдствіе сравнительной рѣдкости людей, способныхъ подняться до высоты научно-философскихъ чувствъ; что касается нравственныхъ чувствъ, то о нихъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ. Общественная же дѣятельность связана: частію съ нравственными чувствами, частію съ чувствами гордости и тщеславія, а частію въ этетикой борьбы и наслажденія комбинаціями).

Человѣкъ, удовлетворившій своимъ тѣлеснымъ потребностямъ, покончивши, такъ сказать, свои „земныя дѣла“, впалъ бы въ пресыщеніе и скуку, если бы у него не было произведеній искусства. Искусство даетъ ему возможность оторваться отъ своего маленькаго „я“, отъ „земли“, и сознать

свое родство со вселенной. Музыка, напримѣръ, своею безтѣлесностью выводитъ насъ за предѣлы всего „земного“, она способна разбудить и довести до экстаза наше чистое чувство, т.-е, она способна заставить насъ забыть о всякомъ воздѣйствіи внѣшняго міра на наше тѣло, то тѣло, которое всегда ощущается нами, какъ нѣчто чуждое нашему внутреннему „я“.

Количество нашихъ чувствованій, связанныхъ съ чисто тѣлесной жизнью, весьма ограниченно, и, что главное, неспособно къ возрастанію. Въ этомъ отношеніи мы мало чѣмъ превосходимъ высшихъ животныхъ. Количество же духовныхъ наслажденій способно къ безграничному возрастанію.

Наѣвшееся животное, обыкновенно, бездѣйствуетъ и спитъ. Это значитъ, что жизнь такого животнаго сводится лишь къ устраненію мукъ голода, но когда это тяжелое чувство голода устранено,—вся душевная дѣятельность животнаго исчерпана и наступаетъ безразличіе апатіи. Однако, даже и животныя, особенно болѣе высокія, способны къ нѣкоторому накопленію счастія, что и выражается у нихъ игрою.

Игра есть особый видъ искусства и это есть тотъ видъ искусства, который доступенъ и высшимъ животнымъ и дѣтямъ. Игра указываетъ на то, что у играющаго существа накопленъ избытокъ энергіи, и разнообразіе игръ соотвѣтствуетъ разнообразію видовъ накопленія энергіи.

Начиная съ чисто тѣлесныхъ игръ животныхъ, игръ при которыхъ расходуется накопленная мускульная энергія; переходя къ играмъ дѣтей, которыя при своихъ играхъ (положимъ въ раз-

бойники) переживаютъ нѣчто подобное тому, что переживаютъ взрослые люди при чтеніи романовъ и повѣстей;—мы имѣемъ затѣмъ безконечно разнообразныя игры, въ основѣ которыхъ лежитъ накопленное половое чувство (таковы, напримѣръ, всѣ эти балы, пикники и т. п.). Наконецъ, мы имѣемъ и чисто интеллектуальныя игры, напримѣръ, шахматы.

Геніальныя шахматныя партіи, напримѣръ, Морфи или Андерсена являются настоящими произведеніями искусства. Прошли десятки лѣтъ со времени созданія этихъ партій, и каждый изъ насъ можетъ, взявши собраніе партій, наслаждаться разсмотрѣніемъ геніально-задуманныхъ комбинацій, подобно тому, какъ каждый можетъ, пойдя въ картинную галлерею, наслаждаться картинами Рембрандта, Рафаеля или Веласкеца.

Такимъ образомъ, въ играхъ мы имѣемъ всю гамму переживанія отъ чисто физическихъ игръ животныхъ и малыхъ дѣтей до чисто интеллектуальныхъ переживаній при игрѣ въ шахматы, переживаній напоминающихъ собою также чисто-интеллектуальную эстетику математическихъ изслѣдованій.

Резюмируя все сказанное нами объ искусствѣ, мы напомнимъ читателямъ, что самая сущность нашего „я“ есть чувство, и что основная роль познанія заключается только въ установленіи гармоніи между нашими чувствами и остальнымъ міромъ, т. е. въ такомъ воздѣйствіи на внѣшній міръ, при которомъ наши чувства были бы „удовлетворены“.

Умъ завоевываетъ міръ, но завоевываетъ его для чувства.

Но эти наши чувства представляютъ безконечное разнообразіе: начиная съ чисто тѣлесныхъ чувствъ, мы мало по малу переходимъ ко все болѣе и болѣе „отвлеченнымъ“ чувствамъ, высочайшимъ проявленіемъ котораго есть философское созерцаніе красоты мірозданія.

ГЛАВА XI.

Нравственное развитіе общества.

Дѣйствительно нравственный человѣкъ обладаетъ двумя качествами: онъ „любитъ“ людей и твердо исполняетъ свой „долгъ“.

То, что обыкновенно называютъ любовью къ людямъ, въ свою очередь, слагается изъ двухъ частей: изъ способности къ сочувствію (иначе, къ симпатіи) и изъ способности къ испытыванію нѣжныхъ чувствъ относительно людей. Сочувствіе, или симпатія заключается въ томъ, что мы бываемъ способны страдать при видѣ чужихъ страданій и радоваться при видѣ чужой радости. На практикѣ главную роль играетъ способность страдать при видѣ чужихъ страданій, и это не только потому, что эта сторона симпатіи практически полезнѣе, но также и потому, что она гораздо чаще встрѣчается. Одинъ нѣмецкій писатель остроумно сказалъ, что для того, чтобы сочувствовать чужимъ страданіямъ, достаточно быть только человѣкомъ, а для того, чтобы радоваться чужимъ радостямъ—нужно быть ангеломъ,

Нѣкоторые могутъ подумать, будто одной симпатіи достаточно для любви къ людямъ. Но подобное мнѣніе было бы ошибочно. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые сильно страдаютъ при видѣ чужого страданія, но ни мало не стремятся помочь страждущему, а только стараются избѣгать его, чтобы „не разстраивать себя".

Люди, которые не испытываютъ страданія при видѣ чужого страданія — нравственно тупы; а люди, которые способны страдать отъ чужого страданія, но не помогаютъ страждущему, а лишь оберегаютъ себя отъ тяжести сочувственнаго страданія, такіе люди—эгоисты.

И такъ, значитъ, одного „сочувствія" не достаточно для „любви" къ людямъ, а для этого нужно еще, чтобы люди вызывали въ нашей душѣ то особое чувство, которое лучше всего будетъ назвать „нѣжностью".

Теперь спрашивается, насколько понятая такимъ образомъ способность любить людей возрастаетъ съ ходомъ цивилизаціи?

Опредѣлить степень возрастанія нѣжнаго чувства съ ходомъ цивилизаціи, крайне трудно, ибо, прежде всего, мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, какимъ образомъ опредѣлять величину этого чувства. Поэтому, здѣсь придется ограничиться лишь общими соображеніями. А именно, мы можемъ утверждать, что общее возрастаніе духовныхъ силъ человѣка должно сопровождаться и возрастаніемъ отдѣльныхъ элементовъ нашего духа.

Наша духовная жизнь съ ходомъ цивилизаціи дѣлается все тоньше, все изящнѣе, все сложнѣе, все богаче, все благороднѣе—и было бы крайне

странно, если бы именно такой благородный и изящный элементъ, какъ нѣжное чувство, при этомъ не возрасталъ.

Затѣмъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ въ первое время существованія человѣческаго рода, нѣжное чувство должно было возрастать, ибо несомнѣнно человѣкъ, своею способностью къ нѣжному чувству, далеко превосходитъ животныхъ вообще и своихъ ближайшихъ родственниковъ, обезьянъ, въ частности.

И если бы, напримѣръ, какой-нибудь любитель средневѣковья сталъ утверждать, что нѣжное чувство возрастало только до среднихъ вѣковъ, а потомъ стало падать, то, очевидно, что обязанность доказать это положеніе лежала бы на немъ.

Въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи находимся мы при попыткѣ опредѣлить степень возрастанія чувства симпатіи, ибо у насъ тутъ есть вполнѣ ясное и опредѣленное мѣрило, а именно—указаніе на широту этой симпатіи.

Когда мы читаемъ разсказъ о томъ, какъ дикари наслаждаются видомъ мученія плѣнныхъ враговъ, то мы ясно видимъ, какъ узокъ, какъ ограниченъ кругъ симпатій этихъ дикарей. Одинъ средневѣковый, благочестивый, христіанскій писатель, описывая поле битвъ послѣ одного изъ сраженій во время крестовыхъ походовъ, сказалъ что ему было бы крайне тяжело видѣть такую массу убитыхъ людей, если бы эти убитые не были невѣрными. Такимъ образомъ этотъ благочестивый христіанинъ уже не наслаждается страданіями враговъ, но еще не жалѣетъ ихъ.

Въ настоящее время совершенно невозможны у насъ такія сцены, какія имѣли мѣсто въ Римѣ,

даже во времена высшаго расцвѣта его культуры— мы говоримъ о бояхъ гладіаторовъ и о травѣ людей дикими звѣрями. Хотя у насъ многіе и любятъ говорить о „развращенности“ нашей цивилизаціи, но развѣ теперь возможно, чтобы цвѣтъ нашего общества, и мужчины и женщины, собирались смотрѣть, какъ люди убиваютъ, другъ друга и какъ людей терзаютъ звѣри?!

Ликуетъ буйный Римъ.. торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена,—
А онъ, пронзенный въ грудь,—безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна,
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ...
Надменный временщикъ и льстецъ его сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!

Эти дивные стихи Лермонтова показываютъ, насколько широта нашихъ симпатій возрасла со временъ Римской имперіи.

И дѣйствительно, всякій безпристрастный человѣкъ, изучая ходъ всемірной исторіи, не можетъ не замѣтить, что широта человѣческой симпатіи постоянно возрастала.

Начиная съ первобытнаго человѣка-звѣря, который впервые почувствовалъ, что онъ и его жена, хотя бы и временная жена, связаны между собою, хотя бы мимолетною общностью чувствъ и интересовъ—это „общеніе душъ“ все болѣе и болѣе возрастало, все расширялось и укрѣплялось.

Сочувствіе люди испытываютъ постолько, посколько чувствуютъ общность существа между собою и тѣмъ кому сочувствуютъ. Извѣстный австрійскій реакціонеръ князь Виндишгрецъ сказалъ,

что „человѣкъ начинается съ барона"; этимъ онъ показалъ, что онъ неспособенъ возвыситься до пониманія сущности человѣка, и что для него все богатство человѣческой природы, вся поэзія интимныхъ переживаній любви, надеждъ, стремленій тревогъ и упованій, все это не играетъ никакой роли: важно для него лишь рожденіе въ извѣстномъ кругѣ общества и соотвѣтственный лоскъ воспитанія. Но и бѣднякъ—пролетарій, не относящійся „по человѣчески" къ представителямъ болѣе богатыхъ классовъ, оказывается въ нравственномъ отношеніи столь же низко стоящимъ, какъ и князь Виндишгрецъ. Для этого злобствующаго пролетарія, значитъ, все человѣческое достоинство отходитъ на задній планъ передъ вопросомъ о томъ, болѣе или менѣе денегъ имѣетъ извѣстный человѣкъ. И князь Виндишгрецъ, и нашъ гипотетическій пролетарій такимъ образомъ, обнаруживаетъ узость и тупость своего нравственнаго сознанія.

Сколько теперь совершается несправедливостей насколько на нашей бѣдной землѣ увеличивается страданіе изъ за того, что люди въ большинствѣ случаевъ ограничиваютъ свои симпатіи лишь узкимъ кругома „своихъ". Людей, отличающіеся другъ отъ друъа національностью, вѣрою или общественнымъ положеніемъ, весьма часто смотрятъ другъ на друга, какъ на что то вполнѣ чуждое имъ, какъ на нѣчто такое, съ чѣмъ у нихъ нѣтъ и не можетъ быть накакой нравственной солидарности (общости).

Тогда какъ человѣкъ, дѣйствительно высоконравственный, человѣкъ съ тонкой и отзывчивой душей всегда ясно сознаетъ, что всѣ эти мелкія

отличія національности и общественнаго положенія не могутъ играть никакой роли въ сравненіи съ громадной общностью человѣческой природы. Мало того, тонко чувствующій человѣкъ распространяетъ свое сочувствіе и на животныхъ и на все чувствующее, и въ извѣстномъ смыслѣ онъ чувствуетъ и свое единеніе со всей природой.

Это настроеніе прекрасно передалъ гр. Алексѣй Толстой въ своей извѣстной поэмѣ „Іоаннъ Дамаскинъ“ слѣдующими словами.

«Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды.
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду.
О, если бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О, если бъ могъ въ свои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить».

Возрастаніе и укрѣпленіе съ ходомъ цивилизаціи второго основного принципа нравственнаго поведенія, т. е. чувства долга, еще очевиднѣе, тѣмъ расширеніе и укрѣпленіе нашихъ симпатій.

Ибо чувство долга предполагаетъ большое самообладаніе и высоко-развитый умъ. Всякій, конечно, встрѣчалъ людей, про которыхъ говорятъ: „онъ (или она) человѣкъ добрый (или добрая), но на

него (или на нее) положиться нельзя". Это — импульсивныя существа, не лишенныя „любви къ людямъ", но лишенныя „чувства долга".

Само собою разумѣется, что на первой ступени человѣческаго развитія о „долгѣ" не можетъ быть и рѣчи: дикарь живетъ минутою, всякими мимолетными впечатлѣніями, и для него всякія неизмѣнныя правила поведенія такъ чужды, что его можно заставить слѣдовать имъ лишь угрозой наказанія.

А подобное поведеніе, поведеніе, обусловленное лишь угрозой наказанія, не можетъ назваться нравственнымъ поведеніемъ. Если я не убиваю и не граблю лишь потому, что боюсь наказанія здѣсь, на землѣ, или на томъ свѣтѣ, то я еще не могу называться человѣкомъ нравственнымъ, ибо нравственнъ лишь тотъ, кто не убиваетъ и не грабитъ потому, что противъ убійства и грабежа возстаетъ его нравственное чувство. Поведеніе, согласное съ долгомъ, и есть такое поведеніе, которое одобряется внутреннимъ чувствомъ человѣка, его совѣстью. Роль долга особенно велика въ общественной жизни. Ибо въ частной жизни у насъ есть еще руководитель въ лицѣ непосредственнаго чувства, которое, правда, не можетъ замѣнить чувства долга, но которое въ б о л ь ш и н с т в ѣ с л у ч а е в ъ даетъ вѣрныя указанія.

Но въ общественныхъ вопросахъ указанія непосредственнаго чувства бываютъ крайне невѣрны и слѣдованіе имъ крайне опасно. Здѣсь мы должны руководиться чувствомъ долга и связанной съ нимъ идеей с п р а в е д л и в о с т и.

Жизнь, сообразная съ чувствомъ долга, есть жизнь, руководимая нашимъ нравственнымъ соз-

наніемъ. Если мы пришли къ убѣжденію, что нравственнымъ является лишь извѣстное поведеніе, то мы и должны ему неуклонно слѣдовать, не давать сбить себя съ прямого пути подъ вліяніемъ мимолетныхъ чувствованій. Изъ этого не значитъ, что разъ принятое нами рѣшеніе не можетъ подвергаться критикѣ. Нѣтъ, всякій мыслящій человѣкъ постоянно помнитъ, какъ всѣ человѣческія рѣшенія подвержены ошибкамъ, и онъ постоянно будетъ насторожѣ, постоянно будетъ вновь и вновь обсуждать вопросъ о правильности своего рѣшенія. Но онъ всегда будетъ смотрѣть на свое рѣшеніе, какъ на общее правило, обязательное для него, а не какъ на удовлетвореніе своего каприза, не какъ на способъ проявить свое хорошее или дурное настроеніе, и не какъ на способъ обнаружить свое благоволеніе или нерасположеніе къ кому либо.

Понятно, что такое неуклонное слѣдованіе общимъ правиламъ требуетъ большого ума и твердой воли, зато оно и даетъ высшую нравственную красоту человѣческому характеру.

Нравственное чувство есть самое высокое и самое сложное изъ всѣхъ чувствъ. И, соотвѣтственно съ этимъ то эстетическое переживаніе, которое возникаетъ въ человѣкѣ при созерцаніи высоко-нравственнаго поведенія (своего или чужого), есть очень сложное и очень высокое эстетическое чувство.

Для читателей, которые захотѣли бы ознакомиться съ современной литературой по соціологіи, мы можемъ указать на слѣдующія наиболѣе важныя работы, **имѣющіяся на русскомъ языкѣ** (имена авторовъ помѣщены въ алфавитномъ порядкѣ).

1) **Бокль.**—Исторія цивилизаціи въ Англіи.
2) **Бюхеръ.**—Происхожденіе народнаго хозяйства.
3) **Дюркеймъ.**—Общественное раздѣленіе труда.
4) **Карѣевъ.**—Основные вопросы философіи исторіи.
5) **Карѣевъ.**—Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.
6) **Карѣевъ.**—Введеніе въ изученіе соціологіи.
7) **Карѣевъ.**—Исторіологія (теорія историческаго процесса).
8) **Карѣевъ.** — Историко-философскіе и соціологическіе этюды.
9) **Карѣевъ.**—Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ.
10) **Карѣевъ.**—Исторія Западной Европы въ новое время. (Въ семи томахъ (девяти частяхъ). Исторія Европы доведена авторомъ до объявленія войны въ 1914 г.).
11) **Карѣевъ** I.—Государство—городъ античнаго міра,
12) **Карѣевъ** II.—Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра.
13) **Карѣевъ** III.—Помѣстье—государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ.
14) **Карѣевъ** IV.—Западно-Европейская абсолютная монархія XVI-XVIII вѣковъ.
15) **Карѣевъ** V. — Происхожденіе современнаго народоправового государства. (Послѣднія пять книгъ профессора Карѣева объединены общимъ замысломъ автора: онѣ всѣ вмѣстѣ составляютъ: «Типологическіе курсы по исторіи государственнаго быта»).

16) **Киддъ.**—Соціальное развитіе.
17) **М. Ковалевскій.**—Соціологія.
18) **М Ковалевскій.**—Современные соціологи.
19) **Коллинсъ.**—Философія Герберта Спенсера.
20) **Краулей** — Мистическая роза.
21) **Лангъ.**—Мифологія.
22) **Леббокъ.**—Начало цивилизаціи.
23) **Летурко.**—Соціологія поданнымъ этнографіи.
24) **Липпертъ** —Исторія культуры.
25) **Милюковъ.**—Очерки по исторіи русской культуры
26) **Миртовъ (Лавровъ).**—Историческія письма.
27) **Михайловскій.**—Сочиненія (статьи: что такое прогрессъ? Борьба за индивидуальность. Герои и толпа. Вольница и подвижники).
28) **Мэнъ.**—Древній законъ и обычай.
29) **Риголяжъ.**—Соціологія Ог. Конта въ изложеніи.
30) **Гербертъ Спенсеръ.**—Основанія соціологіи.
31) **Сутерландъ.**—Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта.
32) **Тардъ.**—Законы подражанія.
33) **Тэйлоръ.**—Первобытная культура.
34) **Фюстель де Куланжъ.**—Гражданская община древняго міра.
35) **В. М. Хвостовъ.**—Соціологія. Часть I. Историческій очеркъ ученій объ обществѣ.
36) **Шантепи - де - ля - Соссей.** — Иллюстрированная исторія религій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
Гл.	I. Почему люди живутъ обществами?	3
„	II Первобытный человѣкъ	9
„	III. Первобытное общество и его дальнѣйшее развитіе	31
„	IV. Семья, родъ и государство	44
„	V Власть духовная и власть свѣтская	63
„	VI. Военная и промышленная дѣятельности людей	78
„	VII. Формы государственной власти	86
„	VIII. Экономическая жизнь общества и раздѣленіе его на классы	109
„	IX. Законъ и право	131
„	X. Наука и искусство	142
„	XI. Нравственное развитіе общества	165